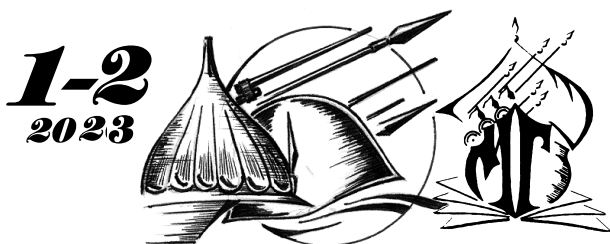

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Максим ВОРОБЬЁВ. Этот прогнивший Запад	3
Владимир БОЛЬШАКОВ. Очищение	9
Александр ОДИНЦОВ. Что мешает нашей армии?	42
Валерий КИРИЛЛОВ. Нужна воля сверху	80
Валерий ГАБРУСЕНКО. Бомба под Россию	90

ПРОЗА

Юрий СЕМЁНОВ. Трудно человеку на войне. Рассказ	21
Владимир ВЕЩУНОВ. Два рассказа	51
Сергей ПЫЛЁВ. Небоевые потери. Рассказ	98
Геннадий КАРПУНИН. Маска. Рассказ	133
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Два рассказа	155

ПОЭЗИЯ

Сергей ЧЕПРОВ. Все мы — человеки. Стихи	36
Александр ПОТАПОВ. Отечество и отчество. Стихи	71
Олег ПАВЛОВ. Имена. Стихи	76
Виктор КАРПУШИН. Иду по льду... ..	122
Марианна СОЛОМКО. Золотые зёрна	126

РУССКОЕ ДЕЛО

Лина МКРТЧЯН. Судьбы сакрального русского языка 129

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Виктор ПУШКАРЁВ. Битве на Калке — 800 лет 179
Валерий ГАБРУСЕНКО. Взятие Казани 189

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергей КАРАМЫШЕВ. Геноцид 194
Станислав РЫЖОВ. Жизнь Василия Блаженного 203

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Ирина УШАКОВА. Владимир Заманский.
Свидетельство о времени 211

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Всё уже было 219
Валерий ШАМБАРОВ. Кто стоял за декабристами 231

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Александр ОДИНЦОВ. «Эксперимент» или диверсия? ... 240

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Андрей СОШЕНКО. Шестая колонна 254

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Победа любой ценой 261
Сергей СМОЛЯНОВ. По чьему плану всё пойдёт? 266
Николай СОМИН. Православный социализм как идеология
развития России 270

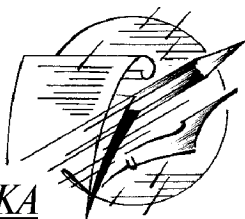
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение 273

ЭТОТ ПРОГНИВШИЙ ЗАПАД

Выражение «гниющий Запад» отнюдь не изобретение советских пропагандистов. Оно появилось гораздо раньше. Впервые употребили это словосочетание славянофилы еще в первой половине XIX века. Затем Н.Я. Данилевский в своем фундаментальном труде «Россия и Европа» посвятил этому вопросу целую главу: «Гниёт ли Запад?», в которой убедительно доказал, что да, действительно гниёт. Западной цивилизации приходит конец. О том же неоднократно писал и Фёдор Михайлович Достоевский и в своих романах, и в «Дневнике писателя». Весьма примечателен также очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях» рассказывающий о поездке писателя в Европу в 1862 г. В нём наглядно и убедительно показано, что уже в середине XIX века на Западе не осталось ни христианства, ни совести. Одно позёрство и претензии на избранность.

Подводя итог многолетним размышлениям о Европе, Достоевский пишет: «Не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственной цели и слагались до сих пор

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

все гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой» («Дневник писателя», 1877 г.).

Но со времен Н.Я. Данилевского и Ф.М. Достоевского много воды утекло. Целый XX век минул, жестокий и трагичный. Мировые войны, концлагеря, кризисы, ядерное оружие и выход в космос — чего только ни произошло. Роль лидера западной цивилизации перешла от Британской империи к США. Казалось, новая страна на новом континенте получит мощнейший импульс обновления и возрождения. Но этого импульса хватило лишь на то, чтобы стать мировым гегемоном и отодвинуть наступление цивилизационного краха на несколько десятков лет. Старые проблемы, перенесённые на новую почву, дали ядовитые всходы. Беспощадное уничтожение коренных народов, работорговля и беспринципность — таково было начало вновь образованного государства. Роль мирового диктатора сыграла с Америкой злую шутку. Осчастливив мир величайшими достижениями западной цивилизации: хот-догами, попкорном и кока-колой, США впала в ступор. Великая сексуальная революция, ставшая следствием нравственного разложения, ознаменовала начало агонии. Западная цивилизация пришла к логическому концу проделанного ею пути.

С самого начала образования варварских королевств на обломках Римской империи путь Запада был отмечен жестокостью, обманом и насилием. Начиная с первого короля франков Хлодвига, раскроившего череп своему воину из-за драгоценной чаши, германцы и англосаксы строили свои государства исключительно на насилии и страхе. Стоит только вспомнить, как Карл Великий заставлял креститься покорённые народы под страхом смерти. Право сильного — основное право западной цивилизации. У кого больше земли, подданных и богатства — тот и главный, а все остальные должны ему безропотно повиноваться.

Оттого-то европейские правители, претендовавшие на престол, беспощадно убивали друг друга, не останавливаясь перед геноцидом, вплоть до полного уничтожения непокорных народов. Единственный народ, который не удалось поработить или уничтожить — русский. Никак он не вписывается в узкие рамки европейского сознания и оттого вызывает страх и ненависть. Эта ненависть имеет многовековую историю, еще со времен Плана Карпини и Тевтонского ордена, стремившихся разрушенную и обескровленную монгольским нашествием Русь сделать колонией Европы. Но вопреки всему Русь выстояла, отразила нападки с Запада, сбросила с

себя татаро-монгольское иго и стала мощным царством, которое уже невозможно было игнорировать. Тогда западная русофобия приобрела всеобщий и системный характер, дошедший через века до нашего времени. Массовыми тиражами издавались пасквили о Руси, задачей которых было сформировать у Европы однозначное отрицательное отношение к восточным соседям. Эта традиция четко прослеживается от Сигизмунда Герберштейна и Генриха Штадена до Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского. Ненависть и страх — главные чувства Запада по отношению к России.

Пещерная русофобия Запада основывается не только на чувстве собственного превосходства, но и на подсознательном чувстве собственной неполноценности. Запад мучительно завидует России. Её независимости и самостоятельности, её благородной силе, её творческому порыву, её молодости наконец. Такая раздвоенность сознания характерна для психически нездорового человека. То же можно отнести и к обществу, и к цивилизации в целом.

С одной стороны, на Западе укоренена пунктуальная рациональность, чуждая всяким этическим нормам, с другой стороны — inferнальная тяга к любой мерзости и гнусности, чуждая всякой логике.

Отказавшись от Христа и поклоняясь золотому тельцу, Запад, по сути, стал языческой цивилизацией. Только, в отличие от древних цивилизаций, не знавших Христа, Запад отказался от Бога сознательно и потому стал цивилизацией предательства.

Предательство неизбежно ведёт к деградации, разложению и смерти. Тем более предательство Создателя мира. Когда речь идёт о народах, странах и целой цивилизации, то умирание начинается с нравственной деградации, влекущей за собою массовое помрачение сознания. Маньяки, садисты, извращенцы становятся героями новостей, вызывают толпы раздражателей. Социум в целом, а затем и каждый отдельный человек, перестаёт отличать добро от зла, хорошее от плохого, полезное от вредного, а это уже признаки дезориентации, угрожающие полной потерей рассудка.

Давно уже любому трезвому и непредвзятому наблюдателю ясно, что Запад психически болен. Причём болен неизлечимо. Шизофренические картины, инсталляции, фильмы, отбивающая мозги музыка и другие образцы современного «искусства» — яркие проявления этой болезни. Насилие и всяческая гнусность возводятся в ранг добродетелей. Утрата разума на цивилизационном уровне неизбежно ведёт к вымиранию физическому. И вот уже смертность коренного на-

---

селения в странах Европы превышает рождаемость. И это несмотря на сильно увеличившуюся продолжительность жизни, которой так гордится современная медицина. Европейцы исчезают, а на освобождающееся место приходят мигранты из Африки и Азии.

Время невозможно повернуть вспять. Западная цивилизация агонизирует. ЛГБТ-парады, растление малолетних, торговля органами и открытое людоедство — падению нет конца. Либерашисты или либерасты — в зависимости от контекста — упиваются разнузданной вакханалией, считая такое беснование верхом блаженства.

Эта гнусь и нежить в первую очередь сосредотачивается в европейских политических и бизнес-элитах. Рыба, как известно, гниет с головы. Кто же управляет современным западным обществом? Кто оказался у руля прогрессивной и передовой Западной цивилизации? К власти пришли малограмотные, тупые и беспринципные политики, готовые послушно выполнить любой приказ хозяина. Возьмите хоть Бербок, хоть Урсуну, хоть Макрона, хоть бесноватого Борреля. Список продолжать можно до бесконечности. Командует ими выживший из ума Байден. Вернее те, кто стоит за ним, но сути дела это не меняет. В Америке уже занимают руководящие посты трансгендеры, даже внешне утратившие человеческий облик. При этом, превратив свои народы в послушные, вымуштрованные стада, элиты Запада презирают обычных людей, считая их безмерно ниже себя. Хотя в умственном отношении они ничем не лучше среднестатистического европейского обывателя. А в отношении нравственности намного хуже, так как у простых людей еще сохранились понятия о честности и порядочности. Нравственные качества вообще совершенно чужды западным политическим деятелям.

Реальная власть сосредоточилась в руках транснациональных корпораций и бизнес-элит, кланов миллиардеров, возомнивших себя полными хозяевами жизни. Беда заключается в том, что бизнес-элиты несколько не лучше элит политических. Вырождение кланов миллиардеров шло на протяжении нескольких поколений и, в итоге, мы имеем то, что имеем. Сейчас, когда античеловечная суть Запада обнажилась до предела, ясно видно, к чему приводит ничем не ограниченная власть денег. Культ силы и наживы составляет самую сердцевину западной идеологии. Потому-то фашизм является закономерным и неизбежным следствием развития Западной цивилизации. Запад и фашизм неразрывно связаны друг с другом, как гиена со своим щенком.

«Гражданское общество», «права человека», «свобода и демократия» — лозунги, позволяющие безнаказанно игнорировать другие мнения, навязывать свою волю и подавлять сопротивление. Насилие над непокорными при этом производится с чувством собственного превосходства и уверенности в своей правоте. Это и понятно. Раз я высший человек, то всё, что мне взбредет в голову, является истиной в последней инстанции. Всё очень рационально и логично, только слишком уж смахивает на клиническую картину психического заболевания. Однако на планете Земля живёт множество народов, которым соседство с психически нездоровыми соседями малоприятно и доставляет массу неудобств.

А Запад не просто помешан, он помешан буйно и испытывает ненависть ко всем, кто имеет другую точку зрения и не хочет быть послушной марионеткой в его руках. Таково неизбежное следствие отказа от христианства и поклонения мамоне.

Атомные бомбы, сброшенные США на Хиросиму и Нагасаки, обнажили человеконенавистническую суть Запада. Применение химического оружия во Вьетнаме, бомбардировки Сербии, порабощение и издевательство над мирным населением Ирака и Афганистана, «цветные» революции по всему миру. Таково нутро «высокоразвитой цивилизации». Именно на такой благодатной почве произросли ядовитые побеги международного терроризма, фашизма, наркоторговли.

Вот и Украина, столь стремившаяся стать Европой и влиться в русло западной цивилизации, достигла своей мечты. Если не на официальном, бюрократическом уровне, то в духовном плане она слилась в счастливом объятии с Западом. Отбросив шелуху культуры и высоких технологий, Украина явила истинное лицо западной цивилизации: нацизм, деградация, ненависть и самопревозношение. Толстый слой грима, усиленно накладываемый маркетологами и пропагандистами в течении десятилетий, осыпался. Теперь ясно видно: «Украина — це Европа». Тысячи иностранных наемников радостно и воодушевленно едут на Украину убивать, насиловать, грабить. С таким же энтузиазмом, как во время Второй мировой они вступали в войска СС. Нежить — то, что не может существовать самостоятельно, а поддерживает свою жизнедеятельность лишь за счёт других. Потому и убийство доставляет наслаждение разноплеменным выродкам, слетевшимся на войну. Запад идет по пути разрушения и смерти. Процесс уже необратим.

Существование западной цивилизации угрожает жизни всего мира. Эта цивилизация превращает людей либо в по-

---

корное безвольное стадо, либо в одержимых фашистов и серийных убийц. Продукты гнилостного распада, транслируемые через интернет, отравляют страны и народы нашей планеты. Запад — это гнойник, раковая опухоль, которую необходимо удалить ради будущей жизни человечества. Ради сохранения самого понятия Человек. При этом агонизирующий Запад, сознавая свое бессилие и гибель, вполне способен применить как ядерное, так и бактериологическое оружие, действуя по принципу: «Если мне не жить, то и никому».

Исторически сложилось так, что открыто противостоять Западу способна только Россия. Именно от нас зависит дальнейший вектор мировой истории. Все народы земли, еще сохранившие трезвость взгляда, с надеждой смотрят на Россию как на избавительницу от беспощадной диктатуры «демократии и прогресса». Смертельная схватка уже началась и компромиссов здесь быть не должно.

Мы не можем надеяться ни на здравомыслие, ни на порядочность, ни на милосердие Запада. После всего, что западная цивилизация проделала на протяжении всей своей истории и особенно в последнее столетие, ожидание от него сколько-нибудь разумных и положительных действий — верх наивности и глупости.

Мы можем и должны противопоставить иррациональному беснованию Запада твёрдость, силу и разум. Наши решения должны быть продуманы и взвешены, а действия стремительны и неотвратимы. Нам потребуется вся сила и мощь, на которые мы только способны. Только на этом пути мы обретём победу.

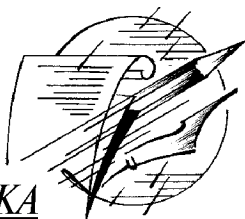
ОЧИЩЕНИЕ

Едва только началась специальная военная операция (СВО) на Украине, в Интернете стали появляться списки российских знаменитостей, покинувших Россию в знак несогласия с политикой Кремля.

Среди промоутеров этого хорошо срежиссированного протеста распространяется также список музыкальных исполнителей, чьи выступления в России якобы были сочтены нежелательными. В чёрный список попали 37 артистов, которые отказались поддержать проведение СВО или покинули страну в период с 24 февраля.

По информации газеты «Фонтанка», в распоряжении которой оказался этот документ, в списке числятся: рэп-исполнители — Noize MC, Oxxxymiron, Face (Иван Дремин, признан иноагентом), Morgenshtern (Алишер Валеев, признан иноагентом), певицы — Земфира, Манижа, Монеточка, Гречка, Дора, а также группы Little Big, «Алоэ Вера», Би-2», «Кровосток» и Anascondaz.

Одни из фигурантов этих списков попали в них как бы задним числом, так как уже давно покинули Россию и пре-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бывают в разных странах, где обзавелись вторым гражданством либо ВНЖ; другие — были признаны в России иноагентами как до, так и после начала СВО.

В этих списках числятся известные звезды театра, кино и эстрады, режиссеры, писатели и журналисты и даже академики РАН. Но действительно признанных за пределами России в них не так уж и много. В основном это новые западники, либералы ЛГБТ-разлива, порождение той западнизации, которой подверглась Россия после того, как спецслужбами Запада и их пятой колонной был растащен на куски Советский Союз. Еще до того, как это произошло, предатель Горбачев и его подельники открыли все шлюзы, фильтровавшие поступления в нашу страну чуждой нам культуры и идеологии. На подрастающее поколение, входившее в жизнь, в начале 90-х хлынула вся та примитивная, но заразная поп-культура, символом которой стала извращенка Мадонна, кидающая со сцены зрителям «на сувениры» свои мокрые трусики.

После начала спецоперации на Украине и антироссийских санкций десятки звезд шоу-бизнеса решили навсегда попрощаться с Россией. Выяснилось, что среди осудивших действия российского руководства оказалось больше всего представителей музыкальной сферы. Из всех исполнителей в нашей стране 59,6 процента высказались категорически против СВО на Украине, и только 15,8 процента выступили «за». Из всех отечественных деятелей индустрии кинематографа раскритиковали решение российских властей 46 процентов, среди блогеров и журналистов — 42,4 процента, а среди шоуменов и телеведущих — 33,3 процента. Среди них особо своими русофобскими заявлениями выделяются: певица Земфира, фронтмен группы ДДТ Юрий Шевчук, «профессор русского рока» Артем Троицкий и участники коллектива Little Big. Немалая часть перечисленных в списке персон уже признана иноагентами.

Направлением бегства фигурантов списка «протестантов» чаще всего называют Израиль. Часть обосновалась в Прибалтике, другие — в США и Западной Европе. В Казахстан не бегут. Как убежденные западники, они считают себя гражданами мира, часто у них вместе с российским паспортом есть минимум еще один — Израиля, США или какой-нибудь страны Евросоюза.

Они зарабатывали немалые деньги в России. Кто сейчас помнит о скандале, возникшем в СССР после того, как Алла Пугачева потребовала за свой концерт миллион рублей? Теперь это мелочи. Ставки наиболее раскрученных звезд за один вечер составляют от 3 до 10 миллионов рублей, а у Пугачевой,

---

например, и в разы больше. В России разовый заработок Максима Галкина достигал более семи миллионов рублей.

Тем, кто разбежался по границам, вряд ли получится зарабатывать, как раньше на родине, за сольные концерты и корпоратив. Так, певица Монеточка, ныне живущая в Литве, в России зарабатывала от 1,2 до 1,5 миллиона рублей за частный концерт. Светлана Лобода, которая обосновалась в Латвии, в России получала от 5,2 до 7 миллионов рублей только за одно шоу. Сегодня она «официально» простаивает. Виторган получает гонорар 200—250 тысяч рублей за смену. Разовый гонорар Веры Брежневой в городах РФ составлял от 2,6 до 4 миллионов рублей. В России она давала четыре-пять концертов в месяц. За границей оказалась невостребованной. Многие из тех, кто так и не выступил публично с осуждением СВО, оказались как бы в подвешенном состоянии. Ани Лорак не работает, так как боится, что ее на Украине разорвут. Наргиз под запретом. София Ротару сидит на Украине и приехать к нам не может. Были еще такие Потап и Настя. Нет теперь ни Потапа, ни его Насти. Меладзе не у дел в России, но и за бугром пока не востребован.

В массе своей фигуранты этих списков по своему менталитету обыватели и живут по принципу «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Повернись дела иначе, они побегут назад в Россию и продолжат зарабатывать на своих бездарных шутовских развлекалочках, безголосых «соло» и тупых остротах, наштапигованных русофобией. Но, будем надеяться, им всё же покажут от ворот поворот.

И уж ни в коем случае нельзя пускать обратно в Россию тех беглецов и предателей, которые тоже обозначены в списках «протестантов». Среди них есть открытые враги, фанатично ненавидящие Россию. «Я, русский, буду каждый день тыкать россиян в их бездействии. Нарушать ваш душевный покой и портить вам праздник. Мешать вам нюхать сирень», — заявил в соцсетях блогер Дмитрий Чернышев, живущий теперь в Израиле.

Ставки во время зарубежных гастролей куда меньше, но в твердой валюте. Такие доходы дали российским звездам обзавестись за границей собственностью.

Новые «протестанты», публично заявившие о своем несогласии с политикой Кремля и проводимой на Украине спецоперацией, уже поэтому оказались в положении иноагентов независимо от того, присвоен им такой ярлык судебными органами России или нет. Они и живут в основном там, а в Россию приезжают на гастроли, как, например, гражданин США Валерий Леонтьев. В общем, как сказал известный ру-

---

софоб и бывший госсекретарь США по госбезопасности Збигнев Бжезинский: «Вы думаете, они ваши, но они уже давно наши».

Давно уже подмечено, что либерализм на Западе превращается в одну из разновидностей фашизма. Этому способствует государственный терроризм, который осуществляет коллективный Запад во главе с США, главным источником международной напряженности. После Второй мировой войны США организовали государственные перевороты и участвовали в вооруженных конфликтах в 34 государствах мира. Якобы «во имя защиты демократии». Подобного фарисейства не знала мировая история. Заокеанские покровители и пособники международного терроризма взяли под свое крыло и либеральное движение в России, которое окончательно превращается в террористическую организацию.

В России наиболее известным из таких либерал-террористов стал некогда популярный питерский журналист Александр Невзоров, занесенный в апреле 2022 г. в реестр иноагентов. В мае его объявили в розыск. Причиной стали подстрекательские высказывания Невзорова и его призывы «громить власть». Местонахождение этого журналиста-террориста неизвестно, но Россию он точно покинул.

Типичным примером либерального фашизма служит деятельность и известного организатора «болотной оппозиции» в России, беглого нацпредателя Ильи Пономарева, в недалеком прошлом депутата Государственной думы России 5-го и 6-го созывов, члена фракции «Справедливая Россия» и Совета Левого фронта. В апреле 2015 г. Госдума по запросу Генпрокуратуры лишила И. Пономарева депутатской неприкосновенности для расследования по делу о растрате средств фонда «Сколково». 17 июля 2015 г. Пономарев был заочно арестован Московским судом и объявлен в международный розыск. Накануне бандеровского переворота 24 июня 2016 г. этот вор и взяточник получил украинское гражданство. Последние несколько лет проживает в Киеве, где занимается подрывной деятельностью против России, привлекая к организации клеветнических кампаний киевского режима против России беглых российских журналистов и блогеров. Он фактически взял на себя роль главного рупора проукраинских террористов, совершающих диверсии и теракты на территории РФ и в освобожденных регионах Украины, и обнародовал некое воззвание, в котором объявил, что либеральное движение в России окончательно переходит к «активным действиям», меняя протестную повестку на ультрарадикальную под бело-сине-белым флагом. Либерал-фашисты объявили,

---

что теперь быть только противником президента РФ Владимира Путина недостаточно, нужно быть противником России как таковой. Появлялись сообщения в российской прессе о том, что Киев и западные кураторы будут предпринимать попытки создания некоего боевого «власовского движения 2.0» из либералов на территории России с целью дестабилизации обстановки. Для легализации всего движения была придумана фейковая организация «Национальная республиканская армия», которая и взяла на себя ответственность за убийство Дарьи Дугиной.

К «хорошему лицу» теперь требуется документ о «хорошем русском», который взяли бы было выдавать верифицированным либералам новые «отцы русской демократии» Гарри Каспаров и Дмитрий Гудков, осевшие на Западе. Чтобы пройти отбор, требуется сделать ряд заявлений, подводящих присягнувших под статью российского УК. Тогда Гудков с Каспаровым готовы лоббировать интересы «хороших русских», чтобы им выдали банковские карты и перестали попиражать в правах.

Это предложение вызвало массу протестов у эмигрантов и резкое неприятие у оставшихся, кто в результате этой сегрегации ощутил себя «плохим русским», хоть и по-прежнему с «хорошим лицом». А когда оставшимся предложили искупить свою «вину» несанкционированными митингами, отказом от уплаты налогов, партизанщиной и прочими уголовными действиями, раскол между двумя либеральными лагерями только углубился.

Среди беглецов «в знак протеста» много евреев, так как в шоу-бизнесе, театре и кино в России они с давних пор доминируют. Вот несколько известных имен евреев из этого списка.

Максим Виторган, режиссер, в третьем браке с Ксенией Собчак. Принимал участие в акциях протеста российской либеральной оппозиции — по сути, пятой колонны коллективного Запада и международного сионизма. В феврале 2013 г. выступил против так называемого «антигейского закона», назвав его попыткой власти разделить общество и отвлечь внимание от реальных проблем. В мае 2019 г. Виторган раскритиковал празднование Дня Победы, которое, по его словам, ныне представляет собой «детский утренник с плясками и танчиками».

Сионистская агентура действовала в России под маркой «творческая интеллигенция», по сути дела, играя роль пятой колонны Запада, а в ряде случаев и иностранных агентов. Скрывать это всё труднее. И, наверно, поэтому Алла Пуга-

---

чева вылетела в Израиль с детьми и с билетом в один конец, воссоединившись наконец с теперь уже гражданином Израиля Максимом Галкиным, одним из наиболее известных «протестантов».

Ксения Собчак, дочь А. Собчака и сенатора Нарусовой, не решилась открыто выступить против президента России, так как всей своей карьерой обязана ему. Но, как сообщила израильская газета *Haaretz* со ссылкой на источники, она вскоре после начала СВО на Украине получила гражданство Израиля. По словам собеседника издания, израильское гражданство получил и ее сын. *Haaretz* отмечает, что дедушка Собчак по материнской линии, а также отец ее сына, Максим Виторган, — евреи. Автор заметки также утверждает, что израильское гражданство несколько лет назад получил и нынешний муж журналистки, режиссер Константин Богомолов.

При таком юридическом статусе игра на два поля исключена. Как говорят французы, положение обязывает. Двойной лояльности в современном мире быть не может, а значит, лица, принявшие подданство Израиля, где обосновались многие протестанты из числа лидеров так называемой «либеральной оппозиции» (Шендерович и постоянный «болотный трибун» Л. Гозман), обязаны быть лояльными не только ему, но и международному сионизму в целом со всеми отсюда вытекающими.

Елена Воробей при рождении — Елена Яковлевна Либенбаум в феврале 2022 года выступила против СВО России на Украине. У Елены есть свой театр.

Максим Галкин — бывший популярный артист российской эстрады, пародист, юморист, шоумен, стендап-комик, актер, телеведущий «Первого канала» (2000—2008, 2015—2022) и канала «Россия-1» (2008—2015). Известен также как противник принятия в РФ законов о запрете «пропаганды гомосексуализма», сравнивая их с «охотой на ведьм, устраиваемой ради политического пиара и отвлечения общества от более серьезных проблем». Журналист Данко писал в связи с этим о роли Галкина в судьбе Примадонны: «Геи отняли у детей радугу, но они еще отняли у страны Аллу Пугачеву».

«Конечно, иноагентами в России не рождаются. Их готовят к предательству с детства, формируя их менталитет и мировоззрение соответственно. В 12 лет Макс стал не только столичным жителем, а еще и учеником 6-го класса престижной школы № 43 имени Юрия Гагарина (теперь это гимназия № 1543), которая была открыта осенью 1975 г. и довольно скоро приобрела у учащейся молодежи негласное название

«Синагога» за обильное представительство в ней евреев как среди преподавательского состава, так и среди учеников», — писал биограф юмориста Федор Раззаков в книге «Узник замка Грязь».

Вскоре после старта спецоперации на Украине Галкин выступил против этого и вместе с супругой и детьми в марте 2022 г. уехал из России в Кесарию (Израиль). В апреле выступил с критикой действий России на Украине. После антивоенных выступлений лишился всех рекламных контрактов и концертов в России.

В 2012—2014 гг. Галкин выступал со своими заметками в газете «Комсомольская правда». В одной из них, оценивая личность и деятельность И. В. Сталина, он отметил, что тот «был кровавым диктатором, который планомерно и масштабно истреблял свой многонациональный народ, и никакие реальные заслуги не могут искупить его злодейств».

После возвращения на «историческую родину» Галкин активно гастролирует в Израиле и в разных европейских городах, переступая все грани в своих издевках над Россией и ее властями. В результате 16 сентября 2022 г. Минюст России включил Галкина в список физических лиц — «иностранцев-агентов». 22 сентября 2022 г. Максим Галкин выступил с «обращением к народу», осудив принятие указа о частичной мобилизации.

Активно выступает с русофобских позиций лидер группы «Машина времени» Андрей Макаревич. Сразу после начала СВО он заявил, что в Россию собирается вернуться, когда страна, где «мудачье» остается и «тявкает», «станет нормальной». СМИ сообщали, что он уехал в Израиль.

Артемий Троицкий, один из первых пропагандистов рок-музыки в СССР. Родился в Ярославле в семье политолога и историка Кивы Львовича Майданика. Мать — Руфина Николаевна Троицкая. Один из наиболее авторитетных деятелей в либеральной среде, паталогический русофоб. В январе 2010 г. в интервью интернет-журналу SLON заявил: «Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта». Троицкий — постоянный участник всех акций «болотной оппозиции». Принимал участие в митингах «За честные выборы» 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова в Москве и в других «протестных» акциях.

Иван Ургант, юморист и телеведущий, вскоре после начала СВО уехал в Израиль «в знак протеста». В апреле 2014 г. он публично осудил присоединение Крыма к России как «российскую военную интервенцию» на Украину и проведенный

---

16 марта 2014 г. крымский референдум. Подписал соответствующее обращение.

2 ноября 2015 г. в интервью Европейскому радио для Беларуси на вопрос «Какой вам видится Россия сегодня?» заявил: «Это страна тупиковая, бесперспективная, противная, малоприспособленная для жизни и полностью лишенная элементарных прав и удобств современной цивилизации», а также: «Говорят, что страна будет проваливаться всё глубже в кризис, зависнет у некоего дна на сколько-то лет, а потом постепенно начнет выкарабкиваться. Для меня худшей картины, чем эта, быть не может. Я хотел бы, чтобы Россия распалась, чтобы на улицах появились дикие звери». В интервью в декабре 2015 г. охарактеризовал Путина как «злодея и прагматика». В феврале 2022 г. выступил против СВО России на Украине.

Марк Фейгин, еврей по происхождению и, как утверждает он сам, потомок одного из основателей комсомола, бывший депутат Государственной думы, самарский адвокат, один из самых активных врагов России. Президент Украины Зеленский закрытым указом дал ему гражданство Украины.

Ранее Фейгин защищал участниц Pussy Riot и Надежду Савченко. В 2018 г. его лишили статуса адвоката. В апреле Минюст РФ внес Фейгина в список СМИ-иноагентов. Покинув Россию, Фейгин стал вести свой YouTube-канал Feigin Live, на котором регулярно проводит эфиры с советником главы офиса президента Украины блогером Алексеем Арестовичем. На одной из таких трансляций Арестович открыто излагал условия атаки ВС Украины на Крымский мост.

Западные спецслужбы активно вербуют бывших политиков и журналистов еврейского происхождения, оказавшихся на Западе с самого начала «алии протеста» (слово «алия» на иврите сионисты используют как синоним термина «возвращение на родину предков», т.е. в Израиль). Они составляют сегодня своего рода передовую когорту в информационной войне Запада против России. Как Марк Фейгин, они осуждают действия России на Украине, апеллируя к международному праву, гуманизму и справедливости. Возникает, однако, естественный вопрос: а где эти господа-защитники прав человека были целых восемь лет, когда укронацисты бомбили чуть ли не ежедневно города и села Донбасса, безнаказанно убивая мирных жителей, в том числе детей и стариков?! Они молчали и не скрывали своих симпатий к своему «брату по крови» Зеленскому, с приходом которого к власти в результате фашистского переворота 2016 г. международный сионизм связывал большие надежды.

Реванш Хазарского каганата

Хазарский каганат (650–969 н.э.) — это государство, созданное кочевниками-хазарами на берегах Волги и захватившее обширные территории, включая нынешнюю Украину, Крым, Поволжье и часть Северного Кавказа. После того, как правящая элита приняла иудаизм, каганатом управляли иудеи. В политической зависимости от хазар, которые не раз совершали набеги на Киевскую Русь, находился ряд восточнославянских племенных союзов. Они и разгромили этот первый плацдарм иудаизма на Русской земле. И хотя современные специалисты по генной археологии на раскопках поселений хазар генов евреев не нашли, у сионистов Хазарский каганат остается символом могущества иудеев. Именно поэтому они не раз пытались его восстановить.

Всё это покажется невероятным, но в западной прессе в последнее время появились публикации, которые связывают президента Зеленского как еврея по происхождению с планами мировой закулисы по возрождению на Украине давно канувшего в Лету Хазарского каганата.

Замысел мировой закулисы на обозримую перспективу до 2025 г. засветили такие тяжеловесы международных дел, как Г. Киссинджер (в 2012-м), Дж. Ротшильд (в 2015-м) и К. Шваб (в 2020-м). Именно Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, один из лидеров международного сионизма и командор сионистско-масонской ложи Бнай Брит, предрёк, что уже в 2022 году государства Израиль не будет. Ротшильд назвал цель глобальной трансформации — новый валютный мир, в котором не будет места Израилю. Шваб описал способ перехода — перезагрузка в инклюзивный капитализм. И тоже без Израиля.

Ремарка Киссинджера касается плана создания на юге Украины «Новой Хазарии», куда будет направлен исход евреев из государства Израиль. Такой исход подтолкнет библейская «Битва Конца» — война евреев-сионистов с теократией Ирана на Ближнем Востоке, куда своими базами в Сирии уже втянута Россия, там же присутствуют Турция и США. Проект «Новая Хазария» наследует «мечту 20-х годов XX века» о создании Еврейской Советской Социалистической Республики в Крыму. Путь к реализации этого проекта на Украине в наше время обозначал бы не что иное, как аннексию. И тем не менее подобные планы в архив не сдают, а, наоборот, из архива вытаскивают. *«Долгосрочные перспективы сионистского образования, незаконно оккупировавшего Палестину, мрачны. Демография, упадок оккупированных сио-*

нистами США как мирового гегемона и подъем Оси сопротивления — всё это предвещает гибель самопровозглашенного еврейского государства» — пишет своей статье «Скрытые планы США в Украине. Станет ли Украина новым Израилем?» Ричард Кук, бывший аналитик правительства США.

«Планируют ли хазары вернуться на свою древнюю родину?» — спрашивает Кук. Он считает, что планы мировой закулисы «заключаются в том, чтобы создать новую родину для людей из Израиля, который все больше и больше похож на несостоявшееся государство. Он состоит из горстки евреев, цепляющихся за сухой и негостеприимный участок скал и песка на Восточном побережье Средиземного моря, где они изолированы среди огромного человеческого океана мусульманского населения. А неспособность Израиля заключить мир с палестинцами превратила его в международного изгоя. Кроме того, после многолетней оккупации израильские поселения на Западном берегу — это острова в зоне боевых действий, а его города — военные лагеря. Несмотря на льготы для евреев, живущих за границей, эмиграция в Израиль практически отсутствует. Почти никто, кроме беглецов или отмывателей денег, не настолько сумасшедший, чтобы хотеть туда переехать», — считает Кук.

Именно поэтому в США, где президентом стал Джо Байден, открыто объявивший себя «сионистом», поддерживают идею создания «Земли обетованной» для евреев на территории Украины и увеличивают поддержку режима Зеленского.

В самом Израиле идею возрождения Хазарского каганата в его древних границах разделяли всегда, но также всегда были против самоликвидации еврейского государства, хотя оно с самого начала вело и ведет войну с окружающим его арабским миром. А после того, как Иран пообещал стереть Израиль с лица земли и может это сделать, если создаст ядерное оружие, даже США не смогут гарантировать безопасность Израиля. Поэтому политика Израиля по отношению к конфликту на Украине двойственная. С одной стороны (и не только из «еврейской солидарности»), там одобрили бандеровский переворот 2016 г. и поддержали Порошенко, а теперь — Зеленского. В Израиле даже приняли на постой и лечение нацистов из батальона «Азов». А с другой стороны, Израиль не оказывает Киеву военной помощи и поддерживает дружеские отношения с Москвой.

Сионистский истеблишмент в США и других странах коллективного Запада, напротив, пустился во все тяжкие, поставляя Киеву современное вооружение и оказывая финансовую помощь. По словам госсекретаря США Блинкена,

---

«общий объем военной поддержки для Украины с начала работы нынешней администрации составил около 10,6 миллиарда долларов».

«Израильская экономика, — отмечает Кук, — слаба и продолжает зависеть от помощи США и пожертвований американских евреев в качестве средств к существованию. Среди тех, кто предсказывает краткосрочный экзистенциальный кризис и коллапс сионистского государства, есть не только внешние противники Израиля, но и многие влиятельные израильтяне. А поскольку и Турция, и Саудовская Аравия всё больше присоединяются к России, влияние Америки как защитника Израиля идет на убыль». «Так что я ничуть не удивлюсь, — пишет Кук, — если часть плана США по отторжению Украины от России, плана, который осуществляется уже более тридцати лет, предполагает захват Украины как еврейского убежища после провала израильского проекта. И мы знаем, что попытка правительства США вывести Украину из-под влияния России была инициирована фракцией неоконсерваторов, которая в значительной степени спровоцировала произраильскую войну с террором. Неоконсерваторов возглавляют такие фигуры, как Виктория Нуланд из Госдепартамента и ее муж Роберт Каган, соучредитель проекта «Новый американский век», один из ведущих вашингтонских военных ястребов». «Таким образом,?» — заключает свои рассуждения Кук, — я полагаю, что план неоконсерваторов, возможно, заключался в том, чтобы США использовали украинскую хунту, которую они установили в 2014 году, возглавляемую сейчас Зеленским, а ранее Порошенко, оба евреи, но при поддержке таких неонацистов, как батальон «Азов», для вытеснения этнических русских из страны. Это должно было быть сделано и уже началось путем кампании запугивания и террористических бомбардировок, с геноцидом, если необходимо. Возможно ли, что это было сделано для того, чтобы освободить место для израильской иммиграции? Мы не знаем точно, но Зеленский даже объявил нам, что когда всё будет сказано и сделано, Украина в конечном итоге будет управляться как Израиль».

Вот такой расклад. Идея реставрации Древней Хазарии, которая занимала обширные славянские территории, включая всю южную часть нынешней Украины, действительно, никогда не покидала идеологов и практиков сионизма. Они поэтому не случайно не раз к ней возвращались, разрабатывая свои планы захвата мирового господства. То, что запыленный скелет Хазарского каганата, как при Ленине, Дзержинском, Троцком и разработчиках идеи Еврейской Социал-

---

лиственной Республики в Крыму, вновь вытащили из шкафа истории Киссинджер и Ротшильд, — не только настораживает, но и помогает раскрутить пружины бандеровского переворота, осуществленного на Украине неоконами США вроде Нуланд, раздававшей на майдане «печеньки». Понятнее становится и реакция той сионистствующей «творческой интеллигенции» в России, которая, как по команде, бежала за кордон в рамках тщательно организованной «алии протеста».

История сложилась так, что очищению России от всей этой нечисти способствовала она сама, нечисть. И этот исторический шанс следует использовать на 100 процентов во благо России. Мы не должны дать этим беглецам шанс ни на возвращение, ни на прощение! Они давно уже не наши — прав Бжезинский!

Сделаем, наконец, из всего этого необходимый вывод. Еще до развала СССР в нашей стране на всех уровнях государственной власти и общественной жизни действовала прозападная пятая колонна. Именно при ее активном соучастии коллективный Запад разрушил изнутри Советский Союз, который не мог быть побежден в военном противостоянии. Сегодня в России действует новая пятая колонна и во власти, и в гражданском обществе. Цели у нее и ее патронов с Запада те же — уничтожение России как государства и цивилизации. И если нам не удастся раздавить эту гадину, наши враги не остановятся ни перед чем.

ТРУДНО ЧЕЛОВЕКУ НА ВОЙНЕ

РАССКАЗ

Мы его невзлюбили, как только он попал в нашу теплушку. Сначала в белёсом квадрате двери показалось рябое лицо с какими-то непричёсанными бровями. Со скаткой через плечо и планшеткой через другое. Оно как-то неопределённо улыбнулось и вдруг пророкотало:

— А-а — детки...

Нужно было понимать, что детки — это мы. Разумеется, первое знакомство никому не понравилось, потому что мы отправлялись на фронт, а на фронт, как известно, детей не пускают. Затем на деревянный крашенный пол вагона бухнулся туго набитый вещмешок, и перед нами предстал сам обладатель рябого лица — круглый, похожий на пивную бочку (как определил Гена Радич, который и привёл его к нам), военный с четырьмя треугольничками на малиновых петлицах. Пехота! Будет, значит, нами командовать. Артиллеристами! Он провёл по вагону взглядом, снова чему-то улыбнулся и, сбросив скатку в угол на нижнюю нару, сел на край. Планшетку на колени положил, поглядел на неё с выражением:

ПРОЗА

«Вот только тебя мне и не хватало». И тут мы увидели две медали у него на груди. Кому как, а у меня такое чувство, будто неприлично нашкодил, но пока об этом никто не догадывается. Оглянулся на Гену Радича, моего друга и старшего в нашей команде. Тот сидел, прикусив враз обе губы, глаза навывкате. Ну да, назначая его старшим, комбат прицепил ему по два треугольничка на петлицы. И что он теперь против этого, который даже с двумя медалями? Чтобы Гена, да ещё «на публике», оказался «ниже своего достоинства»? Разве такое возможно на белом свете? А рябой развязал мешок и стал есть толстое сало — как простой пассажир в почтовом поезде. Покончив с этим занятием, он завернул остатки в белую тряпочку и сунул куда-то в глубь мешка. Замахнулся было планшеткой с намерением сунуть её туда же, да остановился. А я подумал: у старшины и вдруг офицерский планшет?

— Ну что, пацаны, давайте знакомиться. — оборвал мою думку обвальный бас. — Меня зовут Иван Бугаенков. Можно и просто Данилыч. Но это когда по душам. А по службе, как по уставу.

Мы покорно, как перед учителем, назвали свои имена. Он то ли почувствовал нашу неприязнь, то ли ему вообще было всё равно, но молча стал основательно располагаться ко сну, хотя солнце лишь коснулось леса и в желудке ещё чувствовалась тяжесть перловой каши. Гена Радич немного с запозданием, но со спокойной дрожью в голосе обратился к нашему новому знакомому:

— Позвольте уточнить. Мы не дети и тем более не пацаны, как вы изволили выразиться.

— А-а — герои! — грохнул он и повалился на спину. — Только не зовите маму, когда сверху засвистит, — добавил он глухо.

Эта откровенная недооценка нашей возмужалости всё же крепко ударила по нашему самолюбию. Все мы втайне считали себя будущими героями. Я, например, в себе не сомневался.

— Подобное не прощается, — грозным шёпотом заявил Гена Радич. — Ишь, храпит. Наелся сала, как... кулак, — подобрал он сравнение. Оно вряд ли подходило к Бугаенкову, и кто-то из ребят, бросив осторожный взгляд на Гену, справедливо заметил:

— Кулак-то кулак, да старшина! Командовать будет...

— Ничего, я покажу при случае, кто чего стоит, — пообещал Гена, выпуская в дверь облачко табачного дыма. Ветер подхватил его и, растрепав, унёс в хвост нашего маленького эшелона, запряженного «кукушкой» — платформе с чем-то

большим, но зачехлённым, опломбированный вагон неизвестно с чем, да вот теплушка с охраной. Всё. Полк на станции ещё продолжал доукомплектовываться, а нам чего ждать? Двигай ближе к фронту! «Кукушка» никогда не выезжала за границы станции и, видать, потому тащилась, так сказать, с оглядкой на родные места. Колёса отстукивали ритм какой-то тягучей русской песни. Куда-то в тыл неторопливо убегал и убегал лес. И в него нехотя окунался угасающий закат.

Мне досталось спать рядом с Бугаенковым.

— А-а, Сеницын, — сразу угадал он меня, наверное, потому что я был самым тщедушным из ребят. Промычав что-то невнятное, лишь бы отвязаться, очень уж спать хотелось, но медаленосца уважать надо, я лёг.

— Не тоскуешь, а, Сеницын? — сдерживая голос, заговорил он вновь, — Впрочем, тебе что? Молод ещё. Мать тебе, по всему вероятию, пирожков в дорогу напекла. А ты брал бы их. Сам не съел — друзьям рбздал. А у матери всё на сердце полегче.

«Откуда он знает?» — удивлялся я.

— Да-а... А у меня, хлопец, семья осталась. Дочурка Катенька. В первый класс осенью. Букварь ей купил. А она его враз весь и прочитала. Смышлёная девчонка, в меня, что ли?.. Мы с Нюрой говорим, что я в командировку еду, да разве её обманешь, если кругом война? Я ж ведь домой-то лишь на побывку после госпиталя. А Володька, меньшей, говорит: «Ты, папка, привези мне Гитлера, я его в милицию отведу». Чуда-ак...

Гена Радич перегнулся через меня.

— А медали вам за что?

Вокруг зашелестело, заворочалось. Оказывается, никто не спал — слушали. Когда возня утихла, он шумно вздохнул и заговорил погромче. Но я почувствовал, что он продолжает говорить мне.

— За что... Первая за финскую. А вторая... Вот когда ротного ранило, взял на себя командование и роту повёл... Да от неё меньше половины осталось-то... Ага, не в штыковую на танки, а приказал отступать. Так особняк меня к расстрелу за измену Родине, а командир полка — к медали за то, что в критической обстановке сохранил боевую единицу и её командира.

Когда шумок затих и Гена сполз с меня (наверно, опять с поджатыми губами), Бугаенко заговорил снова. Приглушённым голосом, а мне так спать хотелось!

— Обещал беречь себя. Вернуться обещал целёхоньким. Вот так все и обещают. Да, трудно человеку на войне живым

остаться... — зашелестел он соломой, поворачиваясь на бок. — Чего я тороплюсь-то? Вам до Каховки и мне до неё, а там рукой подать до нашего хуторка. А немец прёт, и как бы мне успеть выхватить моих родненьких пока он на том берегу Днепра, в Херсоне застрял. Я их в глубокий тыл куда подальше, хоть в Сталинград. Думаю, что немца за Дон не пустим. Не-ет. Вот только с силами соберёмся...

Неторопливый стук колёс убаюкивал. Откуда-то доносился глухой голос, словно старый дед на печи сказку говорил. И снилось мне, что Бугаенков вернулся домой, на руках у него сидят дети, а по рябинкам текут счастливые слёзы. Из толстого вещмешка он вынул кукольного Гитлера и отдал его безбровому голубоглазому мальчугану с приплюснутым, как у отца, носом.

Проснулся я от тишины. Где-то далеко, словно из-под земли, ухало. В приоткрытой двери на серо-голубом фоне рассвета темнело громоздкое тело Бугаенкова. Соскользнув с нар, я выглянул наружу. Мы стояли на каком-то маленьком разъезде. Впереди, рядом с будкой дежурных, жиденько коптила кукушка беловатым дымком. Где-то за вагоном солнце взошло, а мы в тени. Ветерок щёки холодит. Ну совсем как дома...

— А-а, это ты, — забасил Бугаенков. — Хорошие люди с солнцем встают. Чтобы встретить его и ручкой помахать...

«Уж не себя ли ты к хорошим причислил?» — с прежней неприязнью подумал я. И вдруг мне стало стыдно. Будто я нечаянно выроненным словом ни за что ни про что обидел доброго человека. Вспомнилось, как он рассказывал о своих детях. Голос у него был ласковым, речь журчала, как тихая задушевная песня. Такие песни нередко пела мама в сумраке у окна. Я нажал на дверь плечом, она по-девчачьи обиженно взвизгнула и отошла. Я тоже свесил ноги.

— Это где мы застряли?

Бугаенков глубоко, со всхлипом вздохнул:

— Всё, Синицын... Ты Синицын? Ага. Приехали. Где-то середь ночи нашу кукундю стрелочник красным фонарём встретил. Стрелки разобраны. Виноват, дескать, проспал вместе с помощником. Пошёл, посмотрел, и правда, одна рельса вообще в сторону торчит, и никакого крепежа ни рядом, ни в запасе. А помощник дрыхнет со свистом. Или притворяется? Чтобы спать при таком ЧП! Телефон? Провода оборваны и нет их, оборванных. Рядом с будкой дрезина стоит. Так какого чёрта она стоит без дела, а ты с помом... Разбудил двух крайних мальчишек, показал, как ею править. От Мелитополя до полночи наша чухалка далеко не ушла. Ну,

---

разве пол-пути осилила. А дрезина, ежли поднатужиться, и полста километров за полтора часа проскочит. Да что-то долго... Впрочем, пока начальство разберётся, кому за что хвататься, да на чём бригаду отправлять... Не на дрезине ж... Э-эх, — вздохнул он протяжно, — а я ведь письмо написал...

Помолчали. Мне как-то совестно стало, что молчу, будто посторонний здесь человек и меня никакое ЧП не касается. Вопрос мой самому себе показался пустым, ответ на который был готов до него. Насчёт будочников. Вот Иван Бугаенков и посмотрел на меня с вопросом: «Ты что, с неба свалился?» Но махнул рукой в сторону будки:

— Ты про этих? Да нет там никого. Военное время, прифронтовая полоса, за «проспал» вышка грозит. Сбежали. — Молча поглядев в сторону будки, он пожал плечами. — Что-то нейдёт из головы — куртки на них, как с чужого плеча... Да я не про то... Тебя как звать-то? Василий? Красивое имя. Васильки в поле... Так вот, тишина, она только кажется перевозданной.. В ней всегда что-то есть. Особенно на войне. Ты вслушайся. А?

— Слышу. Артиллерия ухает, — ответил я, косясь на Бугаенкова и невольно думая: «Голос фронта — это тебе не над нами подшучивать. Забеспокоился, старичок?» Он сидел сторбясь, округлив глаза и склонив голову набок, наострил одно ухо в небо. И до того напоминал настороженного кролика, что в сердце шевельнулась жалость к нему. В мою девятнадцатилетнюю голову полезли думы. Вот жил человек. Жену любил, детей растил, сердцем к ним прирос — что же тут неестественного? А их оторвали от него. Как бы не вместе с сердцем. Возможна ли большая боль? И живёт он теперь с этой болью и не знает, спасётся от неё или нет. Как он сказал? Трудно человеку на войне живым остаться...

— Артиллерия ещё спит, пожалуй, — не дал мне додумать Бугаенков. — А ты хорошенько прислушайся.

И я услышал странные звуки. Словно где-то по временам со стоном вздыхал большой зверь. От предчувствия недоброго у меня защемило в животе. Я сам себе показался маленьким и беспомощным, заброшенным бог знает куда на произвол судьбы. С произвольной ребячьей надеждой на какую-то защиту я взглянул на старшину: командир всё таки.

— Летит стервец, — качнул он головой. И от этих простых, каких-то обыденных, гражданских слов я почувствовал себя спокойнее и тоже стал внимательно слушать.

— Ты чего жмётся? А-а... Я уж, прости, не то подумал. Поди колесо обмочи пока до дела не дошло, а то ведь и в штаны...

После моего возвращения он продолжил:

— Рано поднялись, чтоб им... Немец и на войне как на работе — с утра умоется, побреется, а уж потом...

— Оказывается, не только хорошие люди рано встают, — незлобиво попытался я пошутить, но он взял меня за руку.

— Ну вот и он...

Самолёт будто из лесу поднялся и не спеша высоту набирает. Под бомбёжкой я уже побывал и точно знал, что трёхмоторных истребителей не бывает, значит, сейчас начнётся...

— Дядь Ваня... Товарищ старшина, он же по эшелону бомбить станет. Что делать?

— Перво-наперво не паниковать. Это не бомбёжник, мимо пролетит. Ему тут интересно... А вот это, Василек, цветочек!

Вообще-то я слышал негромкий хлопок сквозь гул самолёта, но пропустил его мимо ушей. Ну сучок в лесу треснул и ладно. А над лесом-то ракета зелёная светится, уже медленно падая.

— Всё, Василёк, мы на фронте. Подъём и в ружьё! Бегом, чего стоишь?

Побежал с оглядкой, как самолёт цепочкой рассыпает над лесом белые колпачки. Я никогда не видел парашютистов, но тут будто холодной струйкой побежало по спине. Десант!

Навстречу мне из теплушки спрыгнул Гена. Лицо восковое, уголок рта подёргивается. Знать, тоже сообразил насчёт белых колпачков.

— Товарищ старшина вы старший по званию, принимайте командование! — выпалил пулемётной очередью.

— В строй, товарищ младший сержант!

Сонные ребята с винтовками при ноге стояли в строю, тихо переговариваясь на тему «Что стряслось-то?»

— Равняйсь, смирно, вольно. Кру-гом! — и когда строй повернулся к нему спиной, Бугаенко скомандовал: — Расстегнуть штаны, оправиться и вернуться в исходное положение!

Команду мы выполнили, некоторые даже с улыбкой. Нет, не дошла ещё до нас серьёзность обстановки. Подошли машинист с кочегаром. По виду серьёзно озабоченные. Считают, что по-умному надо было не ждать тут бог знает чего, а гнать эшелон обратно на станцию. Да команды такой не было. Кто у нас командир? Радич смотрит на Бугаенкова, Бугаенков на Радича. Машинист, наверное, треугольнички на их петлицах пересчитал и от Радича отвернулся. А сейчас, товарищ старшина, чтобы пары развести, им и за час не управиться, а десант вот-вот появится: до шоссе-то и полкилометра не будет. Какой лес? Посадка, а за ней гравийка, и

так по всей железке. Какой будет приказ? Гена тут как тут — глядит на соперника в упор, а рот все-таки подёргивается:

— Опять отступать?

— Воевать! — рявкнул старшина. — Сколько нас?

— Семеро... Довгань и Грошев сбежали.

— На задании они. Не думай плохо о соратнике, особо в боевой обстановке, иначе как воевать-то? Так... Ты, Василёк, сбегай, принеси ихние винтовки. А вас, товарищи, — обернулся он к экипажу паровоза, — по закону военного времени и в боевой обстановке я мобилизую в ряды Красной Армии. Марш в строй! И так, — заговорил он вновь уже перед, так сказать, укомплектованным отрядом. — Девять винтовок, в каждой по пять патронов. Сколько в подсумках? Понятно. Значит, сорок пять. Десантников десятка полтора: больше эта мажара не поднимет. На каждого по три патрона.

— Я слышал, что каждый десантник пятерых стоит, — буркнул Гена мне под ухо, но Бугаенков всё-таки услышал.

— Может, ты и прав... Если посчитать, что в нашей трёхлинейке пять патронов, а в шмайсере тридцать. Потому и стрелять нам сегодня надо прицельно и спокойно, как в тире по мишеням. И помните, что теоретически в наступлении потеря в три раза больше, чем в обороне. Впрочем, война — это не только арифметика. Потомки будут долго разбираться, но уже без нас. Словом, заряжай! И с богом...

Мы дружно пощёлкали затворами. Кто-то весьма рассудительно заметил, дескать, это если нас друг против друга поставить, а если получится, что все в одного целить будут? Кто-то обозвал его «дуже вумным» и с тоскою в голосе промолвил:

— Тильки я дуже жратымуть хóчу.

Бугаенков и этого услышал. Ничего себе уши у старшины!

— Василёк! Сбегай-ка за моим сидором!

В вещмешке бывшего служаки оказался не только шмат сала, но и хлеба полбуханки. Он же нигде на питании не состоит, вот и запасся. Пока я бегал за сидором, он вывел отряд на «огневой рубеж». Неширокий лог вдоль дороги. По-видимому, когда делали насыпь, отсюда землю брали, а потом всё травой заросло. На ней мы и расположились. Наблюдательный пост, конечно, выставили. Бугаенков достал из-за голенища нож, похожий на маленький кинжал. Финкой называется. Сначала остроту её показал, сбрив несколько волосинок на руке, потом расстелил тряпочку на планшетке и стал резать сало на ломтики.

— Война войной, а харч по распорядку. Ну — каждому по кусочку.

Новобранцы в железнодорожных форменках отказались, сказав, что уже перекусили.

— А сухой паёк? — спросил машинист.

— Какой паёк? Мы как раз сейчас в Каховке уже чай пить должны. Ну, пацаны, хлеб сами щипайте...

— Немцы...

Тишина. Слышно, как запыхавшийся дозорный дышит да паровоз паром шипит. Жиденьким чёрным дымком небо коптит.

— Ёшь твою, — всполошился машинист, — я же выключить забыл! Я — мигом!

И побежал, оставив винтовку на траве. И больше мы его не видели. Мы, жуя сало, смотрели на дозорного, дозорный на нас, мол, вы что — не слышали? Да слышали, слышали, как ты чего-то полушёпотом будто по секрету сообщил.

— Кончай пир! — возник голос Бугаенкова. — Немец появился. К бою! И без команды не стрелять! Да, пожуй вот, — протянул дозорному его порцию.

Мы выставили головы над краем канавы. Шеи вытянули, так как трава мешает.

Немцы шли толпой, о чём-то весело болтая. Не знаю, как кому, а мне по малой нужде приспичило. Бугаенков, смотрю, застыл, как на стометровом старте по команде «Внимание!» Гена Радич с другой стороны от меня. Целится с колена.

И тут себя показывает! Выстрел всё-таки неожиданно будто чем-то твёрдым ударил в ухо. Немцы лишь болтать перестали, но продолжали идти. Тучей. Жуть зажала сердце в кулак. А что дядя Ваня? Командир ведь...

— Я кому... Мать... Огонь! Огонь, ребята... — Ну хоть одного убью, — сказал он тихо, прикладываясь к винтовке, оставленной машинистом.

После нашего залпа немцы все разом упали. Лишь каски чёрные торчат из травы. Какой прок стрелять по каскам?

— Береги патроны, Василёк, им всё равно подниматься придётся... Хотя... Ползут гады... Радич! Чего стоишь на карачках? Ложись!

Не лёг. Первая граната, как мне показалось, разорвалась чуть ли не у меня под носом. На какой-то миг я, наверно, отключился, а когда открыл глаза, то увидел, как на зелёном стебельке муравей выбирается из красной капли. Гена лицом в траву, вся щека в крови. Бугаенков? Калачиком пониже меня и манит к себе рукой.

Кругом и не во всём ли мире гранаты рвут землю. Я тоже свернулся калачиком, ладонями уши закрыл и глаза зажмурил. Весь состою из одного вопроса: и когда всё это кончит-

---

ся? Тишина как с неба упала, прихлопнув весь этот грохочущий ужас. Глаза разлепил. Сел. Гляжу. Солнце всплыло над вагоном. Паровоз как коптил, так и коптит. Ребят стало вроде бы меньше, и все лежат. Кто как, не шевелятся. А остальные? Чёрной куртки кочегара тоже не видно. Кольнуло: сбежали? Ну да, вон кто-то ещё вскочил и рванул к эшелону. Тот самый хохол, что «дуже жратымуть» хотел. Да вдруг тишину распорола автоматная очередь, и он, вскинув руки, повалился на спину, выронив винтовку. Я, конечно же, от этой очереди пригнулся и теперь, уткнувшись в землю, давился слезами и от жуткой догадки, что лежат-то мёртвые ребята, и что хохол ведь не первым драпнул, и что вот я один, покинутый всеми, а немецкий галдёж уже совсем рядом. Как это я один? А дядя Ваня Бугаенков? На его месте лежала такая же, как я, покинутая винтовка.

Неожиданность перехватила дыхание. Он перед толпой десантников стоял, подняв согнутые в локтях руки, на локте планшетка висит. Поза такая, будто он замахнулся схватить что-то, и от этого казался таким широкоплечим... И таким могучим! Но. Истинность положения понятна. Плен... Позорный плен! Красноармейцы не сдаются! Да? Я до сих пор не могу назвать то чувство, которое тогда схватило меня за горло. Ужас? Возможно, но вряд ли. Возмущение? Но это позже. Страх? Испуг? И то, и другое, если прибавить к ним ещё свойственную лишь человеку жалость не только к себе. Словом, совершенно неспособный соображать, сидел и наблюдал. Десантники все в касках и лишь один в фуражке, офицер, значит. Он и подошёл к Бугаенкову, опустил его руки. Планшетку раскрыл, покивал над ней, затем оглянулся и подозвал двоих, которые... В наших форменках железнодорожных! Ещё один укол в сердце. О чём вели разговор, неизвестно, но Бугаенков показывал на меня. Зачем? Подмывало вскочить и бежать. А хохол, срезанный шмайсером? Значит, плен? Схватить винтовку и пальнуть в спину предателю? Но его уже вели ко мне те, что в форменках, посадили рядом и приказали «молчат»! Подняли из травы наши винтовки, проверили, заряжены ли, покивали, поулыбались, и вот мы вдвоём. Я отодвинулся подальше.

— Брезгуешь? И правильно. — дёрнул подбородком им вслед мой (бывший уже?) командир. — Никакие они не стрелочки, а обыкновенные немецкие диверсанты. Всё понял? Итак, коротко. Есть старая русская пословица: воин до тех пор воин, покуда живой. Я живой и ты живой, и даст бог, родине послужить ещё сможем. Я потому, что они приняли меня за офицера: стоящий трофей. А ты штабной писарчук, который знает боль-

---

ше меня. Тихо, тихо. Я, Василёк, всё же неслабо рискнул: на кой ему два языка, если в одном всё, что надо? Да он поверил и не поверил. Хитрый гад. На моё счастье, значит.

— Товарищ старшина! — со слезящимися глазами и сердцем, колотящимся под горлом, всполошился я. — Вы разве газет не читали и рассказы политрука не слушали, как пытаются фашисты пленных на допросах?

— Тихо, тихо. Угомонись. Вон тот, что невдалеке сидит, по-моему, нас караулит. Хоть он и ни бельмеса по-русски, но однако. Так какие допросы? Выкинь из головы. У нас, Василёк, ночь впереди, а будет охранник вроде этого, я его на себя беру... Стоп! А этот откуда и зачем?

Из лесу выбежал солдат, всполошённый какой-то, и прямиком в будку. Минуты не прошло, как из неё выскочил такой же всполошённый, с фуражкой на затылке, офицер и завизжал:

— Аля-арм!

— Та-ак... Чтой-то на дороге произошло, — забеспокоился Бугаенков, поворачиваясь к посадке. — Ты, молодой, что-нибудь слышишь?

Я прислушался. В самом деле, похоже, машины урчат. И уже, похоже, рядом. Вижу, что старшина будто снова стал старшиной, командиром.

— Так это ж, сынок, наши! Тут больше некому быть, и они уж точно на Каховку... Точно! Это ж мой командир по финской с автоколонной! Как мог я забыть?..

Возле будки немцы стояли в строю, а офицер им что-то нервно растолковывал.

— А вот этим гадам, Василёк, нужно их в Каховку не пустить. Как и наш эшелончик. Он же не простой — под чехлом новая огневая установка, а в вагоне боеприпас. Всю эту нечисть в пух-прах... Пронюхали, значит. Разведка у них...А в планшете документы, что и как с нею управляться. И адрес. И бумажка: «При угрозе утери уничтожить». Доверили мне, бывалому фронтовику! На станции рядом автоколонна грузилась. Гляжу, а командир-то... Раскатов, капитан! Мы же с ним Выборг брали! Ему орден, мне — медаль. Обрадовались встрече. До Каховки? А больше некуда. Но с рассветом. А вон там кукушка в ночь пойдёт. Уж очень ждут её под Каховкой. Да и в госпитале сосед по койке, солдат бывалый, толковал, что по чугунке надёжней, чем по гравийке. К тому же у командира полка для сопровождения офицеров нехватка — сержант ротой покомандует. А я... Вася! Гауптман, или как его там, торопится, а мы тут лежим, бойцы Красной... А вот только этих и не хватало на нашу голову.

К нам подходили те двое в чёрных куртках. С винтовками. Нашими! А за посадкой вдруг послышались голоса. Наши, русские, родные, что без камешков во рту, как в немецком говоре. Похоже на то, что автоколонна остановилась. Зачем?

Как один из «стрелочников» тащил за ноги, лицом по траве, Гену Радича, я и на том свете буду помнить с обмирающим сердцем. Оглянулся на Бугаенкова. Тот, приподнявшись на локте, наблюдал, как немцы стали разворачиваться в цепь.

— Василёк, Василёк, — повернулся он ко мне, — Они ж всю колонну шмайсерами расстреляют. Наши опомниться не успеют: кому в голову придёт, что тут немчура? Откуда? И некому им сказать... Вот тебе снова фактор внезапности, из-за которого уже пол-Украины Гитлеру отдали...

— Ты о чём? — как-то по-свойски спросил тот, что покрупнее, располагаясь рядом с Бугаенковым. — Гитлер хайль! Сталин — капут. Лежи и молчи. Чего тут большевикам надо, мы не знаем, но все тут и останутся.

Тот, что оттащил Гену Радича, сел на его место со мною рядом, тоже приказал лежать и добавил, показывая штык от немецкого карабина:

— Пикнешь — капут.

Всё. Всё, товарищ старшина. Умирать нам теперь, дядя Ваня, за колючей проволокой. Вон — лежит. И не слеза ли по рябинкам сползает? Вряд ли, вряд ли. Хорошо помню лицо его — суровое и словно похудевшее, приплюснутый нос и брови, пучком торчащие, и эти самые рябинки, делавшие его голову, словно наспех выкованной из металла и уже чуть тронутой ржавчиной. Передо мной лежал человек, готовый встретиться с судьбой, чтобы... И какое мне дело до того, на что он решится? Я для него уже сторонний субъект: был в жизни или нет — какое это имеет значение? Кто сказал, что каждый умирает в одиночку? Правильно сказал. Вот и я один на один со своей судьбой. Мне вдруг стало до ужаса жаль самого себя. Стриженные мои волосы превратились в иголочки, где-то в скулах что-то больно сжалось, в носу защипало, и тёплая слеза по холодной щеке... Я снова взглянул на Бугаенкова. Что скрывать — с наивной детской надеждой на какое-то спасение. И встретился с его взглядом. И все только что возникшие ощущения — будто в керосиновой лампе фитиль увернули и огонь, оседая, погас. Иван Бугаенков, старшина Советского союза, в немецком плену смотрел на меня в упор и улыбался! Потом, через годы, в воспоминаниях видел я, что улыбались его губы, а глаза — нет.

— Ну что, Василёк, будешь жив — найди моих.

На него навалился охранник, зашипел:

— Я тебе что сказал? Молчать!

Не могу вспомнить подробностей, потому что всё произошло в какой-то миг. В памяти навечно осталось одно: когда Бугаенков сваливал с себя немца, у того из горла торчала наборная рукоятка финки. А сам он уже в следующее мгновение, ковыляя, бежал к посадке, и казалось, что весь мир замер в безмолвной пустоте, и ничего в нём нет, а только этот крик:

— Немцы! Немцы тут!

Что ещё могу оживить в памяти? Истошный визг офицера «Сурюк!», да ещё после пистолетного выстрела: «Шиссен!.. Файер!..»

...Я очень туго и долго соображал, где нахожусь. Надо мной белый потолок, вокруг белые стены. А рядом — господи! — вся в белом и в косынке белой с красным крестиком на лбу!.. Шевельнулся. Боль охватила всю грудь.

— Воскрес!... Наконец-то... Не двигайся, я мигом за Степан Сергеичем!

Исчезла.

— Ну ты даёшь, — послышалось с другой стороны. — Тебя, браток, с того свету вытянули. Долго жить будешь.

На соседней койке сидит не очень молодой мужчина в нижней рубашке. Гимнастёрка на коленях, из-под неё одна нога до полу, вторая под себя подвёрнута, что ли? Смотрит на меня с интересом. Или с удивлением? Я попытался разлепить губы, чтобы поздороваться, но они почему-то разлеплились нехотя, а боль напомнила о себе.

— Закрой рот! Тебе, может, и говорить ещё нельзя. В госпитале ты. — Стал он надевать гимнастёрку, сверкнувшую сержантскими треугольничками, и я увидел, что его вторая нога никуда не подвёрнута, а её вообще нет до колена. — Чего глаз косишь? Нога? Вон ей замена. — указал он подбородком на два костыля за спинкой койки. — Не удивляйся, что война, а мы только двое в палате. Как генералы. Всех ходячих уже увезли на погрузку, а мне на выписку, а ты тяжёлый... Как на какую? В санпоезд. Госпиталь эвакуируется. Каховку сдали, и того гляди...

Губы я всё же разлепил. Бугаенков-то в Каховку за родными стремился! Но спросить не успел. Дверь палаты распахнулась и в неё влетел... А как иначе скажешь, если полы заброшенного на плечи халата по сторонам, как крылья?

Сел со мною рядом, глубоко вздохнул и с силой выдохнул. Потрогал мой лоб, пульс посчитал по своим часам и обернулся к медсестре. Та, пододвинув стул от соседней койки, расположилась у моего изголовья.

— А я что говорил? Маленькие — они живучие!
— Дак тэ ж не мэне, Степан Сергеич!
— Хотя наукой это не доказано. Так со вторым рождением, Василёк!

Сердце задохнулось от возникшей надежды.

— Что с Бугаенковым? — привскочил я на койке, да снова на боль наткнулся. Он, аккуратно нажимая на плечо, уложил меня на место.

— Спокойно, спокойно, не то мои возражения науке окажутся напрасными.

Несколько долгих, очень долгих секунд он рассматривал меня, будто оценивал, на что я гожусь. На медсестру оглянулся. Та плечами пожала.

— Что ж, Василёк, война нас не спрашивает, кого хранить, кого хоронить. К горькому сожалению, Бугаенков погиб. Представлен к награде. Посмертно.

Последние слова он произнёс как бы вдогонку, в качестве болеутоляющего, что ли. Да чем можно сердечную боль утолить! Кто-то сказал, что только временем, да и то не навсегда. Я лежал, не пытаясь сдерживать слёз, и всё-таки стыдился их перед девчонкой. Голос Степана Сергеевича доносился из какой-то дали. Сначала обрывками слов, но вскоре приобрёл ясность.

— ...две ножевые... едва ни в сердце... Крови потерял... Из наших запасов ещё оставалось кое-что от донорской, да группа не та. Счастье твоё, что у Анюты оказалась первая! Теперь вы с ней, что брат с сестрой.

Она, Анюта значит, смотрела на меня с девчачьим прищуром, мол, вот я какая!

Мне надо было ей что-то сказать. Не просто же спасибо. А — что? Я молчал, глядя на девчонку, которую обнять бы. Они ждали. Степан Сергеевич вдруг как бы опомнился.

— Так что со вторым рождением тебя, Синицын, рядовой Советского союза! Паша! И ты, Аня, расскажите ему, а мне пора: как бы там без меня что-нибудь не так.

— Есть, товарищ подполковник!

— Ага...

— Я тебе коротко, что сам слышал, — натягивая сапог, куда-то в пол проговорил мой сосед по койке. — Мне тоже пора. Оформляться на гражданку. Много мы тут с Ваней о всяком поговорили. Ты же на его койке лежишь. Он больше о жене и детках, как бы их выхватить у немца из-под носа. А я про то, как встретит меня моя лада. С одной ногой-то...

— Пал Митрич, вы знов душу терзать! Война сколь женихив ще истребит, дак невесты хоч якому будут радёхоньки!

— А мне, — притопнул он каблуком, — хоть какому не надо. И хоть какой тоже. Вот ты, красивая, замуж за меня пойдёшь?

Уж не с тайным ли испугом оглянулся я на Анюту? А она сидит, как застигнутая на не очень приличном деле, не зная, как из него выкрутиться. А как подняла ресницы... Какой-то поэт сказал о чьих-то девичьих глазах, что в них утонуть можно. Не сказал ещё? Так скажет!

— Пал Митрич, мы же про дядю Ваню! Степан Сергеич казав.

— Велел... Да кошки скребут. Ты вот ему на дорогу шмат домашнего сала, что на роту хватит, вся палата два дня чесночком отдавала... Не вспыхивай! Меняю пластинку. Словом, Василёк, это я его надоумил насчёт эшелону. А то он на шоссе настроился попутке голосовать. Дело уж было к вечеру, так я ему растолковал, что ночью шоферня спит, а машины стоят, а на железке личный состав спит, а эшелон идёт. И к утру ты уже в Каховке.

Помолчали, каждый думая о своём. О чём думал сержант, положив костыли рядом с отсутствующей ногой?

— Вот и суди меня бог, хотя он сам каждому судьбу дарует, где всё от начала до конца расписано. Ладно, по делу. Тебя, Василёк, сюда доставили лейтенант пехотный и два стригунка таких, как ты. И вот что сказали. Эшелону двигаться дальше было нельзя: рельсы разобраны. Эти стригунки оттуда — на дрезине. А на привокзальной площади автоколонна спит, которая тоже на Каховку. Разбудили. Погрузили ремонтников и вот этих двух с бачком каши и термосом с чаем. Разъезд обнаружили по паровозному дыму. Не успели выгрузиться, как слышат крик из-за посадки: «Немцы!» Стригунки рядом стоящему командиру: «Дядя Ваня кричит!» Да... Его голос ни с каким другим не спутаешь. Как он пел! А? Анюта? Из соседних палат прибежали: уж не сам ли Паторжинский тут... Чо? Ну и я про Данилыча. Командир было на пацанов: какой дядя Ваня и откуда тут немцы, да за посадкой снова крик и стрельба поднялась. Он и спохватился: «Это ж старшина... Рябой Данилыч! Я ж его сам на вашу кукушку... Батальон, к бою!» Всё-таки стреляный воробей: А из-за сосны уже немец из шмайсера палит. Словом так. В батальоне три роты и в каждой по «Максиму» и по два «Дегтяря». Этих парашютистов кого положили навечно, а кто и удрал. Куда? Я знаю? А Ваня... Старшина Советского союза лишь успел сказать: «Там Василёк... Должно живой...» Похоронили его на том разъезде.

У двери Павел Дмитриевич остановился и сказал, глядя через плечо:

— Чуть не забыл. Ты, Ань, ему про финку. Ваня её с финской войны привёз. Остра — на спор побрился ею! Да-а... Трудно человеку на войне живым остаться. Как про себя говорил. Живы будьте! Да, кстати. Сзади рельсы тоже оказались разобраны и тоже без крепежа. Но дрезина успела проскочить.

И оставил дверь открытой. А нас с Анютой наедине.

— Это что же, Вась, получается?

— А то, — вмиг сообразил я, — что эти двое из будки нам ловушку устроили.

— Выходит, что дрезина вас и спасла?

Я застыл с открытым ртом, а она спокойно достала из ящичка прикроватной тумбочки ту самую финку, которой дядя Ваня резал Анютино сало.

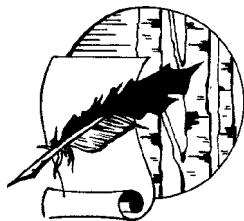
— Стригунки велели тебе передать. Иван Данилыч только ручку заменил. Сам набирал.

Я рукой обнял кулачок, в котором она держала эту ручку. И никак не мог разжать свои пальцы. Да и она, опустив ресницы на щёки, замерла, будто ждала: а что дальше?

А что дальше? Списали подчистую: какой из меня вояка с одним лёгким? Уезжал я зимой. С Волги тянул хлёсткий ветерок, и снежинки вихрились в свете вокзальных фонарей. Сидор плечи не тянул: там всего лишь три банки тушёнки — подарок маме от всей нашей палаты. В ожидании поезда на перроне мы, припорошенные снегом, стояли друг против друга и, грусти не тая, Анюта негромко, только для меня, пела новую песенку, которую на днях фронтовички привезли: «Анютка, про тебя!»

*Нашу встречу и тот зимний вечер
не забыть ни за что, никогда...*

г. Сызрань Самарской обл.

Сергей ЧЕПРОВ

ВСЕ МЫ — ЧЕЛОВЕКИ

ЯВИВШИСЬ В РАЗГАРЕ ЛЕТА...

Явившись в разгаре лета
На свет желторотым птенцом,
Я не был рождён поэтом,
Но пахарем и жнецом.

Своей не противясь сути,
Шагал по земле, не скользил,
Извечно по локоть в мазуте
И по колено в грязи.

Но как-то на мёртвом поле
Заплавав, запев ли навзрыд,
Вдруг понял я, что у боли
Тоже есть рифма и ритм.

РУСЬ СВЕТЛАЯ

А Русь моя всегда была светла
Тем, что свеча не гасла пред иконой,
Тем, что сияли в небе купола
И плыли вдаль малиновые звоны.

Но в сумраке неверия и лжи
Мерцанье свеч так тускло и так робко...
Ведь вера — это совесть души,
Как средь болот спасительная тропка.

Вот потому и холодно живём:
Жестокость слов и безответность сердца.
Душа без веры, как без печки дом.
Ни приютиться в нём, ни обогреться.

СВЯТАЯ РУСЬ

Вот казалось: надо жить бы да радоваться...
Не дают, пытаюсь взять на излом.
Видно, хватит «заявлять» да оправдываться.
Против лома может быть только лом!

Нас косили и мечами, и пулями.
Мы знавали и тюрьму, и суму.
Только вот на поводке нас выгуливать
Не позволим никогда! Никому!

Мы осилим все невзгоды и беды.
Нам опорой служит Божье плечо.
Но не злите, не будите Медведя!
И запомните навек: «Кто с мечом

К нам войдёт, тот от меча и погибнет».
Зарубите на носу, господа.
Русь не зря звалась Святой и Великой.
И останется такою всегда!

ЗЛО

Ну почему сегодня снова,
Когда и солнце, и ручьи,
Всего одним недобрым словом
Я вышиблен из колеи...

И воздух показался горше.
На сердце горкою — зола.
Людей хороших всё же больше...
Откуда ж в мире столько зла?

Ответ, он в мудрости народа —
Как вечность, стар и вечно свеж:
Зло — ложка дёгтя в бочке мёда.
Всего-то... А попробуй, съешь...

ОПЯТЬ...

«Опять ты влип! Ну, сколько можно
На ровном месте ставить шишки?!
Тебе давно пора, Серёжа,
Из детских выпрыгнуть штанишек».

Опять... И дальше, как по нотам:
«Мол, нет ума — считай, калека...»
Пора взрослеть.
А я всего-то
Опять поверил человеку.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Так повелось на белом свете
С каких-то неизбывных пор:
Между собой отцы и дети
Ведут неразрешимый спор.

Одни у жизни на излете,
Ещё держа в руках концы,
Вздыхают горько: «Что поёте,
Вы, мокрогубые юнцы?!»

Порастеряли страх да совесть,
Копытцем слабым землю взрыв!
От вашей музыки бесовской
Мир полетит в тартарары».

В ответ им, хоть и без обиды,
Но рубят твердо голоса:
«Папаша, ваша карта бита!
Иное время на часах.

Отгорьковал ваш век полынный:
То гололед, то недород...
Пора кончать тянуть волынку,
Когда вперёд труба зовёт!»

Спор этот, то горласт, то вежлив,
Не прекращается века...
А что же мир? Стоит как прежде...
Стоит пока...

РАЗГОВОР С ВНУКОМ

— Непорядок, внучек, это.
Взяться бы за ум пора!
Две пятёрки по предметам:
Только пенье и физра.

Остальные — тройки, тройки...
Ох, задуматься бы тут!
Ведь с такими и на стройку
Красить стены — не возьмут.

— Дед, да ты — отстой полнейший!
Право слово — динозавр!
Что сейчас всего важнее?
Это — пенье и спортзал!

Кто живёт других богаче,
Чьи тут яхты да дворцы?!
В той же Думе, не иначе,
Всё спортсмены да певцы.

Вон, боксёр, сосед наш Боря —
Фирма, «Бентли»... Всё — спортзал.
А тебе «квадратный корень»
В этой жизни что-то дал?

Кто зубрил до кровь из носу
«Пифагоровы штаны»,
Тот одни штаны и носит
От весны и до весны.

Может, правда я не в теме?
Стар, как логика сама?
Или просто в наше время
Посходили все с ума?

ВСЕ МЫ — ЧЕЛОВЕКИ

Сопишь себе под крылышком у Бога,
С друзьями под винцо шашлык жуёшь...
Есть и такие (к счастью, их немного)
Кому вообще руки не подаёшь.

Но жизнь — не мельтешение по кругу.
Случится ситуация, остра,
Когда врагу протягиваешь руку
И уступаешь место у костра.

Поделишься пайком, согреешь чаем.
И не следишь из-под прикрытых век...
Нет, мировую с ним не заключаешь.
Он — враг. Но... всё же тоже — человек.

У ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ

Постояльцы сих мест не особо речисты.
Их шаги, словно поступь Христа по воде.
И под небом лазурным, до одури чистым,
Корпуса меж сосенок разбросаны, где
Доживают свой век старички и старушки,
Может, даже, в обидах, неведомых нам...
Но заметил: здесь чаще кукуют кукушки
И подольше... надежду даря старикам.

БАБА СИНА

А что кому примнится в полудрёме —
Зараз не угадаешь нипочём.
Кому-то — чёрный человек в проёме,
Кому-то — ангел белый над плечом...

Вот задрожала веточка рябины,
Оставив горку ягод на песке,
И встала у крылечка баба Сина
В халатике и пёстреньком платке.

И растревожил душу тёплый запах
Стряпни, что вынималась из печи...
Она всегда приходит так внезапно.
Стоит и смотрит. Смотрит и молчит.

Мы и без разговоров с нею ладим.
Ей сверху всё известно про меня.
То, словно в детстве, мне вихры пригладит,
То повздыхает, голову склоня...

Не разорвать невидимые нити
Ни людям, ни событиям, ни годам...
Я знаю: это Ангел мой хранитель,
Что до скончания века Богом дан.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

Закалённые школой и жизнью,
Заучили мы на зубок,
Что в проклятом капитализме
Человек человеку — волк.

Этот лозунг мы знали твёрдо,
Как правдивейшую из правд.
А у нас, отвечали гордо,
Человек человеку — брат.

Так на самом деле и было.
Жили, может быть, рая близь.
Но какую-то злою силой
Нас вогнали в капитализм.

Враз сменились и гимн, и знамя.
И, нырнув в бурлящий поток,
Мы на собственной шкуре узнали:
Человек человеку — волк.

Жить по волчьим законам — негоже.
И средь всех потерь и утрат
Я надеюсь, что станет всё же
Человек человеку — брат.

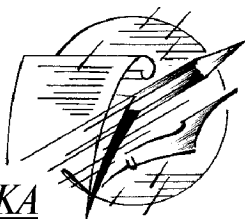
г. Темрюк Краснодарского края

ЧТО МЕШАЕТ НАШЕЙ АРМИИ?

Наша Армия, без всяких сомнений — по-прежнему № 2 в мире, однако нынешняя война, будучи, по сути, продолжением Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., по форме кардинально отличается от нее. И дело здесь не только в «гуманитарных» причинах.

Второй этап СВО завершился. Стратегия «чрезвычайно гуманного» ведения СВО привела к кризису и военным неудачам в операции. Возможно, тут были замешаны моральные причины — кто-то не захотел брать на себя слишком большое бремя. Тогда как со стороны хунты никаких границ нет вообще, как их не было у фашистов. Однако на второй стадии СВО и гуманность была потеснена нахрапистым натиском украицистской ненависти, поддержанной саботажем со спины пятой колонны и либеральной элиты.

Украинская сторона в своей безнаказанности перешла все не раз обозначенные «красные линии». Как и прогнозировалось, Крымский мост, ставший символом России, — и он был атакован. А до этого коалиция НАТО вывела из строя Северный поток, где страховые выплаты могут достичь 17

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

млрд. евро, а возможности ремонта оценить пока невозможно. В этой связи даже Дмитрий Медведев заявил о необходимости полноценного демонтажа политического режима Украины.

Власть наконец сделала четыре важнейших шага, к которым ее давно подталкивало экспертное сообщество: начало и закончило мобилизацию, провело замену руководства СВО, присоединила наши исторические земли, нанесло удары по украинской инфраструктуре.

На фронте происходили странные вещи. ВСУ по-прежнему отлично снабжается. Как заявил генерал-майор ФСБ в отставке Александр Михайлов, система поставок западного вооружения на Украину может быть уничтожена серией точечных ударов по железнодорожным пунктам, где «переобучаются» поезда (европейская колея уже украинской). Опытный железнодорожник предлагает наносить удары по локомотивным депо, где происходит ремонт вагонов и локомотивов, и путевым машинным станциям (ПМС). Но Россия не применяет свое самое новое и разрушительное оружие.

Почему наш контингент был ограничен странной цифрой в 170 тыс. человек при практически неограниченных возможностях его многократного увеличения даже без использования мобилизации? В настоящий момент численность армии РФ 1 150 628 военнослужащих. По словам Рамзана Кадырова, у нас «вместе с силовыми и военными ведомствами примерно 5 млн. человек, которые регулярно сдают спортивные нормативы. Если оставить 50% сотрудников на служебном посту, то вторая их половина в количестве 2,5 млн. человек несет любую западную армию. И резерв не понадобится»

Посмотрите хронику, как во время ВОВ наша Советская армия применяет «катюши» — это сплошной огненный ад. Мой дед был командиром артополка, я смотрел его наградные листы. За один (!) бой потери фашистов составляли 800—1500 человек. Дело не в кровожадности, дело в эффективности. Интересно, если бы сейчас «воскресить» армию СССР, за какой срок она взяла бы Киев со своим «старым оружием»?

Новый командующий операцией обладает безупречной репутацией, и его первые шаги (давно требуемые массированные удары по инфраструктуре) показали правильное видение стратегии проведения СВО, перекликающееся с успешным первым этапом. При таком подходе ВСУ долго не продержится, а впереди холодная зима — наш верный союзник.

Однако история проведения операции показывает, что у нас есть еще «теневые рулевые», работающие в интересах

противника и действующие с поразительной результативностью.

Информация к размышлению №1. Недавно известный военный эксперт Константин Сивков в своем интервью «Рой ТВ» четко заявил, что нашей армии не дают побеждать некие «экономические интересы». Уже позже, выступая на ORT, он сказал, что украинская железнодорожная инфраструктура до сих пор не уничтожена, потому что в этом заинтересованы российские, украинские и западные олигархи, продолжающие совместно зарабатывать на бизнес-схемах, которые не изменились после начала СВО. Известно, что после «загадочного» отступления наших войск из Харьковской области, Рамзан Кадыров заявил следующее: «...были допущены ошибки... И если сегодня-завтра не будет сделано изменений в стратегии проведения специальной операции, то я буду вынужден выходить к руководству Минобороны и руководству страны, чтобы разъяснить им реальную ситуацию. Ситуация очень интересная, даже, я бы сказал, прям офигенная».

ВСУ всё еще находятся на российской территории — например, в Красном Лимане. Но это не всё. Генерал-полковник Андрей Картаполов, председатель Комитета Государственной думы по обороне, призвал «перестать врать», чтобы не потерять доверие населения. «У нас практически все приграничные села Белгородской области разрушены. У нас город Валуйки — город-крепость, между прочим, — находится под постоянным огневым воздействием. Мы узнаём об этом от кого угодно — от губернаторов, от владельцев телеграмканалов, от военкоров. Но не из СМИ».

Но почему мы не объявляем Украине ультиматум?

Теперь — о крайне удивительных прогнозах США относительно темпов проведения операции, сделанных накануне спецоперации — в феврале 2022 г.: «Три американских чиновника заявили Newsweek, что предполагают «падение» украинской столицы в течение нескольких дней». Даже глава комитета начальников штабов США генерал Марк Милли в ходе закрытых слушаний в Конгрессе заявил, что в случае «вторжения» России на Украину Киев падет за 3 дня.

Информация к размышлению №2. В. Путин заявил во время своего визита в Узбекистан: «Американцы вообще — прагматичный народ. Вот когда мы говорим о вывозе зерна с Украины, знаете кто вывозит? Американские компании, они собственники этого зерна в основном, в значительной части. Оказалось, что земли на Украине давно проданы американским компаниям, это их зерно, они свое зерно и вывозят». Все верно — по данным австралийского National Review, три

больших американских транснациональных консорциума Cargill, Dupont и Monsanto скупили 17 млн. га (из 62 млн. га) украинских сельскохозяйственных земель.

Следствие №1. Помимо интересов олигархов, возможно, есть негласные договоренности о том, что важные транспортные магистрали, которые обеспечивают потребности агрохолдингов США, разрушаться не будут. Вместе с тем, именно эти структуры используются для снабжения украинской армии. Об этом не писал только ленивый. Далее — в интересах этих же компаний Россия поддержала так называемую зерновую сделку, по которой зерно якобы шло в развивающиеся страны, а нам за это обещались послабления для нашего продовольственного экспорта. Но послаблений нет, а зерно ушло в Европу. По сути, эта сделка нужна была США и Европе, которые получили зерно. Несмотря на то, что она нам не выгодна, и Путин говорил об обмане, 30.09.2022 в Кремле заявляли, что поддерживают продолжение зерновой сделки.

Другая сторона «зерновой сделки» — она фактически блокирует нашу активность на Одесском направлении и дает гипотетическую возможность использовать морской транспорт для поставки Украине оружия. Итак, бенефициары по «зерновой сделке» — были Украина, США, Европа, а проигравшей стороной стала Россия.

При этом, по данным Financial Times, миллиардер Роман Абрамович сыграл ключевую роль в подписании сделки по вывозу зерна из Украины. Он присутствовал на церемонии ее подписания в Турции как один из ее авторов.

Информация к размышлению №3. Какие же украинские территории могли быть куплены? Согласно оценке украинского портала BusinessViews, «легендарный украинский чернозем занимает 27,8 млн. га (около 46% территории). Из них 22 млн. га (примерно 36,4%) — пахотные земли, пригодные для ведения агробизнеса. Самые плодородные почвы (а значит и наиболее выгодные для размещения предприятий, специализирующихся на растениеводстве) — в Харьковской, Полтавской, Кировоградской областях. С точки зрения агробизнеса интересны также запад Одесской и восток Донецкой области. На втором месте по инвестиционной привлекательности — Сумская, Днепропетровская и Николаевская области, а также часть Луганской области, где плодородие почвы находится на уровне «выше среднего» (обратим внимание: в зоне СВО были некие острова «тишины». Не там ли эти земли?).

Следствие №2: В результате «стамбульской сделки» Россия оставила Киевскую, Черниговскую и Сумскую области.

Понятно, это «центр» Украины. Наибольшая урожайность присутствует в Киевской, Черниговской, Хмельницкой и Винницкой областях.

По словам президента, договоренности все-таки были, но Украина нас снова «кинула»: «Для того, чтобы создать эти условия, наши войска отошли из центра Украины, из Киева. Киевские власти отказались от исполнения этих соглашений, хотя они были практически достигнуты».

Главная странность «стамбульской сделки» в том, что мы выполнили некие договоренности в качестве жеста «доброй воли», но киевская сторона их не выполнила. Где-то прошла информация, что нас к этому вынудили, угрожая реальной масштабной войной с НАТО. Запад не мог позволить, чтобы мы выиграли эту войну в короткие сроки, в его интересах — максимальное затягивание срока конфликта в целях нашего истощения.

С экономической точки зрения длительная война крайне неэффективна. Здесь, к сожалению, в полной мере реализуется план RAND Corporation (США) 2019 года, в котором обозначена подготовка конфликта на Украине — с целью «ограничения доходов и навязывания затрат». Аналогичная стратегия США привела к демонтажу СССР. Чем дольше война, тем больше истощение.

Теперь приведем оценку военных экспертов о негативных последствиях отхода наших войск: «Чем чреват отвод войск РФ, которые охватывали Киев с запада на правом берегу? Эта группировка нависала над основными коммуникациями, связывавшими запад страны с её центром и востоком. Теперь путь для поставок оружия из Польши открыт... Кроме того, возникает опасность атак ВСУ на важные промышленные и энергетические объекты РФ».

Как известно, Роман Абрамович в марте прошлого года попал под санкции Великобритании и Евросоюза. Однако 23 марта президент США Джо Байден вывел его из-под санкций по просьбе президента Украины Владимира Зеленского — так сказать, авансом, поскольку ему отводилась роль посредника в стамбульских переговорах, которые состоялись 29 марта.

Уже наш первый «отход», когда в самом начале СВО Россия была вынуждена оставить захваченные плацдармы в Киевской, Черниговской и Сумской областях, привел к стратегическому изменению баланса сил, который в дальнейшем позволил Киеву не только стабилизировать ситуацию, но и добиться определенных успехов в конце лета — начале осени. Стамбульские соглашения просто «украли нашу побе-

---

ду». Сама тональность переговоров, странные речи наших спикеров вызвала колоссальную негативную реакцию в российском обществе. Уже стали говорить, что операцию «слили». И это же ударило по мотивации и боевому духу нашей армии. Затем в ходе «загадочного» отступления она оставила Харьковскую область. Возможно, договорились о «размене территорий».

Спрашивается, зачем мы гробили войска и ценнейшие военные ресурсы, когда наши военные буквально метрами продвигались в Харьковской области вперед, одерживая победу за победой, которую у нас просто отняли? Зачем мы давали русским людям надежду, русские паспорта, школьникам русские учебники? Как нас там будут поминать наши сторонники? Отступление нанесло сильнейший моральный удар по нашей армии.

Информация к размышлению №4. В ответ на включение в состав России четырёх новых субъектов Зеленский объявил о дополнительных санкциях в отношении граждан и юридических лиц РФ, призвав Верховную Раду принять закон, упрощающий процедуру национализации российских активов. При этом был обнародован весьма значительный и очень любопытный список собственности наших олигархов на Украине. Ранее, в августе, Киев объявил о национализации 903 (!!!) российских объектов собственности на Украине. Так на кого должны работать российские олигархи, чтобы спасти имеющиеся активы на Украине?

Информация к размышлению №5. Еще одна сделка — т.н. «приглашение к миру»... Странный «жест доброй воли»: явно неравноценный обмен 55 наших военных на 215 националистов, в том числе нескольких десятков «медийных персон» «Азова», снимавших свои зверства на видео, которых надо было публично судить. Если верить фотографиям, то из плена вывели всю верхушку мариупольского гарнизона — Дениса Прокопенко, Святослава Паламара и Сергея Волынского. Кроме того, освободили иностранных наемников. За весь этот «набор» надо было обменять всех наших военнопленных. Или хотя бы 215 на 215. Но нам опять показали наше место. По словам бывшего министра обороны ДНР Игоря Стрелкова: «Это — откровенное вредительство».

Глава ОП Украины Андрей Ермак: «Мы обменяли 200 наших героев на Медведчука, который уже дал все возможные показания следствию. А 5 героев-командиров «Азовстали» — на 55 российских пленных, не имеющих для нас никакого интереса». И он же далее: «Хотел бы вам сказать, что среди тех, кого мы сегодня освободили, 108 бойцов «Азова». Ранее

спикер Госдумы Вячеслав Володин заявлял, что их нельзя обменивать, их необходимо судить. И вот следствие: зафиксированы новые страшные преступления «Азова» в Купянске.

Для основной массы народа цели СВО имеют вполне понятный, простой контент — противостояние с Западом, битва с фашизмом, восстановление исторических границ России. Однако из-за глубинных интересов реальный вектор действий направляется в многомерное пространство широкого круга участников. Реальные локальные цели СВО постоянно корректируются, и они могут противоречить официальным целям СВО и чаяниям русского народа.

Военные видят СВО в контексте наличных ресурсов: численности контингентов сторон, их вооружения, целей для нанесения ударов по противнику, обеспечения снабжения армии, текущего и перспективного производства оружия, своевременного финансирования операции.

Однако с точки зрения бизнеса операция представляется совсем в ином виде: это, во первых, прежде всего объекты собственности, которые принадлежат транснациональным корпорациям США, олигархату Украины и России; во вторых — потоки товаров через территорию Украины; в третьих — транспортные сети, энергетические объекты без которых ведение бизнеса невозможно; в четвертых — клановые интересы олигархов, дружеские и даже (!) национальные связи; в пятых — международные интересы олигархов, получение прибыли от снабжения армии. Нынешняя глобальная экономика имеет сложнейшую матрицу и может делать друзей врагами, а врагов друзьями.

Характер 2-го этапа СВО говорит о том, что у нее есть противники на самом серьезном уровне. Олег Царев пишет откровенно нашей пятой колонны: «Представьте... что вы всего добились в своей жизни не только для себя лично, но и для своих детей и внуков. Вы находитесь на вершине власти, стали частью элиты страны. Вам есть что терять в случае нестабильной ситуации, которая неизбежно может привести к ротации в верхних эшелонах власти. И вдруг жизнь резко меняется. Страна вступает в военный конфликт, напряженная обстановка требует принятия серьезных усилий. Требуются перемены, а перемены могут привести к смене властной элиты. Как этого избежать? Очень просто, рассуждают некоторые наши властные чиновники. Необходимо контролируемое поражение в войне, уступки Западу, которые позволят вернуть статус-кво, а значит, сохранить власть... В такой ситуации старые элиты не заинтересованы в победе России. Они всеми силами стараются воспрепятствовать скорейше-

---

му окончанию военных действий через поражение противника». Во второй фазе СВО тихо, но эффективно саботировалась.

Наша армия — та, что брала Мариуполь и «Азовсталь», — это армия №2 в мире. И после этой войны она точно будет №1! Но некоторые наши герои погибли, и это отразилось на армии. Затем что-то странно «переменилось», причем в тот самый момент, когда всем казалось, что перелом наступил, — и он в нашу сторону, и об этом в середине августа говорили многие.

Сейчас каждый чиновник и бизнесмен имеет полную свободу — он может что-то делать хорошо, а что-то плохо. Так и рождается саботаж — кто-то не дал команду производить беспилотники, кто-то дает команду военным — не трогайте то, не трогайте это; кто-то не размещает заказы на производство оружия, кто-то задерживает или не дает деньги на военные расходы. Этот огромный вектор саботажа какое-то время работал против нас, и мы — начали отступать. Потому что война — это ресурсы, нет ресурсов — нет победы.

Мы не сможем вести войну эффективно, если будем оглядываться на интересы олигархов, если не введем ответственность за исполнение решений МО и правительства по законам военного времени, не создав Госплан, не переведя все сырьевые ресурсы в собственность государства и не поставив весь ВПК на рельсы госсектора. Главный ключ к Победе — успешное использование опыта СССР, и в нынешних исторических условиях нам этого не избежать, попутно выкинув либерализм на свалку истории.

Информация к размышлению №7. Как считал Збигнев Бжезинский: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей». И далее он же: «Враждебное отношение украинцев к России — это новое явление... Украина со временем не только станет серьезной проблемой для России, но это еще и грозит окончательной потерей огромной территории — величайшей территориальной потерей в истории имперской экспансии России».

Иначе говоря, самый большой страх Запада — восстановление Российской империи. И они сделают всё, чтобы мы не смогли присоединить Украину к себе. Однако в нынешних условиях иного пути у России нет. Но сделает это только обновленное, очищенное государство.

Сейчас на фронте у нашей армии действительно имеются локальные и системные проблемы. Это дефицит воинского состава, БПЛА, средств электронной разведки и не только. Всё это следствия многолетнего курса на минимизацию расходов на содержание ВС РФ в период хороших отношений с Западом, и в более широком аспекте — следствие либеральной системы, характера политики бухгалтеров из Минфина и Банка России, которые все накопления отправляли в кубышку ЗВР, в основном размещенную на Западе, 50% которой ныне арестовано. А на потребностях государства — сэкономили. Иного и быть не могло, поскольку их официальные кураторы из МВФ ставили им задачу максимально ограничить развитие государства. А развитие — это постоянный рост расходов и инвестиций.

Период либерализма крепко вовлек наши элиты и олигархат в орбиту Запада. Появились высокопоставленные чиновники с двойным гражданством, имеющие активы и семьи за границей, олигархи, которые использовали Россию как дойную корову, складывая капиталы за границей. Система мировой торговли, основанная на долларе, позволяет США крепко контролировать и подчинять интересы любой стороны в своих интересах. И рабы «доллара» четко знают, что будет приятно Хозяину. Отсюда санкции, отсюда давление на олигархов и чиновников. Иногда косвенное, иногда прямое.

Запад двигает идею предоставления российским бизнесменам возможности «откупиться от санкций», направив деньги на помощь Украине. Якобы такое предложение внесла замминистра финансов Канады Христя Фриланд после предварительного обсуждения своей идеи с «российскими олигархами».

Но как гласит Священное Писание, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Так не устояла Царская Россия, о которой император Николай II обреченно сказал: «Кругом измена, трусость и обман». По какому пути пойдём мы?

Россия с 1985 г. раздвоилась. Распалось геополитическое наследие СССР, а потом рухнул и сам СССР. Затем мы сами не смогли защитить оставшихся бывших союзников. Перелом наступил лишь в Сирии. И чтобы одержать победу и начать собирать Русский мир, стране нужно единство и очищение. Не большее и не меньшее, чем было в СССР или при Петре I. Победа всё равно будет за нами, но до нее предстоит дорасти.

ДВА РАССКАЗА

НА ТРАВЕРЗЕ ЛЮБВИ

Крутой извилистый спуск с сопки в распадок злопамятные зятя нарекли Тёщиным Языком. В погожую погоду по этому «серпантину» осторожно сползали и заползали на сопку машины. Ночами всё окрест грохотало от покатушек фронтменов. «Шумахеры» на «сверхзвуковых» японках накручивали по крутизне слалом. Особым шиком считался подобный слалом после тайфуна. Размичканная, угробистая «змеюка» швыряла покатушников по склонам сопки. Многие калечились. Иные гибли. Венки скорбели на местах гибели.

Нормальные водители на Тёщин Язык после тайфунов не совались: мёртвая зона!

Гром во гrome. Треск молний, разрывающих чёрное полотно ночного неба. Заколебалась земля. Тектонические сдвиги подняли в океане гигантскую, десятиэтажную волну. Цунами сорвало с якорей суда на

ПРОЗА

рейде. Разбросало каботажный флот, слизало яхты, гаражи с моторками. Всё это мощный отлив унёс в открытый океан.

Лавина цунами влетела и в тихую бухту, где вовремя ошвартовался плашкоут Андрея Перегудова. Лишь мёртвая зыбь изрядно потерзала грузовой «плот» с четверть футбольного поля. Плоскодонное судно тряслось, как в лихорадке, вот-вот со скрипом развалится на части. Матроса колотило вместе с ним. Он перетерпел эту дикую ночь в крохотной каютке и утром сдал вахту напарнику.

После такой встряски и «тёщины языки» ему были нипочём! Благополучно спустился на своей колымаге «Тойоте» с автомогильника Июкогамы.

Языки оползней наполовину перегородили шоссе Тигровой пади. Столетие тому амба царствовал здесь, в таёжном урочище. Ныне хозяйничали заводы и комбинаты: ЖБИ, ДСК, автобазы. Ближе к заливу были «разлинованы» номерные улицы: Портовые, Корабельные, Морские... Далее громоздились пакгаузы, жирафами высились портовые краны. Между доками у пирсов на приколе стояли сухогрузы, контейнеровозы, сейнера, морозильные траулеры.

Днём и ночью в два встречных потока мчались по рабочему шоссе машины. Наиболее крутые шпарили по «языкам», сравнивая их с асфальтом. Но в одном оползне увяз «Мерседес». Автоледи в летах, в клетчатом кардигане, безнадежно голосовала, чтобы кто-нибудь остановился, помог. Тщетно!..

Перегудов вылез из машины:

— Здравствуйте!

Женщина непонимающе посмотрела на парня в матросской куртке, вздохнула, подняв палец вверх:

— Как небо низко!

Казалось, весь мир помутился у неё в глазах. Битый час промаячила на обочине с поднятой рукой! Никто не остановился!

— Здравствуйте, я Андрей! — приветливо произнёс он. — Садитесь в мою машину, там теплее.

Помог ей сесть в «Тойоту» и принялся сапёрной лопаткой откапывать, освобождать «мерс» из плена.

— Сколько я вам должна? — наконец пришла в себя дама после освобождения. — Никто не остановился! Бесчувственнее камня! А вы... Такую работу проделали, выручили. Спасли, можно сказать. Не стесняйтесь, сколько?..

— Да что вы?.. — обиделся Андрей. — Ничего вы мне не должны. Я рад был помочь вам. Сколько раз Господь помогал мне и люди!

От доброты человеческой у женщины хлынули слёзы. По-детски шмыгая носом, она промокнула платочком слёзы. От

волнения у неё перехватило дыхание. Не в силах вымолвить слово, со слёзной благодарностью посмотрела на доброго парня и села в машину.

Да-а... Сколько раз помогал ему Господь и люди!..

Служил Андрей в погранвойсках. Гонял с погранцами на сторожевых катерах япошек. Их браконьерские шхуны нагличали в наших водах. После службы рыбачил на судах прибрежного лова. Мэрээски, малые рыболовные сейнера, вечерами возвращались в родную бухту, снабжая сайрой местный рыбоконсервный завод. Разносортицу: камбалу, краснопёрку, сельдь, корюшку-зубатку — рыбаки с палубы с удовольствием бросали на пирс. Посельчане набирали полные пакеты свежерыбицы.

В таком праздничном священнодействии непременно участвовал Андрей. В рыбацкой робе, по-богатырски возвышаясь над пирсом, с задором плюхал на него рыбины.

Среди даров моря попадались сельдевые акулыта. Сорванцы накалывали их на палки-пики и носились с «акулами» по посёлку.

Аппетитный запах жареной камбалёшки окутывал Рыбачий. Радивые же хозяйки готовили деликатес: фаршированную краснопёрку в рыбьем чулке.

Как-то в конце мая среди сборщиков рыбного «урожая» на пирсе Андрей заметил Нину, одноклассницу. Присев на корточки, девушка собирала в пакет рыбу. Шаловливый ветерок играл прядкой русых волос и обнажил плечо. Она поднялась. Курносая, в ситцевом платыице, тонкая, хрупкая. Девчонка девчонкой. Увидев Андрея, помахала ему рукой и скрылась за пригорком.

Скромница, хорошистка, неприметная. Поглядывая на девчат, Андрей и не замечал её. А тут!.. Поздний вздох.

Вскипела путина. Андрей перешёл на морозильный траулер. Рыбразведка радовала огромными косяками сайры. Тралили денно и ночью. Однако сердце Андрея всё чаще отвлекалось на то мгновение мая, которое виделось прекрасным...

Ласковый майский вечер. Играли зарницы. В отсветах их словно оживали окружные сопки. Блестала позолотой, как рыба чешуя, морская зыбь. Неведомая радость... Сердечное струн трепетание... Долго не мог уснуть...

В течении звёзд сияло девичье плечико. Манящее, дразнящее... Попытался тушить юношеские пылающие вожделения. Красота души краше красоты тела. А что он знает о Нине?.. Можно такое навоображать!.. И всё-таки она какая-

---

то милая... Учились вместе, живут в одном посёлке — и вот любовь с первого взгляда...

Отдыхая на палубе, ощущал течение звёздного ветра. На траверзе любви. Рыбачил, ходил по земле, а сердцем жил на небе. От майской влюблённости до сего часа, оглядываясь на недолгий прошлый путь, душа замирала. Нина... И жизнь, и дыхание...

Сойдя на берег, встретил Ритку, одноклассницу, спросил про Нину. Ехидно хмыкнула, поджала губы: неразделённая её любовь — Перегудов.

— Какая из неё рыбообработчица! Худючая! Нам вкалывать приходится, рыба костистая, руки поранены... Подалась в порт: мир посмотреть и себя показать. А показать-то особо и нечего: серая мышка. Я не поняла, почему ты о ней спрашиваешь? У вас вроде ничего не было. В порту женихов поболее. Морские офицера, капитаны! Такое сокровище — и не замужем! Матросня — народ аховый! Поматросят и бросят. Поспешай, пока не залетела твоя Ниночка!

— Почему моя? — с неожиданной радостью спросил Андрей.

— Вижу, по глазам вижу. Какая-то Матросская у неё, или Морская какая-то. Но чётко помню: дом 5, квартира 55. Мы с ней подружки всё-таки! Не заблудись!

Небо дышало любовью. Розовое утро раскрылило паруса, тугие в свежем сентябрьском ветре. С небесной резвостью чайки увлекали в волнующую даль, в портовый город, где жила Нина...

Радовался денёк, когда Андрей начал поиск. Обстучал, обзвонил семь квартир в пятиэтажках на Матросской. Тщето!.. Морские находились на другом конце города.

Багровобрюхие тучи, начинённые молниями, грозой не разразились. Лишь в отдалении за сопками добродушно проворчал гром. Латунь залива в последних лучах заката. Свинцовая вода, зябкий рыбачок с дрожащей удочкой на берегу...

На землю будто опустились облака. Такой сгустился непроглядный туман. Мир словно укрылся от Андрея ватой. Ничего не видно вокруг: ни людей, ни домов. Звуки тоже застревали. Что-то было там, в гуще тумана, а что и где — не различить.

Боясь потеряться в этой безмерности, остаться без людей, Андрей убедился, что стоит на тротуаре, и больше не сделал ни шагу. Время ещё детское, кто-нибудь да появится.

Седой туман... Потрогал волосы. В шестнадцать лет пронзил их седой волос. Нина заметила. Весь десятый сопереживал Андрею. Мать умерла. Один остался. Родная тётка, детская, из мазанки перебралась в его однушку. А он перебрался

на сейнера. Вот так возрастал и укреплялся. И вот увидел Нину. Истосковался. Пришла пора — влюбился. Нина...

Прошёл мимо странный человек: короткие курчавые волосы, на чёрном лице блестели белки глаз. Столько тоски скопилось в них, чужой, непонятной. Казалось, она вызвала тоскующий корабельный крик, пробившийся с моря сквозь вату тумана. Андрей вздрогнул. И от странного лица, и от нездешней тоски, и от раздражающего стога кораблей. Устыдился своей слабости: совсем скис. Вот у негра, видно, горе так горе. Захотелось броситься следом за ним, утешить, подбодрить брата-человека: всё будет окей! Но куда сунешься в эту сумрачную мглу?

Промозгло, зябко. Утро сулило радостный день. Но то в Рыбачьем, там климат совсем иной. Ветры с океана гоняют туманы. Рыбачий южнее, теплее. Здесь же в распадках, между сопками, у каждого района своя погода. И вот лежище туманов — Гнилой Угол.

Морось въедливая — а он в футболке. И ноги не держат, спать нестерпимо хочется. Упасть бы в каком-нибудь тёплом углу! Сил нет. Шагнул. Как идти в этой непроглядной гуще? Невольно взмахнул руками, как бы силясь разгрести туман. Слепо пошаркал, ощущая твёрдый шероховатый асфальт, спотыкаясь о бровку тротуара. Поднялся на бетонную площадку. Упёрся в мозаичную стену, показавшуюся обледенелой. Это была автобусная остановка! Продрогший, забрёл в павильон. Застыл, не в силах более двигаться.

— Что, ночевать негде?

Вздрогнул. Из угла павильона вышел бомжеватого вида мужик:

— Крен и ноль футов под килем! — прохрипел незнакомец и вскинул руку к подошедшему автобусу: — Ну вот, как по заказу! Поехали!..

Виктор Быков жил в пятиэтажке метрах в ста от моря. Шум прибоя с шипением пены слышался так близко, что казалось, море вздыхало под окнами. Будто оно совсем недавно побывало в квартире. Оставило после себя небольшой беспорядок. Развесило на стенах чёрный черепаший щит, окованный медью штурвал, отрез рыбацкой сети с пенопластовыми поплавками. Разбросало на подоконниках и шкафах засушенных ежей, клоунистых звёзд; дракончиков с раздутыми, словно крылья, жабрами; ракушек каури, похожих на крапчатых букашек; тут же — известковые раструбы раковин, «заиндевелые» кустики кораллов... Расставило по углам деревянных папуасских пузанчиков-божков с копытами. Виделось хождение хозяина по морям-океанам до последней земли.

Спотыкаясь о разбросанные на полу кокосовые орехи, Андрей разглядывал заморские диковины. Ему, прибрежному рыбаку, не доводилось ходить так далеко, до южных морей.

— Амба! — оборвал его экскурсию хозяин. Сгрудил на край кухонного стола немытую посуду. Разлил из початой бутылки водку по стопкам: — За тех, кто в море! — Подвинул гостю закуску: вскрытую баночку горбуши. — Холостякую. Моя Елена Прекрасная в море, на плавбазе рыбообработчицей. Я бичую пока. Мой СРТМ на приколе, в доке. Ах, да, между первой и второй чайка пролетела!.. Я бездомность о как чую! По очукурам помотался. Детдомовской закваски!

Да, крепкой закалки Виктор Быков! Ёршик рыжеватых волос, обветренное лицо, худошавый. В футболке — и даже не продрог в «ледяном» павильоне!

— Крепко ты, юнга, промёрз! Никак зыбь твою водчонка не уймёт. Ну что ж, не пьянства ради, здоровья для!

Словно солнышко прокатилось внутри. Осоловел Андрей после третьей. С блаженной улыбкой смотрел на Виктора, как на спасителя.

— Для человекав Сын Божий сделался человеком. А уж тем паче человек должен быть человеком! — Видя благодарные глаза парня, дружески похлопал его по плечу. — Надейся на добро, и оно не задержится. Иные умирают от страха бед и прочих тягот здешней жизни. Пребывают в прискорбном положении до сумеречного сознания. И сердце чернее ночи. Жалуетса мужик Богу: то плохо и другое; на работе, в семье нелады. «Одно мне скажи, — спрашивает Господь, — продлевать будем?» Так что избавь себя, Андрюха, от суетного сетования. Нападает банда передряг. Говорю: «Бог и я сильней тебя!» Отстаёт. На тонущем корабле все верующие. Божие приходит само собой туда, где чисто.

Андрей кивнул на телевизор — в сугробе пыли.

— В знак протеста! — посуровел Быков: — Зрелищные девахи в присущем образе. Рекламная дичь: «Россияне начали чаще стричь своих кошек... Простипома, хек, чавыча, треска, горбуша и другая камчатская рыба — в кинотеатре «Россия». Съешь меня, порадуя свои вкусовые сосочки!» И следом — «Памяти павших будем достойны!» Кошунство! Дворцы элитчиков выглядят роскошно, а внутри полны мрака. В самовеличии они перестали считать себя людьми. Суперы-пупыри. Невзрачные хижины исполнены света. И светлых снов. Давай укладываться. Заболтал я тебя. Давненько ни с кем не деллся. Ладно, не будем копатьса в слоноведении! Ну их. Здоровье и добрые сны приходит от добрых мыслей. — Он заботливо уложил Андрея на полу: — Спокойной ночи, юнга!

Ещё в автобусе, познакомившись, Быков добродушно нарёк Андрея юнгой.

Славно чувствовал себя Андрей. Благодатный человек Виктор. Презирает страхи бед этой непростой жизни и посмеивается над её благами. Верующий, отверз Андрею целое небо.

Однако делиться с ним о поисках Нины парень не стал. Безрассудным бы показалось его путешествие.

Боль и сладость неведомого ожидания томили. Грезился чудный образ... Нина... Юное, бедное сердце истомилось, истосковалось по любви. И красоты в думах были жизненными, пережитыми, выстраданными.

Вскрикнул. Кто-то толкнул в бок.

— Крыса!

Проснулся Виктор:

— Капитан на корабле знает всё, но крыса знает больше. И это знают все моряки. Не ожидал я от тебя, юнга, такого перепуга! Алёнка решила с тобой познакомиться, черепашка. Днём спит, а ночью гуляет. Не смей меня. Спи!..

Из-за алеющих вершин сопок заблестало утро, разгорелось. От брызжущего светом залива Андрей зажмурился. Сердце простиралось в бесконечность. Неведомая радость! Отчего?..

— Лепота! — приобнял Андрея Виктор, любуясь красотой за окном. — Куда, юнга, путь держишь?..

— Землячку ищу. Семь Матросских обошёл...

— Да-а... Странная у нас география. Фантазии первопоселенцам не хватило: семь улиц матросских, пять Портовых, шесть Линейных, четыре Корабельных, три Морских...

— Вот-вот! Нина на какой-то Морской. Дом пять, квартира пятьдесят пять.

— С чем и поздравляю, юнга! Первые две — трёхэтажки. Стало быть, твоя Нина живёт этажом выше!

— Такого не может быть! — потрясённо прошептал Андрей. — Подбирает меня незнакомец, окоченелого, на останковке, потерянного. И в доме его — Нина! Это что — невероятное стечение обстоятельств?

— Тихий Дух сверху управляет нами, а не стечение обстоятельств. Благодать проникает сквозь завесу видимого и осязаемого. Видимое временно, невидимое — вечно: вера, надежда, любовь. Лети к своей находке, счастливец!..

Дама остановила «Мерседес» возле придорожного кафе «Фрегат». Войдя в него, села за столик и заказала кофе «глицсе» и пирожное.

Официантка ушла с заказом на кухню. Там послышался раздражённый голос:

— Сколько раз я тебя предупреждала! А тут ещё цены подскочили, аренда выросла! Вот мой ультимат и последний срок!..

Раздались упрёки:

— Да вы же видите: она в положении! Ей нельзя волноваться.

— Дайте отсрочку!

— Ладно, — смягчился суровый голос. — Даю неделю. Если не заплотите, съезжайте!..

С заказом на подносе официантка вышла из кухни, понурившись. Дымился ароматный кофе, пряно пахло пирожным. Встретив вопросительный взгляд посетительницы, официантка вскинула голову, улыбнулась, словно и не тяготили невзгоды. Приветливая, милая девушка. С едва заметным брюшком. Облик чистоты.

Плату дама подала банкнотой в сто долларов. Девушка ушла за сдачей. Вернулась — дамы не было. На столе под салфеткой лежали четыре банкноты по сто и записка: «Сегодня мне помогли, и я помогаю вам». Девушка выбежала из кафе. И увидела лишь отъезжающий «Мерседес»...

Дома она прижалась к мужу и поцеловала его руки:

— В цыпках они, Андрюша, как у мальчишки. — И подала ему свёрточек с деньгами и запиской.

— «Сегодня помогли мне, и я помогаю вам», — с чувством прочитал Андрей. — Рука богатой — на благодеяние. — Милей всей душой к жене, он обнял её: — И мы с тобой, Нинуль, неизмеримо богаты!

— Богаты? — удивлённо спросила она.

— Да, Нинок, богаты! Любовью! Как просто и назидательно сказывал мой старший друг Виктор Быков: просветлённый любовью человеческий дух внемяет благодати и чуток к горестям нуждающихся в помощи, в доброте. Помогаящего человеку в нужде Бог жалует добром. И наша победа — Божия. И он оставляет нам радость!

ГРОЗА ЗАПОЗДАЛАЯ

Бело-голубой «кавзик» красовался на взгорке. Расторопный шоферок Санька ставил его чуть выше остановки. Автобус походил на умильную щенячью мордку. На «лбу» его под стеклом с подсветкой читалось: «Дежурный ТЦ ГГС». Он принадлежал теплоцентрали уважаемой строительной

организации города. Многие тепловики жили в отдалённых районах, и дежурка собирала их на работу и развозила после смены. Хваткий Санька при любом удобном случае норовил сшибить шару — дармовые мани-мани. Вот и сейчас зазывно распахнул дверцу с эмблемой теплоцентрали. Трубу над стилизованным корпусом котельной местный художник по прозвищу Пикассо обвил лисьим хвостом дыма. Любуясь своим шедевром, Пикассо, с виду разночинец, зашёл в «кавзик». Из своих осталось подождать Сонечку-секретаршу. В автобус понабились попутчики с остановки. Немалая шара! Санька беспокойно заёрзал: как бы не уплыли халявные мани-манички!..

Чуть ли не впритык к заднему бамперу дежурки подпыхтел «Икарус». Примостившиеся было в «кавзике» попутчики переметнулись на рейсовый. Санька чертыхнулся:

— Опять прокол! Накрылась шара! Соня, она и есть соня. Из-за неё и мелочишку на молочишко не насшибаешь! Каждое утро её секретарское сиятельство задерживаются.

Обмуровница тётя Маня, крупная, в салатовом плащесемисезоннике с пристёгнутым цигейковым воротником, сидевшая на переднем сиденье слева, презрительно махнула на Саньку рукой:

— Шустрый ты, как три копейки, шаровик дешёвый! Дверку закрой — не лето!

Шофёр с силой дёрнул дверную штангу и хохотнул:

— Почему дешёвый, тётя Мань, по двадцатчику беру, как все. Даже Папа знает. Бесплатно летают только мухи. Эх, хорошо быть автоматом газводы: он ничего не делает, только денежки гребёт.

— Ехать давно пора, а ты всё Соньку ждёшь! Подумаешь, секретарша. Ей-то что. Выпорхнула из автобуса — и ну малеваться, брови щипать в кабинетике. А мне надо переодеться, робу напялить и на разнарядку не опоздать. И люди ждут нас на ветру.

— Успеешь, тётя Мань, не боись. А Соню обождать надо. Всё-таки возле Папы крутятся.

— Мы тебе дрова, что ли, по-сумасшедшему нас возить? Что от нас после такой утруски останется? — сердито пробурчала тётя Маня и вдруг, привстав, по-детски тыча пальцем в окно, радостно закричала: — Катится! Сонька катится! Ишь коленками стригает! Ну и девка! Всё бегом, всё бегом!..

— Да-а!.. Коленки у неё ништяк! — восхищённо сдвинул на затылок кожаную кепку шофер и открыл дверцу.

В автобус влетела румяная девушка в мужском кожане.

— У-уф!.. — остановилась она на ступеньке, привалившись спиной к захлопнувшейся дверце. Отдышавшись, по-

---

правила лёгкий платок, накинутый поверх бигудей. — Надо же, полшестого встала и всё равно опоздала. — Виновато оглядела сидящих в автобусе: — Ой, здравствуйте конечно! Совсем запурхалась. Бумеранг мой только под утро заявился. Где бы ни шлялся — назад возвращается. С ним пока разобралась. Вовку в школу собрала, Дашку в садик отвела... Извините, конечно! Килограмм вам спасибо, что подождали! — Соня села за тётей Маней, достала из сумочки зеркальце и невесело пошутила: — Неестая, непитая, невыспатая. Марафет не успела навести, забыла покрасить третью ресницу правого глаза. Э-эх, жизнь поломатая! Где мои семнадцать лет?!

Шофёр навалился руками на перегородку, отделявшую кабину от салона, придирчиво оглядел пассажиров: где свои, где чужие. Старушка с мальчиком лет пяти рассматривали за окном свиристелей, стайками перелетающих с клёна на клён. В багрянце осени хохлатые радовались возвращению домой.

— Бабуля, вам куда?

— На Бухту нам, на Бухту! — испуганно встрепенулась старушка, как бы не высадил шофёр!

Но тот уже обратился к мужчине в брезентовой штормовке, сидевшему на заднем сиденье:

— Мужик, а ты куда?

Пока тот медленно поднимал задубелое лицо, тётя Манябранчливо прикрикнула на шофёра:

— Езжай давай! Наш он, наш!

Соня оторвалась от зеркальца и живо обернулась:

— Дядечка, что вы как бесхозный? К нам, наверно? В разгрузарай? Там все такие бабаи. Садитесь к нам поближе, сзади трясёт.

Хмурое лицо незнакомца чуть дрогнуло.

— Ваш так ваш, — глухо, с хрипотцой произнёс он, сдержанно улыбнувшись, ухватисто встал. Автобус рванулся, но мужчина не пошатнулся. В развалку, будто по палубе, не держась за поручни, прошёл вперёд и сел за Соней, щебетавшей с тётей Маней.

Озабоченно урча, скачет «кавзик» щенком-коротышкой без передышки по сопочкам. До самой Бухты никто больше из работающих на котельной не подсядет. Броско поругивается лихой шоферок Санька на кургузую «Кубань»: — Под самым носом подбирает стерва шаровых пассажиров!

Углубившись в себя, с едва заметной внутренней болью на залубневшем лице, смотрит в запотевшее окно человек, на которого обратила внимание Соня. Она ошиблась, он не груз-

---

чиком едет устраиваться, а машинистом котлов. Ему, судовому механику, сподручна эта работа. Петру Новикову сорок, «сорокот» — так шутливо называет он себя. Но сейчас ему не до шуток. Тяжёлые думы, такие же ухватистые, как он сам, одолевают его. От них не отмахнёшься, как от мух, не объедешь, не обойдёшь. И он сам себе беспощадный друг-собеседник и судья. Эка беда стряслась: сел Павлик, два годика всего, на горшок, а штанишки не снял. Обрушилась на него жена, паразитом малюточку обозвала. Оттолкнул Пётр её. Мужик. А она слабый пол. Он по морям, по волнам — а Ольга одна с ребёнком. А на детей, ясно море, сколько сил уходит! Вот и зашалили у Оленьки нервишки. А сам, когда списался на берег? Господин Раздражение! До сих пор ещё к сухопутному обитанию не приноровился. Отлучка от моря — тяжкая болезнь. Отвычка от земли, от семьи... Из-за неё не смог подсобить Ольге, а только хлопот да забот добавил со своей тоской по морю. Когда на время приходил, разлука чайкой впереди тосковала. И они с бережью друг к дружке, с любовью. Полгода без чайки той светлой — и надоедть затесалась меж ними, серая старуха. И скандал!

Чёрное, коптящее пламя нелепой сцены будто взнялось перед Новиковым. Угрюмое лицо его стало жёстче, резче выступили скулы, губы сжались до побеления, глаза подёрнулись мерцающей влагой... Сыночка прильнул к нему, обхватил ручонками за шею, страшась потерять. Ольга заплакала и Павлик. Сороки за окном затеяли воздушный бой — успокоился сынок...

Повинился Пётр перед женой. Всю вину за раздор свалил на море. Не мог с ним больше работать, в глаза ему смотреть. Не водоплавающий отныне он, сухопутный.

«Ты хоть представляешь, Петя, куда катишь? — спросил себя Новиков. — Весёлое местечко. Кадровичка в бюро по трудоустройству, как на инопланетянина глазела: на кочегарку отважился!.. Суровый, видать, климат. Начальничек-хозяйничек, дутый козырь, поясок распустил. Не зря Папой кличут...»

У Папы была жена — завучиха в школе. У его «фронтальной» подруги Мама, завхозиха, — муж инженер-путеец. Парочка обустроила для уединения строительный вагончик. Мама обиходила в нём комнату отдыха. Когда рабочие в обеденный перерыв шли в столовку ДСК (своей котёлка не обзавелась), уединение благоухало любвеобильными кухонными ароматами.

Кочегары по-разному относились к мамопапству: с насмешкой-издёвкой, с презрением, но большинство — с без-

---

различием. Чему тут удивляться, коли дочурка генсека Галка Брежнева на всю страну прославилась своими загулами?

Вчера после смены, как обычно, возле гаража в ожидании автобуса толпился народ: цеховые рабочие и конторские во главе с Соней-секретаршей. Роптали, костерили шоферюгу:

— Вот прохвост! Укатил шару сшибать, а мы жди!

— Работяги после душа простынут.

— Многим детишек из садика забирать...

Соня взобралась на трубу паропровода, вскинула руку и возвестила:

— Едет!

Все враз зашевелились, загалдели. Санька лихим разворотом взметнул на ожидающих тучу пыли и распахнул дверцу. Отфыркиваясь, поругивая шофёра, застоявшиеся пассажиры с весёлым гомоном ринулись к дежурке.

— У кузнецов личного счастья любимый инструмент — локти!

— Наш транспорт любит сильных!

— Кажется, с меня хотят снять пальто через голову!

— Выдохнем — все войдём! Ещё на полвздоха!

Всё плотнее утрамбовывалась шумная людская масса. Но и в этой давке конторские умудрялись хвастаться перед цеховыми покупками. Они успели их приобрести, разъезжая по банкам, главкам и другим конторам в центре города. Раздался сочный хруст яблок. Запахло кофе, колбасой, книгами, шампунями...

Червонная позолота закатного солнца играла в автобусных окнах. «Кавзик» судорожно дёрнулся, но не поехал, а мелко затрясся. Пронёсся ропот: «Папа! Папа!..» Спереди передали Папино стекло, наполовину замотанное в вафельное полотенце и перевязанное пояском от женского домашнего халата. Аккуратистка Мама постаралась. С большими предосторожностями стекло пристроил возле себя Папин приспешник Черношник.

— Меня до автобазы! — приказал Папа, встав у перегородки спиной к сидящим: гривастый, марксистский — настоящий начхальник! — Подпишу одну бумагу — и по маршруту!

В дежурке повисла недобрая, настороженная тишина. Пропали живые запахи. Померкла закатная позолота в автобусных окнах, будто застлала её першащая пыль котельной. Деаэратор с реликтовым рёвом испустил пар. По крыше автобуса заскреблась крупитчатая зола. И кто-то желчно выдавил:

— Явился. Картина Репина «Не ждали».

Машинист котлов, Кудряш, забился, сиюсь вырваться из людской теснины и, запыхавшись, прохрипел:

— Глухо, как в танке!

— Сиди уж, танкист, не рыпайся, у тебя не семеро по лавкам! — осадил его Черношник и зашипел ему в ухо: — Ты что, ни разу не грамотный? С Папой связываться опасно. Он любит только себя и то после обеда.

— Тебе, слуга, виднее, — съязвил Кудряш.

Из передних кто-то выскочил, и он за ним: одиннадцатым номером. «Кавзик» рванулся, и его трянуло. Посыпались шуточки:

— Санёк, вернись назад и повтори!

— Квадратные колёса, однако!

— Жалко, что автобус без перьев — не за что ухватиться.

— За воздух зубами ухватись!

В пыльной мгле автобус поплыл вперевалку, пока не вырвался на шоссе. Оно было запружено машинами. Сквозь сизую гарь угадывались очертания складов, производственных корпусов. «Кавзик» остановился возле диспетчерской автобазы. Хлопнула дверца, начальник отправился подписывать бумагу. Прошло пять минут, десять — он не появлялся.

— С-сука!.. — не выдержал тихонравный Пикассо и стал протискиваться к выходу.

— Откуда ты знаешь его девичью фамилию? — хохотнула тётя Маня.

— От Помидора Абрикосыча! — бросил Пикассо. — Аляулю, покеда, привет родителям, рубите лес и поливайте фикус! Завозился Черношник, забубнил:

— Долго он там? Семеро одного не ждут!

— Это кто там вылупился? Черношник — Папин угодник? — ехидно удивился кто-то из рабочих.

— Папин личный «жигуль» в боксе лижет, — поддержал товарища ещё один критик. — А «пирожок» его служебный не может подшаманить, вот мы и мучайся.

— На своей Папа пешком ездит, — заоправдывался Черношник, — а на «пирожке» на сверхзвуке, весь раздолбал.

— Ну автокран чини, на котором он в главк гонял, что он такой простой-простой, народный.

— Его на яму надо ставить, а стрела в гараж не входит.

— Был бы кран лично Папин, ты бы кротом подкопался под него.

— Да что вы ко мне пристебались? Я не автослесарь, киповец я. Придёт Папа, ему и говорите!

— «Придёт, придёт...» Ты же при папском дворе, вот и разузнай, где он.

Но Соня уже сбегала в диспетчерскую:
— Он испарился где-то на территории.
Раздались возмущённые голоса:
— Можно умереть и належаться!
— Если охамел, то это надолго, хамбат чёртов!
— Ему плевать в ближнего и начхать на нижнего!
— Хоть бы до закрытия в гастроном успеть. Пить охота, аж глаза пересохли!
— Кому домой, а кому к бочке пивной.
— А я всё самая последняя Димку забираю. Прибегаю — детей никого. А он сиротиночка, один на лавочке, ручки на коленки и ждёт, как старичок.
— Теперь отсюда не выбраться, придётся своим ходом двигаться.

Кучка недовольных вышла из дежурки. Тётя Маня, сидевшая спереди на своём «законном» месте, попробовала пробудить в Саньке мужество:
— Дело у меня к тебе, Саня, на сто тысяч. Во-от такенное! Поехали! Не бойся, смелей, как в атаку!
— Александр, — полушутя, полусерьёзно взмолилась Соня, — ты представитель мужественной профессии. Шофёр без риска — не шофёр. Гони на красный! Вперёд — и с песней!
— Вы хотите сказать, дорогие бабоньки, что на миру и смерть красна, — скривился Санька.
— Сразу и смерть, — презрительно усмехнулась тётя Маня. — Ну и мужики пошли, на каждом шагу помирают.
— Пусть лопнет моя совесть, чем оклад!
Санька, хлопнув дверцей, выскочил из кабины, лязгом поднял капот, загородившись им от надоедливых критиканов.
— Ждали и жданки съели, — как-то враз сникла тётя Маня и вышла из дежурки.
— И я ушедшая. Счастливо оставаться! — метнулась за ней Соня.
— Ветер вам в спину! — крикнул Черношник. — Меньше народу, больше кислороду.
— Куда спешить, по телеку сёдни хорошего кина нет, — зевнула Галинка-зольщица. — «Антоний и Клеопатра» какая-то. Оперетта, поди.
— Ежели оперетта, посмотреть бы, какие юбки там бабы носят, — заинтересовался грузчик Силыч из разгрузсарая.
— На полчаса раньше, на полчаса позже — какая разница. Я в гастроном не тороплюсь, — самодовольно проговорил бывший алконавт, отбывший срок в ЛТП.
— Ты что, взаправду завязал? — удивился грузчик.

— Да, я и ножик перочинный купил без штопора. Пью чай до опущения...

Черношник, трижды обежавший автобазу, порадовал наконец, что можно ехать без Папы. Тот за рюмкой чая решает с завтраком важные проблемы. Расплевались терпеливцы. Доставил их Санька в сумерках к месту жительства. И стекло Папино к нему домой в новую четырёхкомнатную в престижной высотке.

Наутро в том же злополучном «кавказике» униженные и оскорблённые, посрамлённые перемалывали вчерашнюю издевательскую поездку. Новость обсуждали. Главк выделил десять дачных участков. Партия — наш рулевой. Впереди всех. Драчку учинили партийцы: ум, честь и совесть эпохи! Самый лакомый отхватила Мама: безлесье, ручей. Рядом с Папой удобье. Остальным покорячиться придётся: выкорчёвка, бурение скважин. Дачные счастливицы на работу, на кочегарку начали. Партийный муравейник на своих участках возился. Папа списал рабочую десятикубовую ёмкость химцеха и притаранил на дачу для хранения воды. Типовые щитовые, с верандами и балконами «домики» по дешёвке заказали на собском домостроительном комбинате. В общем, шик-модерн! Зашибись!

Полкочегарки озаботилось обустройством дачного общества с милым названием «Ромашка». Тэцовский склад превратился в необъятную кладовую для дачников. Кладовщица Кузьминишна тоннами списывала для их нужд оргалит, линолеум, краски, растворители, пиломатериалы. Кочегарская бензоколонка, подземное хранилище, являла пример подлинного коммунизма. Сунул в скважину шланг, сделал выдох — и полился бензинчик в канистры, ведра охочих до халявы дачников. Главный инженер Ларик чуть не захлебнулся, вобрав чрезмерную дозу нефтепродукта. Выручила кладовщица Кузьминишна. Заведую бочкой спирта, вечно поддатая, поднесла начальнику спасительный стопарик. Очухался бедолага.

Тряская поездка тормозит полусонное утро. Разговоры сокращают утомительную дорогу. Для просыпа обостряются суждения. Кочегарка, дающая тепло в окрестные дома и пар для завода железо-бетонных изделий, держится на трудягах. Чиновная мелочь, партийцы в основном — несуны. Растащивка! Грабят — страну грабят. Рыба гниёт с головы. Как бы чего не вышло...

Судовой механик Пётр Новиков с горечью внимал откровениям работяг. Вот бедствие народное! Что это за напасть

такая — начальнички, князьки удельные, волосаторукие? И человеки, поклонные головы, скоро через раз дышать будут. Иструсливились, спины ёжат, когда в кашу плюют. Чертей с рубах не стряхивают. Надругание — мелочи жизни. Плевать на всё — здоровье дороже! Толкнули — упали. Подняли — пошли. Проще всего — взвалить всё на время, очистительное да прогрессивное. Папы, де, уходят, а кочегарка остаётся. Да сообща можно и чёрта узлом завязать. Пока этих помидор абрикосычей «уйдут», они много дров наломают. Безверие — страшное состояние души. Стародёжь или смирилась, или затаилась. Не одного строптивца, сказывают, подмял под себя Папа. Шишка на ровном месте, а упёрся в небо головой. Какие-то связи, «волосатые» руки. Козырная прыть — дрянной мешок. Но не так-то он прост. Личность в своём роде. Жаль, на суше морские законы не в силе...

Кончился подъём-пыхтун.

— У-уф!.. — тяжело выдохнула тётя Маня, точно она сама была автобусом. — Теперь полегче будет.

Мальчик, прежде сидевший у окна и распевавший: «Мои года — моё богатство...», встал на сиденье коленями и затормошил бабушку, тыча пальцем в стекло:

— Баба, баба, вона моя больница!

— Твоя, твоя, Максимушка! — усадила внука старушка и, обернувшись, сокрушённо пояснила: — Из больницы не вылазим: то одно, то другое.

— У меня тоже Дашка частенько прибалывает, — охотно отозвалась Соня.

Санька бросил какую-то шуточку. Тётя Маня вставила свою. Разговор завязался. Новиков взгрустнул о сыне, расчистил на плачущем окне проталинку.

Спешат на работу люди. Торопятся в садики родители с детишками.

Серая дорожная пыль, автомобильная гарь. И летяще по обочине, явно красуясь, бежит парень. Шапочка «петушок», оранжевый спортивный костюм с лампасами. Полётность бегуну придают ослепительные белоснежные с пурпурными полосками кроссовки. Красивый бег закончился падением...

Маленький человечек выгуливал по изумрудному, в блёстках изморози, газону чудовищного сенбернара. «Ха-ха-ха!..» — хохотала над этой парочкой дворняжка за спиной дворника, взметавшего метлой опавшую листву.

Женщина-гора с тяжёлой тоской смотрела в никуда. Огрузшая, оплывшая, в буром одеянии, похожем на больничный халат, привалилась к жёлто-перистому ясеню. Скособочилось бедное дерево, наклонило соседнее, а то упёрлось в

стену павильона автобусной остановки. Здесь сгрудилась тёмная, напряжённая толпа, смотрящая навстречу автобусу.

Неловко, виновато стало Новикову. Он-то катит, как фонбарон в тёплом, чистом и полупустом автобусе. И ему мнилось, что все на остановке с осуждением смотрят на него. Хотелось остановить автобус. Распахнуть дверь и крикнуть: «Заходите, нам с вами по пути!»

Санька вздумал было тормознуть, посшибать шару, но глянул на часы и прибавил газу: и без того опаздывал.

За поворотом бабушка закопошилась и принялась одёргивать на внуке одёжку. Санька заметил её возню. Нажал на тормоз и открыл дверцу:

— Здесь, что ли?

— Здесь, здесь выходим мы! — суетливо проговорила старушка. — Спасибо, спасибо!

Избочась в её сторону, Санька скривился:

— «Спасибо» многовато, бабка, а двадцатчика хватит.

Стоя перед загородкой, точно перед прилавком ларька, виновато бормоча: «Сейчас, сейчас!» — она стала рыться в кошельке.

Гнев опалил сознание Новикова. Он резко шагнул к шофёру, сграбастал его руку, ожидающе раскинувшуюся на зашарпанном грязно-бордовом дерматине загородки и смачным шлепком впечатал в Санькину ладонь металлический рубль.

— Когда совесть делили, тебя не было!

И в этот самый момент истошно закричала тётя Маня. Санька дёрнулся к рулю и в ужасе закрыл лицо руками. Упавший рубль покатился к обронённому старушкой кошельку с рассыпанной мелочью.

Новиков метнулся из автобуса. Малыш лежал почти под самым колесом хлебного фургона. Сжался в комочек под нависшей громадой машины. Новиков бережно поднял его, подсунул руку под драповое пальтишко. Маленькое сердце ещё теплилось в молочном тельце ребёнка. Что-то жалко лепетал в своё оправдание ни в чём не повинный шофёр автофургона. Обессиленной дряхлой птицей билась о Новикова растрёпанная старуха. Он же порывисто взошёл с мальчиком в автобус и властно бросил оцепеневшему за рулём Саньке:

— Больница прямо!

Тот газанул. Соня с тётей Маней наперебой путано стали указывать: за каким углом, за каким домом... Старуха перегнулась через спинку сиденья, на котором Новиков держал малыша, и с подвыванием причитала:

— Дитятко ты моё, внучоночек, жисть моя, Максимушка! Что я наделала, дура старая!..

Санька ошалело погнал «кавзик» в гущу разномастных дежурок, скучившихся на пяточке возле автобусного кольца. Или он, потрясённый, бездумно, слепо выполнял приказ и попёр напрямую, или же надеялся выпутаться из автомобильного лабиринта. Однако дежурные машины сгрудились тесно, беспорядочно и неколебимо. «Кавзик» бестолково потыкался среди них и безнадёжно упёрся в уродливую, с дымящейся трубой будку-теплушку на колёсах.

— Ты что, не видишь, что у меня ребёнок под машину попал?! — совсем ополоумел Санька. Он отчаянно сигналил. Размахивал кулаками перед лобовым стеклом. Шофёр теплушки Саньку не понял, но беду, видно, почувал. Заскочил в кабину и отъехал, насколько позволял задний «пазик». Санька втиснулся в самую гущу и намертво вклинился между двумя «ЛАЗами».

— Дорогу, гады, дорогу! — надрываясь, багровый, вопил он, догадавшись высунуться из окна. Шоферня, сбита с толку внезапно появившимся «кавзиком», ответила нестройным ором:

— Не ори — не дома, и дома не ори!

— Чего прёшь как на buffet?

— Дак то же танк у него.

— Эй, водила, через нас только перелететь можно!

Санька хотел было выскочить из кабины, но зажатая «ЛАЗом» дверца едва приоткрылась, и заполошный парень застрял в щели. Правая дверца также была зажата, и Новиков с ребёнком прошёл в конец автобуса. Сбросил ногой подушку сиденья. Пяткой высадил заднюю дверь и мягко спружинил на землю. Выхлестанная штормами брезентуха его распахнулась. Гремуче шаркая обтёрханними джинсами, с яростным лицом, вынес мальчика к притихшей шофёрской толпе. И тотчас водители, как по боевой тревоге, бросились к машинам.

Новиков шагал с ребёнком стремительно, и скопище машин раздалось перед ними. Он поднялся на каменистый пустырь, в который углом, точно крейсер, врезалась больница.

Войлочный сапожок с цигейковой опушкой сполз с ноги мальчика, и Новиков, надевая обувь, ощутил щемящее чувство отцовской любви. Милея всей душой к ребёнку, он крепко прижал его к себе, уколол щёку об якорёк, пришпиленный к вязаной шапочке. И словно вдохнув целительное тепло его души, малыш едва слышно прошептал:

— Папа.

В приёмном покое мыла пол санитарка. Новиков осторожно положил мальчика на каталку и хотел было повезти её. Но санитарка крикнула:

— Вам нельзя!

Он сбросил с себя штормовку и побежал по коридору. Наткнулся на врача:

— Доктор, там в приёмном ребёнок!..

Тот поманил его пальцем и привёл в ординаторскую. Сел за стол, на бумажке написал цифру 300.

— Да вы что, доктор?! — Новиков ошеломлённо обхлопал себя. — У меня нет таких денег!

— На нет и разговора нет! — процедил врач.

— Доктор, там же ребёнок! Без сознания!

Тот скомкал бумажку и бросил в корзину.

— Сейчас, сейчас! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Прошу вас! Я принесу!

Новиков побежал на верхний этаж, в травматологическое отделение. По длинному коридору ковыляли на костылях одноногие, тащились на ходунках немощные ногами, стучали тросточками хромцы. Ходячий с загипсованной рукой катил коляску с обезноженным. В палатах виднелись увечные на дыбах. Пахло потом, лекарствами, хлоркой.

В девятой палате лежал боцман Егорыч. С ним Пётр рыбачил на морозильном траулере. Морской волк, боцманюга Горыныч тридцатник отмантулил в морях. Стёрлась головка бедра — залетел в «травму». Новиков изредка навещал его. Ещё издали услышал громовой боцманский бас:

— Фок-грот-брамсель тебе в ухо, моллюск пресноводный! Чтоб трезвый осьминог выпил весь спирт в твоих кишках!..

Непревзойдённый виртуоз «художественного» слова многоэтажно костерил лечащего врача. Несчастный парился уже месяц, а эскулап всё мурыжил с операцией.

Вздыбленная палата: на подтяжках с грузами оранжевые в антисептах ноги, в илизаровских спицах. В дальнем углу у окна Боцман, крупный, осадистый, в тельняшке, между «этажами» нянчал ногу, утишая боль. Увидев Новикова, попытался подняться, ойкнул, охнул. Осел грузно на кровати:

— Три тысячи чертей на румбу! Дай краба, маслопуп! Вот видишь, Петруха, кулаки, локти, лоб, пятки крепкие, как танк, у Горыныча. И вот такой оверкиль!.. Быстрый, как одноногий Сильвер. Пришибленный, как погнутая мачта! Нет у меня лечащего врача! Ты мой лучший лечащий врач! Здесь ведь как: рупь за клизму, рупь за обезболивание. Два восемьдесят семь, водовка, — и боль снимает, и снотворное. Ну как, порадуешь Петро?..

— Извини, Горыныч!.. — поник головой Новиков. — Там, в приёмном, ребёнок, без сознания. А врач только за башли осмотрит.

— Якорь ему в печень! — взревел Ботман. — Я этой клятве гиппопотама заткну кой-куда шланг от парового котла и клапан открою до упора! — он рванулся с кровати и чуть не упал. Прохрипел: — Сколько?

— Триста, — виновато пробормотал Новиков.

В ординаторской он положил перед врачом три сотки:

— Ну как малыш, доктор?

Тот смахнул деньги в ящик стола:

— Ну что ж, пойдёмте, посмотрим, что с вашим пациентом?

Он даже не удосужился заглянуть в приёмный покой в ожидании вожделенной взятки. Сколько уже раз брал нечестивые деньги. За надежду выжить больные покорно платили ему.

В приёмном покое стояла каталка с ребёнком, покрытым простынёй. Перед ней, склонив голову, рыдала санитарка. Увидев входящих, она вскинула к ним руки:

— Простите меня! Я всё сделала, что могла. Он ещё долго жил...

Новиков сдёрнул покрывало с ребёнка.

Человек в белом халате рухнул на пол.

На каталке лежал его сын.

Всё знойное лето пошаливали, перебранивались грозки-озорницы.

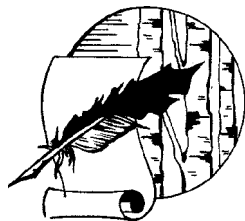
И внезапно в конце октября, в порыве предгрозового ветра закружились кленовые звёзды. Скреблись о штормовку, коллоли лицо. Застили от ослепительных полыханий ветвистых молний. Дома-свечи на сопках притянули могучую грозу — запоздалую.

Оглушительные, «орудийные» разрывы сотрясали всё вокруг. Вот-вот горделивые высотки полягут, как подкошенные травы.

Водопад небесный. Кипящие, бурлящие лавы воды.

По пояс брёл во вспененных пучинах Новиков. Чтобы удержаться в круговерти, вскидывал руку к разверстым небесам. Тайфун. Штормует небо. Хлещет по душе, хлещет!.. Как будто он, Пётр Новиков, кондовый морячина, виноват. Но в чём?..

г. Нижний Новгород

Александр ПОТАПОВ

ОТЕЧЕСТВО И ОТЧЕСТВО

У КАРТИНЫ «ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ»

Я всегда только Русью и жил.
В.М. Васнецов

Пустынна степь.
Камней седые глыбы —
Свидетели истлевших в пыль времён.
И надпись на плите сулит погибель,
И замер всадник, как усталый конь.

Плита под грузом времени склонилась,
В раздумье смотрит витязь на неё,
И, словно запугать заезжих силясь,
Кричит с насадным хрипом вороньё.

Мол, это кто пожаловал к нам в гости?
Куда былинный всадник держит путь?
...В густой траве неслышно тлеют кости,
И время вспять никак не повернуть.

О, Русь моя!
Во все века глухие
Враги погибель прочили тебе,
Но витязи и воины лихие
Тебя спасли, наперекор судьбе.

Не раз ты путь свой в муках выбирала,
Как одинокий витязь на холсте,

Пахала землю и мечи ковала,
Заслоны ставя на степной версте...

Ну вот и я, как витязь на распутье,
Склонив седую голову, стою.
А холст живой святые чувства будит
И память праотцовскую мою.

ОТЕЧЕСТВО И ОТЧЕСТВО

Напрасно тратить громких слов не хочется,
Но, видно, так с рожденья суждено:
Зову своё Отечество по отчеству,
Как и меня зовут уже давно.

Свою судьбу осмысливая заново
И отвергая липкую молву,
Зову Россию нежно — Россияновой,
Славяновой, Ивановной зову.

Мне земляки по отчеству — Рязаньчи,
Ведь отчествами крепнет русский род!
Горжусь, что сын мой вырос Александрычем,
Что дочка Александровной растёт.

Но вновь твердят лжедемократы склочные,
Прикормленные щедро «за бугром»,
Что Запад, мол, обходится без отчества,
Что мы себя неправильно зовём.

Заманчивы обычаи порочные,
Но нам ли, русским, жить чужим умом?
Откуда может быть у янки отчество,
Коль для него: где доллар — там и дом?

Кто платит — тот заказывает музыку,
Но вот душа за деньги не поёт!
Не за себя страдает сердце русское,
А за отцов, за предков, за народ.

Мы, русские, — не Бобины, не Робины,
У нас свой ум, свой нрав, своя стезя.
Без отчества в России, как без родины, —
Ни жить, ни слыть, ни властвовать нельзя!

---

* * *

Земля Украины от пепла ослепла,
Оглохла в дыму и в пыли,
Но русские танки сквозь жуткое пекло
В растерзанный город вползли.

И, словно страницы бывшего листа,
Что всплыли в военной дали,
Как в сорок четвёртом, старушка слепая
Воскликнула: «Наши пришли!»

* * *

Где сходится запад с востоком,
Где полночь сменяется днём,
На вздохе, на чувстве высоком
Мы русской судьбою живём.

Как много нас, русых, глазастых!
Но мысль неотвязная жжёт:
Укатится солнце на запад —
И мглою зальет небосвод...

Россия растёт от истоков
С душой, неподвластной уму.
Восходит она на востоке —
И катится запад во тьму.

* * *

Иду по жизни трактами большими,
Но отчий край я в сердце берегу,
Где золотые гвоздики кувшинок
Гладь озера прибили на лугу.

Село над речкой тянется далёко —
Его едва ли за день обойдешь.
И столько здесь знакомых с детства окон,
Что от волнения бросит сердце в дрожь.

Навстречу тенью наплывают лица,
Которые я в сердце берегу.
Как жаль — сюда не смог я возвратиться,
Как горько, если всё-таки смогу.

ПОДВОРОТНЯ

Ведёт тропа травой приворотной
В старинный дом, где начался мой род.
Ощерилась тесиной подворотня,
Как крепкозубый рот глухих ворот.

Ах, подворотня, вросшая в суглинок!
Я столько раз тебя переступал!
Чужих ты вышибала, словно клином,
Своих пускала в дом, как я пускал.

Враги о подворотню спотыкались,
Когда в мой дом их злобою влекло,
Зато друзья через неё ступали
Уверенно, спокойно и легко.

И как судьба мой путь ни поворотит,
Мне жить спокойно здесь не первый год,
Пока тесина старой подворотни
От чужаков усадьбу стережёт.

* * *

Отец учил:
«Коси от дерева, —
Когда работали в саду. —
Коси размашисто, уверенно,
Веди рядок, как я веду».

Я ловко яблони окашивал,
Не попадал косою в ствол,
И одобрительно покашливал
Отец, который рядом шёл.

А дома разными советами,
Бывало, докучала мать:
Не торопись, мол, в даль заветную,
Учись от печки танцевать.

И я учился, я старательно
Житейский опыт постигал.
Косил, рубил, за правду ратовал,
На знатной сцене танцевал...

Как завещали, так и делаю:
Живу у мира на виду,
Кошу уверенно от дерева,
От печки танец свой веду.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ

Там, где раньше был машинный двор,
Высятся лишь остовы немые...
Весь металл заезжий хваткий вор
Сдал в утиль за денежки живые.

В гиблом поле прёт чертополох,
Здесь давно не пахут и не сеют.
Грунтовой большак давно заглох.
Тишь да глушь.
Лишь дикий ветер веет.

Зарядили стылые дожди.
Деревушка, как ребёнок, хнычет...
А с экрана бравые «вожди»
О модернизации талдычат.

* * *

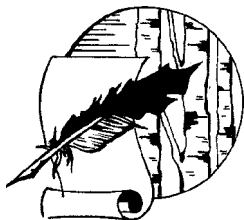
Разыгрался день морозный.
Солнце — словно решето.
Дуб на взгорке, с виду грозный,
В меховом застыл пальто.

На лесной дороге пусто.
Конь размашисто летит.
Сочно, вкусно, что капуста,
Снег под полозом хрустит.

Эхо в кронах сосен гулко
Вторит цокоту копыт.
Снова санная прогулка
Память сердца веселит.

В чаще звуки тише, глуше...
Здравствуй, мой сосновый рай!
И дерёт мороз за уши:
«Эй, разиня, не зевай!»

г. Рязань

Олег ПАВЛОВ

ИМЕНА

СОН

Деревья ходят меж людей стоящих,
Оглядывают с ног до головы.
Они всё ищут, ищут настоящих,
Не спящих. Но не спящих нет, увы.

Все люди, зачарованы без срока,
Не в силах снять бездвижности ярма.
В заламах рук трещотница-сорока,
Как на века, свивает терема.

Деревья ходят, ищут терпеливо,
Подолгу смотрят в тусклый круг лица.
А людям снится звонкий, торопливый
Бег тройки... Праздник... Сани у крыльца...

Двуцветное кольцо автомобилье
Вокруг бурлящих жизнью городов...
Деревья, спящие под снежной пылью
За пестрыми заборами садов...

И так, во сне, недвижимые, глухие,
Не принимая оклика дерев,
Во времени, как в огненной стихии,
Они исчезнут, замятво сгорев.

ДЫМЫ

Мороз — и дымные столбы
Идут прямехонько в зенит.

ИМЕНА

В час от совы, когда по всем просторам,
Вдоль каждой имярековой реки
Пустых коровок разведут по стойлам,
Как лики, стынут в окнах старики.

На возрасте, где черных зим без счёту,
Неслышно шевеля землистым ртом,
Жалеют жизнь, что прожили ни к чёрту,
А жизнь за гробом отменил партком.

Они не знают, что на самом деле
На самом высшем горнем небе — на
Законе Божьем — ангелы как дети
Зубрят на память все их имена.

ЛИРА

Уезжаешь в другой город,
Ищешь свой уголок мира.
За тобою — вещей ворох,
А по верху — лежит лира.

Ненадежно лежит, зыбко —
Не какая-то там скалка.
Всё боится — тряхнет шибко —
И слетит с твоего скарба.

Всё боится: а вдруг скажешь:
Тпру, приехали, вот двери!
Отряхнёшься, мешок развяжешь,
Не заметишь ее потери.

Всё боится — когда очнешься,
Может звёздно быть, может поздно —
Вот и тянется, лишь качнется,
Превращается в лук грозный.

Растопырясь, колки тянет,
До крови натянув струны...
Всё боится — ее не станет,
И тебе может стать трудно.

ЛУНА

Вон луна какая вызрела —
Только глянь — сорвется вниз.
Не от грома, не от выстрела,
А от шороха ресниц.

На камее лика лунного
Чья печаль отражена?
То ли плачет дева юная,
То ль немилая жена.

Жениха иль мужа блудного
Поджидая у окна,
Будто в зеркало латунное,
Долго смотрится она.

С каждым днем худеет зеркало,
Убывает от тоски.
В ночь с холодными просверками
Осыпаются куски.

ПЛАНЕТА

Как шары в бильярде, Вселенная
Перекатывает планеты.
А одна из них — оживленная
Негасимым Господним светом.

Что за чудо было задумано —
Голубая Жизни жемчужка!
Но откуда-то смертью дунуло,
Из угла, где темно и чуждо...

И теперь, на беды нанизываясь,
Всё летит она, одинока,
Постепенно теряя избранность
И влюблённость Господня ока.

И ни друга ей, ни подружки нет,
И давно болит Евразия,
Где, смертельно ранена в Пушкина,
Умирает моя Россия.

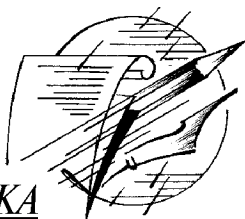
г. Челябинск

НУЖНА ВОЛЯ СВЕРХУ

О «мастерах культуры»

«Все вместе и против всех...» Незаметно прошла информация: «Министерство культуры обсуждает с регионами изменение тональности проводимых массовых мероприятий — с увеселительных на просветительские». Об этом сообщила в профильном комитете Госдумы глава Минкультуры Ольга Любимова. «Мы отдельно прорабатываем со всеми регионами, сохраняя количество детских праздников, просветительских проектов. Мы снова и снова разговариваем с нашими коллегами о смене тональности... Впереди Новый год, это очень теплый, очень семейный праздник. Это не значит, что дети останутся без праздника, ни в коем случае мы не оставим их без Деда Мороза...»

Со смешанным чувством воспринималось это сообщение. Всё лето по стране катилась волна «дней» различных городов и поселков. Чиновники делали поборы с предпринимателей, запускали воздушные шары и фейерверки, веселились вместе с гостями на банкетах. Народ смотрел на них с изумлением: «Боже, когда вы поймете, какая сейчас ответственная, судьбоносная для России пора?!» К слову, там, где руководители

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

местной власти обладают здравомыслием, они исключили развлекательные мероприятия давно и безо всяких переговоров с Минкультом. Но больше всего меня поразило, что в профильном комитете Госдумы рассматриваются столь мелкие вопросы, в то время как на повестку дня встала мобилизация национального сознания. Именно русская национальная культура, включающая в себя и культуры других коренных народов страны, призвана сыграть в этом первейшую роль. Однако она по-прежнему задавлена, замусорена мерзостью американизированных «ценностей», и это, судя по всему, Минкульт и «профильщиков» из Госдумы не очень-то волнует.

Кто-то может сказать: винить только массовую культуру и властную «элиту», ее насадившую, неправильно — мол, российский обыватель принял западную индустрию развлечений и прочие вредоносные соблазны. Обыватель, но не весь народ. Перечитываю строки выразителя народных дум Валентина Распутина, светлая ему память: «Глобализация — это все вместе и против всех... Могила всего индивидуального, заповедного, окончательная инфильтрация души и воли... И вот в этот-то оголённый циничный мир, где идёт торгашеский промен духовных даров на дары вещественные, где шантажируют хлебом и выдают индульгенции на жизнь, где «нет преступления, а, стало быть, и нет греха», а права человека выше прав народа, в эту плавильную печь, где из всякого своеобразия, и прежде всего из национального, вырабатывается стандартный продукт, — вот туда-то и вталкивается теперь торопливо Россия для соответствующего обжига и формировки». Лучше, точнее, пожалуй, не скажешь.

Владимир Путин, хотя и с опозданием, осознал опасность глобализма. Отсюда и «мюнхенская» речь», и реабилитация патриотизма, и валдайский тезис о важности умеренного консерватизма. Фантом перемен витал в воздухе, давая надежду, что взамен либерализма вызревает новая идеология. И вот 30 сентября, на церемонии принятия в состав России ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, президент обрисовал контуры этой идеологии. Запад был конкретно обозначен как исторический враг России, ибо его «ценности» ведут к «полному отрицанию человека, ниспровержению веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты «религии наоборот» — откровенного сатанизма». Было сказано о единстве русской истории, а гарантией российского суверенитета названо «сильное централизованное государство», которое бы «развивалось, укреплялось на великих нравственных ценностях православия, ислама, иудаизма и буддизма, на открытых для всех русской культуре и русском слове».

Правильные эти слова еще отчетливее высветили пагубность для России либеральных трендов и брендов, фальшивых «маяков», ложных «героев», всего того, что было использовано Западом для разрушения СССР и советской власти. И что же теперь со всем этим, на что потрачены миллиарды и миллиарды государственных средств, делать-то?

Ветер русофобии дует сверху. Перемены всё еще толком неощутимы. Руководитель тверской областной журналистской организации, редактор газеты «Местное время», депутат городской думы Дмитрий Фадеев в публикации «Между совестью и предательством» пишет: «А как можно назвать чиновников от образования, которые исключили роман А. Фадеева «Молодая гвардия» из школьной программы? И «Как закалялась сталь» Н. Островского тоже исключили. Зато заставляют изучать клеветнические пасквили Солженицына. А тверские чиновники заставляют горожан взирать на огромный портрет этого ненавистника России, нарисованный на стене дома по бульвару Радищева...»

В самом деле, для чего и почему изображён портрет Солженицына, который не родился и никогда не жил в Твери, а не тверичанина Бориса Полевого или Петра Проскурина, восемь лет прожившего неподалеку от того места, где власть «осчастливила» тверичей изображением бывшего лагерного стукача Ветрова? Известно, Александр Исаевич оболгал Михаила Шолохова, Сталина, написал трактат «Как нам обустроить Россию», призывавший к раздроблению СССР. Чем этот его призыв отличается от призывов врагов Русского мира к раздроблению нынешней России? В том и другом случае речь идёт о нашей исторической Родине. Менее известно высказывание «оракла» Солженицына от 30 июня 1975 года, но его можно легко найти в Интернете: «Я друг Америки... США давно проявили себя как самая великодушная и щедрая нация в мире... Ход истории сам привел вас — сделал мировыми руководителями... Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела».

Ну ладно, помалкивают депутаты от «Единой России» в гордуме, хотя первоначально противились появлению граффити. А представители иных партий? Где их слово? Пугливо затаились, словно мыши под веником. Вслед за Дмитрием Фадеевым я обращаюсь к тверским депутатам: «Господа, неужели вы не понимаете, насколько нелепо смотрится граффити в момент, когда «самая великодушная и щедрая нация» (по Солженицыну) фактически объявила России войну?» Ответ на вопрос «для чего?» понятен. Для вдалбливания в мозги непросвещенного молодого поколения, что Солженицын — нравственный авторитет, с которого следует брать пример. Ответ на «почему?» тоже

лежит на поверхности. С ельцинских времен управляли культурным процессом в России люди, работающие в интересах той самой Америки, к которой был обращен глас Солженицына — «побольше вмешивайтесь в наши дела».

Еще острее в связи с происходящими событиями встал вопрос оздоровления средств массовой информации, эстрады, театров, сферы литературного творчества. Здесь тоже масса «для чего?» и «почему?» Ну, скажем, почему российские телеканалы заполнены дебильными боевиками со сценами убийств и мордобоя, уголовной лексикой и пошлыми передачами типа «ДНК» и «За гранью», «На самом деле», «По делам несовершеннолетних», где русские представлены в быдляческом виде? Читатель В.И. Голиблицкий из Ржева реагировал так:

*Переключу с тоской и болью —
Одна и та же дребедень.
Коль попадаю не на бойню,
То обязательно — в бордель...*

Почему предоставляется право быть телеведущими персонам с сомнительной репутацией, враждебно настроенным против России? В письме, поступившем в редакцию портала «Русская народная линия» от пресс-службы Международного Фонда славянской письменности и культуры, сказано:

«На Первом канале телевидения Российской Федерации телезрители скоро будут осчастливлены встречей с бывшей ведущей программ «Орел-решка» и «Жизнь других» Жанной Бадоевой, которая, будучи гражданкой Украины, после начала Специальной военной операции заняла агрессивную позицию в отношении России и на время пропала с российских телеэкранов. Но, видимо, пятая колонна на культурном фронте нашей страны получила приказ о реванше и теперь бывшая ведущая Бадоева, живущая ныне в Австралии, вновь появится на российских телеэкранах и будет воспитывать нас и нашу молодежь в безвозмездной любви к Западу в программе «Жизнь других». Такая вот у Центрального телевизионного Первого канала актуальная патриотическая повестка. И нас за наши деньги будут учить, как надо ненавидеть Россию и любить «сладкую» заграничную жизнь. Нас, граждан унижаемой непрерывными предательствами, но все же Великой России, будут учить любить Запад и Европу, которая напоминает старую напомаженную кокетку, что пытается при любом удобном случае подороже поторговать собой, но при этом нас ненавидит. Давно пора остановить всю эту вакханалию на нашем телевидении, в театрах, выставочных

залах и в интернете. Международный Фонд славянской письменности и культуры и другие патриотические православные организации на днях обратились к Председателю Следственного Комитета России Александру Ивановичу Бастрыкину с просьбой о расследовании информационной политики проводимой Первым каналом».

Или почему под боком у Кремля пропагандируется такая западная «ценность», как нетрадиционная сексуальная ориентация и однополые браки? «В крупнейших московских театрах вновь анонсированы постановки, которые без намеков, а прямым текстом главных героев оскорбляют ветеранов войн, продвигают ЛГБТ-идеологию, порнографию, культ разврата и безнравственности, — пишет на своей странице в социальной сети ВКонтакте телеведущая Анна Шафран. — В «Современнике» Виктора Рыжакова опять «Первый хлеб» с Ахеджаковой, оскорблениями ветеранов и поцелуями парней. Видно, им делать больше нечего. А в МХТ Константина Хабенского идёт «Идеальный муж», где он играет женскую роль и полно мата и порнографии...»

Телеведущий, публицист, критик Михаил Шахназаров рассуждает в более жестком ключе о постановке «Новая оптимистическая»: «Господа, о каких победах может идти речь, если извращенец и бездарь Богомолов, крышуемый на самых верхах, ставит в центре Москвы такое паскудство? И клал он с прибором на все спецоперации, на память погибших пацанов, на слёзы жён, детей и матерей! Для него главное — продвижение педерастической повестки, за которое он получает государственные бабки. Да у нас пид...ы на книжных прилавках, пид...ы в театре, пид...ы в кино. Просто штатники двигают эту повестку открыто, а у нас помогают ей уверенно ползти к цели. Непрофессионализм и бутафория стали нормой...»

Паноптикум в «комфорте». Отдельный разговор о создании «комфортных зон». Идея в целом полезная, и на тверской земле есть достойные примеры ее реализации. Здесь всё зависит от уровня культуры чиновников. Прежде всего надо иметь в виду то, что русская душа сформирована в близком ей пространстве. В гармонии с русскими деревьями и полевыми цветами, пением русских птиц, привычным светом восхода и заката. А это значит, что, глобалисты-англосаксы не только образование, СМИ, кино, театр, эстраду, но и природный ландшафт могут использовать для выхолащивания русского национального самосознания.

Положительно изменить ситуацию в российской культуре может политическая и экономическая реформы, призванные устранить разрыв между властью и народом и сплотить

общество на традиционных ценностях Русского мира, о важности которых не перестает говорить наш президент. По идее, при опоре на русские традиции общество наше должно быть традиционным. Но окружение президента продолжает рассуждать о каком-то непонятном народе «гражданском обществе». Пора бы и с этой «ценностью» расстаться.

Александр Фадеев считал: подлинный художник тот, «который сверяет свою совесть с народной совестью в ее наивысшем, осознанном выражении». А народная совесть, народные традиции рождаются, укрепляются сплоткой с родной землей. Соответствует ли этому критерию современная творческая «элита» — те, кто внедряет в России чужие «ценности», крутится вокруг всевозможных программ и проектов, желая срубить «бабло»? Включаешь телевизор, а там очередной «народный» — то в кухонном фартучке стругает морковь, то рекламирует двойной кэш или банковский кредит под пять процентов. Можно ли представить в подобном качестве действительно народных артистов — Сергея Бондарчука, Вячеслава Тихонова, Евгения Матвеева, Ивана Лапикова, Василия Шукшина?

Что делал прежде русский, советский писатель, артист в тяжелую для Родины годину? Он не прятал голову под подушку, не думал о прижизненном увековечивании своего имени. Понимая, что нравственность — не только сознание, но и активное действие, он находился на стремнине русской жизни, болел ею, осмысливал ее, сражался словом за свое Отечество и за свой народ. Разве такие сегодня в почёте? В конце прошлого года мы отметили 90-летие Василия Белова — но молчало ТВ. Это же не Солженицын. Тому за год до юбилея начали петь дифирамбы. Не за горами 100-летие Ивана Васильева. Как тверская культура отметит эту дату? Лауреат Ленинской и Государственной премий, он много лет получал пищу для своих произведений, работая собкором «Тверской жизни» по Ржевскому «кусту». Впрочем, старейшая областная газета прекратила свое существование, ее убили либеральные кураторы. И никто против этого особо не возникал. Когда я смотрю на тверскую культурную среду, которую неплохо знаю, то с печалью отмечаю, насколько приспособленчески-равнодушной стала она за годы капитализма. Нет уже ни прозаиков, ни поэтов, ни журналистов, ни художников, ни режиссеров, ни краеведов былой величины.

А как поубавилось талантливых и самоотверженных организаторов культуры в структурах власти! Сейчас в Твери связывают надежды с новым министром культуры актрисой театра и кино Ксенией Глинкой, делегированной из Москвы

(понимаю стремление губернатора Игоря Рудени избавиться в кадровой политике от влияния тверских кланов). Она — дочь народного артиста России Олега Алексеевича Лаврова, в прошлом главного режиссера Кимрского театра драмы и комедии. Наверное, родившаяся в Кимрах Ксения Олеговна унаследовала отцовские качества. Только вот министр должен бы разбираться в истории, особенностях тверской культуры, быть постоянным жителем Твери. Дай Бог ошибиться, но как бы мы не получили очередного «вахтовика», который будет постоянно стремиться в столицу? Много у нас «вахтовиков» уже было, тонны казённого бензина пережгли. Иных и фамилии забылись.

Неотложных проблем в российской культуре накопилось столько, что их решение должно стать приоритетной задачей президента, правительства и губернаторов, глав муниципалитетов. Всем, кто болеет душой за нашу Родину, оказавшуюся на острие жестокой борьбы света и тьмы, важно понять, что традиционный нравственный и культурный потенциал России, вопреки всему, очень силен. Он готов к выходу на пространство современной русской истории, чтобы вновь сказать свое могучее, окрыляющее слово во имя достижения Победы. В этом поддержка нашей армии и наше спасение.

Мегаполис — капкан для Русского мира

27 октября Владимир Путин в очередной раз выступил перед мудрецами «Валдайского клуба». Президент вновь справедливо критиковал однополярный мир, который пытается навязать свои «правила поведения» всему человечеству, а также глобализм, который старается всё унифицировать, подчинить себе. Повторил, опять же не впервой, тезис о приверженности России традиционным ценностям. Слушал я внимательно и ловил себя на мысли: всё правильно вы говорите, уважаемый Владимир Владимирович. И политологи, как повелось, начнут дружно, на все лады хвалить вашу очередную речь, называть ее исторической. Я не спорю, речь, действительно важная. Но поймите же: без конкретных, системных действий на внутреннем фронте слова ваши воспринимаются народом, не взыщите уж с провинциала за сермяжную правду-матку, с изрядной долей скептицизма.

У меня, в небольшом русском городке на западе зажатой между двумя мегаполисами и обескровливаемой ими Тверской области, «барометры перемен», что называется, под боком. По ним вполне можно судить, как слово сверху отзовется внизу. А оно, скажем прямо, практически никак не отзы-

---

вается. Продолжает вымирать и уезжать в крупные города население. От былых в советскую пору 10,5 тысяч жителей скоро, глядишь, не останется и 6 тысяч. Земля зарастает. Лес истребляется лесными арендаторами. Массового индустриального развития не видно. Из-за несменяемости власти (глава Николай Баранник сидит в своем кресле без малого четверть века!) установилась, по моему разумению, клановая феодализация, приведшая к интеллектуальной и нравственной деградации кадров. Гляжу в окно, а там маячит штампованное сердце в «комфорте», являющее пример той самой унификации, об опасности которой говорил президент. В тихий и светлый праздник дня Преображения Господня чиновники с умилением смотрели, как возле этого символа глобализма (являющего собой, по существу, власть антихриста), под песенки с упоминанием сатаниста Элвиса Пресли и «хряпнем по сто грамм» дрыгали упитанными телесами местные обывательницы. Всё также исправно действует ночная корчма, где современные янкелы с благоволения чиновников спаивают остатки городской молодежи. В то же время в городе нет ни кинотеатра, ни тира, ни даже танцевальной площадки с эстрадой (ту, что была в городском парке, снесли), ни футбольной или хоккейной команды.

А включишь ТВ — потоком льется из передач «ДНК», «Проверка на ДНК», «За гранью», «На самом деле», «По делам несовершеннолетних» и им подобных пакость, представляющая русских в непременно гнуснейшем виде. Плюс дебильные боевики с неизменным мордобем. И всё это, омерзительное, приносящее, отталкивающее русского человека, наносящее умышленный ущерб Русскому миру, «элита» тащит теперь на Донбасс и в освобожденные районы Украины.

Русская культура в целом загажена и, увы, продолжает загниваться экскрементами агрессивного, нахрапистого чужебесия. Либеральные законы охраняют не русскую культуру и русский уклад жизни, а янкелей, смердяковых, шигалевых и их покровителей, а это означает, что они, эти законы, охраняют, поощряют развращение нашего народа, расшатывание его исторически сложившихся мировоззренческих основ.

На мой взгляд, особую опасность представляет то, что «элита» неустанно твердит о первостепенной важности развития мегаполисов (по определению богослова, православного мыслителя Е.А. Авдеенко, «каиновой городской цивилизации»), чем играет на руку глобалистам. Мегаполисы, куда загоняют нас либералы во власти, считающие, подобно Сергею Собянину, что в провинции проживает 15 миллионов «лишних людей», — столь же коварная историческая ловуш-

---

ка, своего рода глобалистский капкан для России, для русского народа, как и «гражданское общество». Президент Владимир Путин не говорил прямо о защите провинции — видимо, обозначенная тема заседания «Валдайского клуба» не позволяла. Но искренне надеюсь, что в глубине души он, сохранивший в себе крестьянские гены, зародившиеся в тверской деревне Поминово, это осознавал, говоря об опасности глобалистской унификации. Без провинции и традиционного общества не может быть России. Ведь в мегаполисе, представляющем собой огромный, беспрестанно работающий унификатор (эдакую плавильную печь), окончательно растворятся, уйдут в небытие наши национальные традиции, наша самобытность, наше нравственное здоровье. И я убежден, что одна из наиглавнейших заключается сегодня именно в том, чтобы постараться придать мощный импульс развитию малых городов и деревни как истоков Русского мира.

Обнадеживает, что придавленный феодальщиной, отсутствием ясности перспективы народ наш не потерял способности к здравому восприятию реальности и критической оценке действий власти. В сети ВКонтакте затронуло мою душу своей неподдельной, кричащей болью письмо землячки Алины: «Начнем день с неуместной, как всегда, правды и вопросов, которые в нашем городе не принято задавать! Я была почти на всех отправках наших ребят, начиная с самых первых, когда увозили много и в ночь, когда еще только начиналась мобилизация... Сейчас, спустя время, отправки продолжают... И у меня, и, я уверена, не у меня одной, возникает вопрос: где наша администрация и где наше духовенство?! Вам что, внутренние убеждения не разрешают напутственным словом поддержать тех, кто идет родину защищать?! Где наши великолепные «Андреапольские вести», которые только и могут, что вещать о гастролях местной пенсионной интеллигенции и о рассказах о птичках-синичках? Слово порой врачует лучше любого лекарства. А мы все сейчас нуждаемся в этом слове. Почему ни на одних отправках не было батюшки, почему нет молитвы от того, кто из дома Божьего, там, где в ней нуждаются больше всего? Почему нет слова от чинов о том, что за этими ребятами их город! Я знаю, мне никто не ответит на этот вопрос, и марш славянки у мэрии не зазвучит, но я знаю, что сила в простых людях, которые крестят, верят, благословляют и ждут своих не потому, что они на верхах, а потому, что они — настоящие люди!»

Произошедшие в мире с 24 февраля 2022 года события еще более отчетливо высветили, что Россия стоит перед нарастающей смертельной угрозой со стороны Запада. «Знакомый

пир их манит вновь — / Хмельна для них славянов кровь...» (А.С. Пушкин). Речь идет о выживании нашего государства. И жить так, как мы жили раньше, в новых условиях невозможно и нельзя. Старое, либерально-космополитическое, скомпрометировало, изжило себя окончательно. Оно не просто порочно, вредно, но и опасно, поскольку в лихую годину не в состоянии стоять за Родину по внутреннему патриотическому убеждению, а способно лишь лукаво имитировать это проплаченным «патриотическим контентом». Нужна твердая, решительная воля сверху — от президента прежде всего, для осуществления политической и экономической реформы. Это позволит России снять сдерживающие ее развитие пути глобализма и выйти на первый план элите национальных интересов, тем самым простым и настоящим людям, о которых написала моя неравнодушная землячка. Полумерами тут явно не обойтись.

Не грешно использовать опыт СССР. Например, вспомнить, как Сталин с началом войны обратился к русскому национальному чувству. «Этостранцы»-глобалисты немало сделали для дискредитации слова «национализм». Сознывая его сильнейшую мобилизующую силу, его неразрывную связь с такими понятиями, как «национальные интересы», «национальная культура», «национальное образование», «национальные герои», они приравнивали его к шовинизму, расовой избранности. Хотя, как пишет доктор филологических наук, профессор В.Ю. Троицкий, это слово означает в переводе «народность». Он задается вопросом: «Так что же плохого в том, что я народен, а стало быть, националист? Настоящий националист — это тот, кто любит свой народ. А если человек любит свой народ, то он утверждает в нем добрые качества и имеет право требовать уважения к нему. Но можно ли требовать уважения к своему народу, если ненавидишь или презираешь какой-либо другой народ?.. Теперь вы понимаете, почему национализм — враг всякого шовинизма». И далее: «...слово «народ» у нас... заменяется словом «общество». Но «народ» — слово особое, историческое. Без этого слова мы не можем говорить об образовании, о стране, о культуре. Ибо общество может быть и дурным, народ же дурным быть не может».

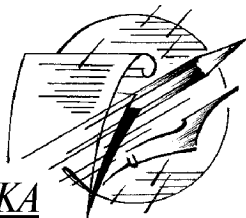
Нам всем надо понять, что наши доблестные воины там, на Донбассе и Украине, сражаются за Россию, за наш многонациональный народ. А мы, кто не на военном фронте, обязаны, сплотившись в народ, сражаться за то, чтобы у них был прочный, надежный, нравственно здоровый тыл.

г. Андреаполь Тверской обл.

БОМБА ПОД РОССИЮ

100 лет назад, 30 декабря 1922 года, 1-й Всесоюзный съезд советов утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, включавшие в союзное государство РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР (Закавказскую республику в составе Грузии, Абхазии, Армении и Азербайджана). А ещё через год, 31 января 1924 года, 2-м Всесоюзным съездом советов была принята Конституция СССР, в которой Декларация стала составной частью.

В Декларации было написано, «что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство является достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Первая попытка разделить Россию на автономные образования была предпринята большевиками уже через неделю после Октябрьской революции. 2 (15) ноября 1917 г. Совнарком за подписями Ленина и Сталина обнародовал Декларацию прав народов России с изложением следующих принципов национальной политики Советского правительства:

«1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

О союзе государств речи тогда не шло. В ст. 2 Конституции 1918 г. сказано о «свободном союзе свободных наций», а не о союзе государств и даже не о союзе автономий.

Однако за пять лет в политической обстановке произошли крутые изменения. Закончилась Гражданская война, были потеряны Финляндия, Прибалтика и западные губернии России, а Украина, Закавказье, Белоруссия, Хорезм, Бухара стали, хотя и на штыках Красной Армии, самостоятельными советскими республиками, в самой РСФСР появились Башкирская и Туркестанская АССР, автономные «трудовые коммуны» — Карельская и Немцев Поволжья. Учитывая общность идеологии («диктатура пролетариата», общественная собственность средств производства) и культурных традиций, встал вопрос о совместном использовании ресурсов для восстановления разрушенной экономики, о единой оборонительной системе в условиях враждебного окружения и о единой внешней политике. Но главное — не для того большевики с помощью Красной Армии устанавливали советскую власть на окраинах России, чтобы потом пустить всё на самотёк.

Весной 1922 года была создана комиссия во главе со Сталиным для подготовки проекта Договора. Когда были получены предложения с мест, можно было схватиться за голову. Оказалось, что украинские коммунисты-интернационалисты выступили за союз с максимально слабым центром, а грузинские — вообще за отсутствие всяких органов центральной власти. Некоторые отмалчивались. Сталину стало ясно, что позиция «националов» приведет к развалу страны, и он разработал проект создания федеративного государства

с автономными правами республик, одобренный Оргбюро ЦК РКП(б). Идея такого государства, предложенная еще в январе, возражений со стороны Ленина и других членов Политбюро тогда не встретила. Однако осенью этот проект подвергся критике болеевшего Ленина, находившегося в Горках, который настаивал на создании союзного государства, и даже придумал название: «Союз Советских Республик Европы и Азии». Потом он же предложил новое: «СССР».

22 сентября Сталин ответил Ленину: «Одно из двух: либо действительная независимость и тогда — невмешательство центра, свой [у каждой республики] НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причем вопросы общие решаются путем переговоров равного с равным, по соглашению... либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным (т.е. официальным. — В.Г.) распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и экономсоветы независимых республик, т.е. фиктивной независимости действительной внутренней автономией в смысле языка и культуры, юстиции, вундул, земледелия и прочее. ...Сейчас речь идет о том, как бы не «обидеть» националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо «национальная» стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе» («Известия ЦК КПСС», 1989, №9, с. 192-193).

Но Ленина поддержали Зиновьев, Каменев, Бухарин и Калинин, и Сталин был вынужден уступить.

Ленин, русофобия которого к концу жизни достигла степени маниакальности, на этом не успокоился. На следующий день после принятия Декларации, 31 декабря 1922 г., он писал: «...свобода выхода из союза, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и национализм нации маленькой» (Полное собрание сочинений, т. 45, с. 356).

Столь же маниакальной у него была и идея дробления России на автономии, по сути — разрушения единого государ-

---

ства. В 1913—1916 гг., живя в эмиграции, он посвятил этой теме более десятка статей. Он даже направил своим товарищам — депутатам Думы проект закона «О равноправии наций и защите национальных меньшинств», в котором предлагал разделить страну, губернии, уезды, города, волости на административные единицы по национальному признаку с пропорционально-национальным представительством в органах власти всех уровней, с обязательным преподаванием в школах на родном языке, с обязательным ответом чиновника на том языке, на котором он получил письмо или прошение.

Большого абсурда трудно себе представить: если в городе живут, например, представители 10 национальностей, каждая из которых составляет не менее 5% населения (5% — это нижний предел, по мысли Ленина), то потребуются вести преподавание и делопроизводство на десяти языках, а для каждой национальности открывать свои школы. Ну, а как быть, если есть 11-я национальность, составляющая 1% населения, 12-я, 13-я и т.д.? Ведь они, по Ленину, останутся «национально не защищёнными!» Этот вопрос вождь мирового пролетариата как-то обошёл молчанием. Понятно, что этот законопроект в Думе даже не рассматривали.

Он не мог не знать, что любая автономизация — это база сепаратизма, это бомба замедленного действия под единое государство, но ненависть к великой единой России перевешивала всё остальное. И он, конечно, не мог не знать, что любая крупная континентальная держава держится на твёрдой централизованной власти. Или он плохо знал историю?

Нет, историю он знал хорошо, но главной целью, заветной мечтой у него была **глобализация**: «Целью социализма является не только уничтожение раздроблённости человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. ... Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетённого класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетённых наций, т.е. их свободы отделения» (ПСС, т. 27, с. 256). Понятно, что для достижения этой цели на начальном этапе как нельзя лучше подходил известный способ «разделяй и властвуй».

Значит ли это, что Ленин был против сильной центральной власти в Союзе? Нет, не значит. Он даже предложил дать союзным республикам меньше прав, чем предусматривалось в проекте Сталина. Ленин надеялся на будущие революции в

Западной Европе и в Азии (а основания для этого были) и рассматривал Союз Советских Республик как прообраз Мирового Союза. Именно поэтому он ратовал не за автономии в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, а за союз государств, в котором РСФСР была лишь одним из членов. Именно поэтому в названной Декларации сказано, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и **имеющим возникнуть в будущем**» с целью «объединения трудящихся всех стран в **Мировую Социалистическую Советскую Республику**» (здесь и далее выделено мной. — В.Г.).

А что же Сталин? В вопросах самоопределения наций он твёрдо стоял на позициях Ленина. Вот что он говорил 10 марта 1921 г. на X съезде партии: «Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем, ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города **будут неизбежно украинизированы. То же самое будет с Белоруссией**, в городах которой всё еще преобладают небелорусы» (И. Сталин. Сочинения, т.5, с. 48-49).

Кстати, «украинская нация» была действительно создана немцами, точнее, австрийцами (в Австро-Венгрии был большой процент русских, которых нужно было противопоставить русским в России, отделить их и внушить им их «особость»), а «белорусскую нацию» создали уже сами большевики. Итоги же украинизации сегодня хорошо известны.

Верность ленинизму Сталин продемонстрировал и на XII съезде, в апреле 1923 г.: «...В связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила — **великорусский шовинизм**, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не **подсечем в корне** — а нэповские условия ее возвращают — мы рискуем оказаться перед картиной разрыва меж-

---

ду пролетариатом **бывшей** державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата. Но нэп возвращает не только шовинизм русский, он возвращает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. ...Эти **местные шовинизмы, конечно, не представляют** по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский».

Первый «звонок» раздался уже в 1926 году. Известный в украинских кругах публицист и писатель, коммунист Хвилевой опубликовал статью «Прочь от Москвы» с требованием о «немедленной дерусификации украинского пролетариата». Затем нарком просвещения УССР, революционер-«интернационалист» Шумский проявил недовольство скоростью украинизации Украины, писал по этому поводу письма в ЦК ВКП(б) с предложениями заменить партийное и советское руководство в республике и даже встретился со Сталиным.

В ответ Сталин написал письмо «Тов. Кагановичу (генсеку ЦК КП(б)У) и другим членам ПБ ЦК КП(б)У», в котором указал: «...нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя **заставить** (выделено Сталиным. — В.Г.) русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это была бы не национальная свобода, а национальный гнет. ...Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение (за украинскую культуру. — В.Г.), возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами <...> характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры...»

В 1929 году Сталин, видимо, ещё достаточно спокойно относился к проявлениям национализма. В статье «Национальный вопрос и ленинизм» он писал: «...покончив с властью буржуазии, <...> мы мимоходом разрешили задачу «полной демократизации страны», ликвидировали систему национального гнёта и провели равноправие наций в нашей стране. Как известно, эти меры оказались лучшим средством для ликвидации национализма и национальной вражды, для установления доверия между народами», хотя и хорошо знал о неискоренимости национализма: «...известно, что нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции». В 1934 году к этим словам он добавил: «Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей го-

---

раздо белее живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области».

В этой же статье Сталин с удовлетворением отмечает: «...Партия сочла необходимым помочь возрождённым нациям нашей страны — ...национализировать, то есть сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы — правда, пока немногочисленные — которые пытаются тормозить подобную политику партии».

В 1934 году в «Политическом отчёте Центрального комитета XVII съезду ВКП(б) он уже с тревогой говорит о национализме (правда, термин «великодержавный русский шовинизм» не употребляет): «Что значит уклон к национализму, все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? <...> Это — отход от ленинского интернационализма. Если хотите держать под огнём оба уклона, надо бить, прежде всего, по этому источнику, по тем, которые отходят от интернационализма...» В этой, по-видимому, не очень благозвучной межнациональной обстановке непонятным осталось решение о переводе в 1935 году Казахстана с огромной долей русского населения из статуса автономной республики РСФСР в статус союзной республики.

В марте 1941 года тон Сталина намного более жёсткий: «Нет, мы правильно поступаем, что так сурово караем националистов всех мастей и расцветок. Они лучшие помощники наших врагов и злейшие враги собственных народов. Ведь заветная мечта националистов — раздробить Советский Союз на отдельные «национальные» государства, и тогда он станет легкой добычей врагов».

Нет сомнений, что Сталин хорошо знал об опасности национального сепаратизма, знал, что созданное по требованию Ленина союзное государство изначально непрочно, и у него оставался единственный способ удержать его от распада — жёсткое, даже жестокое подавление националистических проявлений. Потому и в репрессиях 1937—1938 гг. погибло немало тех, кто пытался решать свои национальные вопросы за счет других национальностей, кто пытался выпячивать и превозносить свою национальность над другими, не говоря уже о тех, кто осуществлял дискриминацию по национальному признаку. Ещё более жёстко он действовал после войны: «Ленинградское дело», «Дело Еврейского антифашистского комитета», отстранение от себя Молотова за

связь его жены-еврейки с американским посольством (она была арестована) и Ворошилова за восторженные высказывания его жены о государстве Израиль и т.д.

Но национализм — это естественное чувство людей — уничтожить нельзя, его можно только страхом загнать в подполье. Когда после смерти вождя репрессии ослабли, национал-сепаратизм, прежде всего в форме дискриминации «нетитульных» народов, сразу стал набирать обороты — конечно, под личиной «развития национальной культуры и воспитания национальных кадров в дружной семье советских народов». Прошло 38 лет, и «национальные кадры», созданием которых Сталин когда-то гордился, порешили великую страну.

Мог ли Сталин, если бы предвидел распад, что-то предпринять? Наверное, мог. Учитывая его высочайший авторитет, силу воли и силу убеждения. Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР единогласно поддержали бы преобразование СССР в какой-нибудь Союз Советских Социалистических Народов с административно-территориальным делением на равноправные губернии. Но, увы, распада он не предвидел. Наоборот, он был уверен, что «с нами этот номер, пока мы живы, не пройдёт». Увы...

НЕБОЕВЫЕ ПОТЕРИ

РАССКАЗ

Заведующий кафедрой самолетостроения воронежского университета профессор Георгий Владимирович Шаталов родился на Украине в конце сороковых. Тогда там в самом разгаре была борьба с бандеровцами, и его отец Владимир Шаталов, командир эскадрильи штурмовиков Ил-2, каждый день вылетал на бомбежку укрывшейся в западных лесах украинской повстанческой армии.

Ныне отметить свое семидесятилетие Георгий Владимирович готовился, когда в тех краях опять начались сражения, но теперь уже с нынешними сторонниками Степана Бандеры: в ответ на многолетний с 2014 года смертоносный обстрел Донбасса, Россия вынужденно объявила о начале специальной военной операции на Украине.

Через неделю зять Шаталова Костя Гребнев вместе с его дочерью Машей, не советуясь, уехали в Казахстан. Кажется, в Уральск, да еще на такси за 40 000 рублей, чтобы миновать пробки на границе. Кажется, потом они рассчитывали перебраться во Вьетнам...

ПРОЗА

Такой международного масштаба кульбит никак не укладывался в голове Шаталова, но кто бы его послушался? Между прочим, об этом их головокружительном решении дочь объявила эсэмэской уже с той стороны казахстанской границы. «Папочка, не падай в обморок. Покойная мамочка нас бы поняла, постарайся это сделать и ты. Мы уехали из России. Мой милый Костик никак не желает променять меня на окопную жизнь. Потом же, папочка, от войны подальше рожать мне будет спокойней, — попыталась как-то по-человечески оправдаться Маша, которая уже была на пятом месяце. — А Костику всё равно, в какой стране работать. Хоть на необитаемом острове. Он же — айтишник! Это что-то вроде ваших былых космополитов, только у айтишников нет никаких идей насчет мирового гражданства, а есть очень приличные заработки!»

«Вы поставили меня в весьма нехорошее положение своим бегством... И почему именно Вьетнам? У меня там, кстати, знакомый был в командировке и погиб от какой-то неизвестной инфекции!» — тревожно написал Георгий Владимирович.

«Мы молодые люди! Мы по-новому видим ваш дурацкий мир! И имеем полное право ехать, куда пожелается!» — торжественно-дерзко ответил за жену Костик.

«Молодость не порок, но чересчур быстро излечивается...» — только и нашел, какими словами отозваться Георгий Владимирович.

Однако они явно не подействовали. Как в лету канули.

Кстати, сему молодому человеку было уже несколько за пятьдесят, и числился он по разряду третьего мужа Маши с полугодовым стажем. А предатели и трусы всегда были, есть и будут в любом обществе, как те или иные болезнетворные вирусы в организме человека.

Отныне день ото дня Георгия Владимировича не оставляло обостренное ощущение, что он все свои немалые годы двигался в одном направлении по некоей исторической ленте Мёбиуса. И теперь из-за такого странного бесшабашного уезда дочери он, в конце концов, словно каким-то загадочным образом оказался в начальной точке своего непростого путешествия длиною в жизнь. Это было более чем неприятное, даже, откровенно говоря, тревожное и весьма болезненное ощущение напрасности всех своих прошлых и нынешних дел и помыслов.

Как-то в конце мая две тысячи двадцать второго года Георгий Владимирович, открыв дачный сезон, заметил, что на расположенном здесь неподалеку военном аэродроме чаще

обычного стали взлетать знаменитые сверхзвуковые «сушки»-бомбардеры и брать курс в одном и том же направлении. В каком, догадаться было нетрудно. Они с равным интервалом один за одним горделиво и мощно с каким-то неземным апокалиптическим рокотом турбин сурово продавливали небо у него над головой.

Со строгим волнением глядел им вслед Георгий Владимирович. Памятуя, как в детстве летом по выходным в любую погоду, бывало, ездил на трамвае к этому же аэродрому и устраивался в одной из воронок, оставшейся здесь после боев в Великую Отечественную, — и ждал возвращения самолетов с полигона, слушая небо, слушая жаворонков и сусликов, ныне безвозвратно исчезнувших. Тогда на этом аэродроме стояли совсем другие самолеты: длинноносые «двадцать пятые» «Яки» — всепогодные истребители-перехватчики и фронтовые бомбардировщики «Ил-28».

Когда они, идя на посадку, пронеслись над Жориком чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, он приветствовал самолеты неистовыми аплодисментами. Ничего удивительного. Жорик мечтал стать летчиком-истребителем. Очень мечтал. В аэроклуб ходил, уже научился парашют укладывать. Да быстро вырос. И вширь, и ввысь явно более, чем полагается для пилота «ястребка».

Глядя сегодня на эти уникально совершенные машины, Георгий Владимирович невольно испытывал самый настоящий стыд за свое отстраненное, укромное место в стороне от боевых событий.

Вернувшись домой, он не сразу включил на компе «Новости». Только после второй рюмки «Ноя». Коньяк как-никак расслаблял напряжение, вызванное тем, что он, когда-то служивший в армии человек, старший сержант запаса, сидит мякиной в кресле, в то время как там, на передовой, парни гибнут, сдерживая неонацистов, жаждущих уничтожения всего русского, а прежде всего самих русских.

Когда на мониторе появлялись лица командиров нынешних бандеровцев, всякий раз Георгий Владимирович сурово, обостренно вглядывался в них. Он надеялся увидеть в этих людях скрытое, пусть подспудное, но раскаяние за те ракеты, снаряды и мины, что день за днем летят с их стороны на головы мирных жителей Донбасса, Луганска или, как вот теперь, — еще и российских сел в землях Курских да Белгородских и Брянских. А, главное, он надеялся увидеть в них идею, которая заставляла так безбожно поступать. Но всякий раз он видел в них своим опытным педагогическим оком что-то странное, почти нелепое: это были физиономии паца-

---

нов из тусовки в каком-нибудь провинциальном затрапезном баре, иногда разъяренные, иногда пофигистские, часто хулигански-нахальные, но никак не лица защитников высших духовных принципов, борцов за правду. Героическое начало в них напроочь отсутствовало. Даже не было и черты хотя бы того развязного гегемонного высокомерия, которое вызывала у когдатешных гитлеровцев наглая уверенность в своем арийском расовом превосходстве над всеми иными народами.

При всем при том Георгий Владимирович вполне понимал, что его нынешнее желание быть сейчас на Украине вместе с нашими бойцами — не более чем самообольщение, чуть ли не самая что ни на есть напыщенная рисовка перед самим собой.

Шаталов сдержанно усмехнулся, представив, как бы на самом деле могло выглядеть его появление в военкомате с просьбой об отправке в зону спецоперации. Его там, скорее всего, приняли бы за выжившего из ума старикашку, самолюбиво тешащего себя фантазиями. А взяв в руки его военный билет и перелистав, сотрудники военкомата, как говорится, попадали бы от смеха. С первого взгляда всё было в нем как бы вполне нормально и соответственно. Но на двенадцатой странице военно-учетная специальность Георгия Шаталова обозначалась так: начальник библиотеки. И это соответствовало действительности: он реально служил библиотекарем полкового офицерского клуба и до сих пор даже помнил из той своей солдатской жизни одну сугубо политическую акцию: как-то командиру полка, бате, сверху было велено в карточках всех читателей, коих имелось на то время в полковой библиотеке не менее тысячи, срочно проставить как прочитанную книжную трилогию генсека Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Целина» и «Возрождение», а также провести по этим произведениям с должным размахом читательскую конференцию. Эта задача была подготовлена и выполнена рядовым Шаталовым в сжатые сроки за несколько бессонных суток. Каково же было через двадцать лет услышать ему от директора их университетской библиотеки (уже при Горбачеве и Яковлеве), что эти книги Леонида Ильича было велено до последнего экземпляра тайно уничтожить, изрубив топором.

Однако высший комизм библиотечной «одиссеи» Георгия Владимировича заключался в другом: в его военном билете в разделе «Заключение командования части об использовании в военное время» стояла загадочная запись: старший библиотекарь. Не больше и не меньше. Но кому понадобится на передовой этот некий старший (!) библиотекарь?

«Если припрет, так мне лишь одна дорога светит — в партизанский отряд!» — посочувствовал сам себе Георгий Владимирович.

Георгий Владимирович поставил перед собой портрет отца в лётной военной форме давних пятидесятых лет. Того самого времени, когда отец уже был начальником штаба Липецкого авиаполка. Шаталов долго, сосредоточенно смотрел на его профиль. Года три назад, до ковидной пандемии, он прошел с этим портретом, украшенным георгиевской ленточкой, в бесконечной плотной толпе Бессмертного полка по воронежскому проспекту Революции. Взгляд отца на снимке сосредоточен и спокоен. Это взгляд офицера, достойно исполнившего свой воинский долг, и отчетливо сознающего, что жизнь его имеет высший смысл.

Среди ночи дерзко, неприлично напрягая всё и вся, вдруг ударил телефонный звонок. Пока Шаталов замедленно соображал, что и к чему, пока до него, наконец, дошло осознание необходимости так-таки встать и ответить, ибо ни с того, ни с сего в столь позднее время не тревожат людей, телефон словно с мстительной обидой замолчал. Мол, можете теперь не дергаться. Хотя я знаю, что сна у вас не будет до самого утра.

И все-таки звонок повторился. И был на этот раз более смиренным, почти покладистым, точно одумался, осознал, как ково сейчас тем, кто слышит в ночи его разяще бьющую во все стороны дробь.

«Неужели с Машей случилось что-то нехорошее?!» — спотыкаясь, теряя на ходу свои тапочки, мохнатые, словно некое живое существо, горячечно, перенапряжено думал Георгий Владимирович.

Ему казалось, что он не идет сейчас по дубовому паркету своей квартиры, а, как в детстве, в своих валенках с блестящими черными галошами, раскорячившись на полусогнутых, вертляво летит куда-то вниз, в темный неведомый провал по ледяному ухабистому склону горы в городском парке «Динамо».

— Слушаю... — надрывно прохрипел Шаталов в трубку.

— Папа, что с тобой? — услышал Георгий Владимирович строгий, требовательный голос дочери.

— Всё в порядке, доча, это я спросонья едва не подавился собственным языком...

— Глупости не городи! — отчетливо вскрикнула Маша. — Тебе бы наши проблемы!

— Я вас туда не посылал.

— Знаменитая фраза. Не помню чья. Только из-за таких, как вы, неудачливых строителей мифического светлого бу-

---

душего, мы вынуждены искать счастья на чужбине! — Голос дочери зазвучал исключительно строго. — Тебе надо сейчас немедленно ехать на нашу квартиру.

— Не понял...

— Мы закрутились с отъездом и в суете забыли пристроить кому-нибудь нашего Джека!

— Ничего себе!

— Теперь Джек своим беспрестанным несносным воем поставил на уши весь дом! Нам позвонили: соседи хотят взломать дверь и убить моего любимого песика! Мерзавцы! Бедный Джек!

Георгий Владимирович напряженно затих, как при внезапном сердечном сбое.

— Ладно, еду.. — тихо проговорил он. — Только куда я потом дену вашего Джека?

— Не чуди, папа! — взвизгнула Маша. — Ты, слава богу, держал в своей жизни собак пять или шесть. Я помню, ты рассказывал.

— У меня их было всего три, — вздохнул Шаталов. — Легавая, пудель и самая любимая — Аманда, сенбернар.

— Вот-вот... Так что сам справишься с Джеком. Он такой милашка! Я его очень люблю! Кстати, мы уже не в Казахстане, а в Тбилиси. Сняли прекрасную квартиру с видом на Казбек!

— То есть вы возвращаться не собираетесь?

— Мы хотим для нашей семьи благополучной цивилизованной жизни. В России это невозможно.

— Волна новой эмиграции?.. Или банальное предательство? — построжел Георгий Владимирович. — А как же дым Отечества? Как известно, на чужбине счастье невозможно.

— Оставь свои просоветские агитационные причитания для психов! — хмыкнула Маша. — Интернет сделал единым домом всю нашу планету. Пока, милый папочка. Я и Костик идем ужинать в ресторан. Кажется, «Кахелеби»? Я потом расскажу, что мы там ели!

И добавила тихо, почти заговорщицки:

— Ты только, как в квартиру зайдешь, не пугайся...

Георгий Владимирович напрягся:

— Я что, не знаю, как с собаками надо обращаться? К тому же ваш Джек всего-навсего трехмесячный щенок! Какие проблемы?

Таксист всю дорогу горячечно, сбивчиво говорил, сколько его друзей суматошно «рванули» на Запад, а кое-кто так даже во Вьетнам, чтобы не попасть под частичную мобилизацию.

Только было непонятно, он им сочувствовал или осуждал? В любом случае Георгий Владимирович первый раз в своей постстуденческой жизни не заплатил таксисту свыше тарифа. Ну вот не захотелось!

Подходя к тому самому дому (вполне приличной свежей панельке с бодрой весенней сине-бело-зеленой расцветкой высотных стен), в котором еще недавно жила в съемной квартире его дочь с этим шустрым не в меру Костиком, Шаталов строгим, даже сердитым взглядом бдительно нашел их окна на не близком тринадцатом этаже. И неожиданно сделал для себя достаточно убедительный вывод: никакого истощающего Джека не было и в помине. Ни лая, ни подвывания, ни скулежа.

Георгий Владимирович уже было хотел вернуться восвояси, но разумно передумал.

«Всё же надо подняться. Мало ли что?»

Его решение не смог поколебать даже тот факт, что здешний лифт, увы, не работал. Так уж почему-то у нас водится именно в новых домах. То лифт здесь намертво станет на месяц-другой, то воды неделями нет, то мусоропровод на замок закроют или вовсе заварят его люк корявой змейкой наскоро наложенного шва.

Прежде чем начать свое малоприятное альпинистское восхождение на достаточно высотный для него этаж, Георгий Владимирович еще раз бдительно прислушался. Да, Джека не слышно. Зато со всей звуковой очевидностью некие жильцы отчаянно и гадко ругались, сопровождая свои изысканно матерные крики судорожным грохотом непонятного происхождения. Одним словом, невидимые миру слёзы лились ручьями за окрашенными в веселые тона подъездными стенами.

На седьмом этаже Георгий Владимирович долго стоял, прижавшись плечом к стене.

И вот, наконец, он возле квартиры, в которой еще недавно жили Маша с Костиком. Джек явно безмолвствовал. Не скулил, не скребся лапами в могучую железную дверь, какой самое оно закрывать вход в убежище, рассчитанное на прямое попадание атомной бомбы.

Георгий Владимирович из последних сил машинально позвонил в дверь и уныло усмехнулся. Никаких эмоций со стороны Джека опять-таки не последовало.

Тем не менее, когда он с третьего, вернее, даже с пятого раза наконец заставил ключом сработать непривычный замок с разными особыми секретами, Шаталов увидел перед собой то, что менее всего ожидал. Вернее, вовсе не ожидал. И

ни при каких усилиях своей достаточно богатой профессорской фантазии додуматься до подобного казуса не мог бы.

В коридоре перед ним с Джеком на руках стоял человек. И это был явно молодой человек. Джек, коричнево-белый щенок французского эпаньоль-бретона, лежал в какой-то странной позе. Притом еще и неестественно оскалившись.

Джек обычно встречал Шаталова вертко, со счастливым визгом. Он столь стремительно нырял ему под ноги, прыгая то спереди, то сзади, что Георгию Владимировичу невольно казалось, что его встретила не одна собака, а целых две или три.

— Добрый вечер... — с трудом проговорил он, словно это были первые слова, сказанные им в этой жизни. — Хотя, какой он к лешему, добрый. Кто вы, юноша?

— Это мой самый мерзкий день... — судорожно, почти детским голосом отозвался молодой человек и всхлипнул, икнул и снова всхлипнул.

Он, кажется, плакал.

Только сейчас Шаталов понял, что Джек мертв.

Георгий Владимирович отчетливо побледнел.

— Я сейчас всё вам объясню... — гундосо промямлил молодой человек. — Я — Гриша. Друг Костика. Ваша дочь тоже хорошо знает меня. Прошу вас, не выдавайте меня, пощадите, пожалуйста...

— Что с собакой?! — требовательно вскрикнул Георгий Владимирович. Фраза, им произнесенная, прозвучала емко, туго. Откровенно говоря, он не ожидал от себя, что может быть так суров.

От такого напора со стороны Шаталова Гриша невольно отшатнулся в сторону, словно получил самую настоящую увесистую оплеуху.

— Он так громко лаял... — слезно проговорил молодой человек. — Я испугался, что дверь могут, в конце концов, открыть или взломать. А я второй день прячусь здесь от призыва... Вот моя повестка.

Он робко протянул Шаталову какой-то истерзанный листок. Тот был весь так странно измят, замусолен, словно его усердно жевали. Вполне возможно, что Гриша безуспешно истерически пытался съесть это военкомовское извещение, призывавшее его исполнить воинский долг. Между прочим, священный долг.

— Дрянь... — глухо постановил Георгий Владимирович. — Тебя бы показательно расстрелять, да мы в подлый либерализм заигрались. И как только хозяйка квартиры тебе разрешила тут прятаться?

Гриша сдавленно вздохнул:

— Она живет в Нью-Йорке и квартиру сдает по Интернету. А Маша мне разрешила здесь отсидеться. Давайте ей позвоним!..

— Пошел вон... — судорожно проговорил Шаталов.

— Извините... Песик так лаял! Мне было страшно. И я зажал ему пасть. Я не хотел его убивать! Так само собой случайно получилось!

— Брысь, смартфонщик плюгавый! Пока я тебе морду не набил...

Оставшись один, Георгий Владимирович заметил в коридоре впопыхах оставленный Машин рюкзак с пристегнутым к нему плюшевым талисманом — черной обезьянкой.

Вывалив из рюкзака кучу всяких разных женских прибамбасов, он аккуратно уложил в него Джека.

Джек был еще чуточку теплый.

— Прости... — сказал тихо, но внятно Георгий Владимирович.

Правда, слёз не было. Всё, что сейчас происходило с ним вокруг, словно заблокировало напрочь его чувствительные рецепторы.

Георгий Владимирович решил похоронить собаку. Кажется, рядом, был какой-то заброшенный парк или остатки некоей куцей рощицы.

Самое сложное оказалось найти в Машиной квартире лопату. Молодежь есть молодежь. Разыскивая хотя бы нечто похожее на шанцевый инструмент, Георгий Владимирович обнаружил всё, что угодно, но только не ее: несколько старых смартфонов, кошелек с забытыми в нем пятью тысячами, а также гору импортных пивных бутылок, кучу картонных коробок из-под пиццы и почти полностью сдувшиеся воздушные шарики со смешными, карикатурно перекоренными рожицами.

В конце концов, Шаталов взамен явно не существующей в этом доме лопаты взял в коридоре вместо нее никелированный железный рожок для обуви. Был тот достаточно длинный и, судя по надписи на его упаковке, еще и кованый. Ко всему изготовитель утверждал, что использовал суперпрочный металл.

Шаталов только усмехнулся такому наглому рекламному утверждению.

Через полчаса, когда Георгий Владимирович приступил копать могилку для Джека в здешней чудом уцелевшей рощице, подсвечивая себе фонариком телефона, рожок, как и следовало ожидать, оказался самой настоящей туфтой. Че-

---

рез раз его приходилось выпрямлять с помощью каблука. Правда, хоть в одном Шаталову повезло: оказывается, он, само того не подозревая, набрел на самое настоящее, хотя и явно самопальное, кладбище домашних животных. Холмик на холмике бугристо топорщились вокруг на тесной полянке. Почти все могилки были с фотографиями питомцев, а некоторые так и вовсе представляли собой образцово-показательные захоронения с мраморными плитами и скульптурными изображениями почивших в бозе кошечек, собак, хомячков или ручных крыс. Среди подобных памятников особенно выделялся гипсовый крокодильчик по имени, само собой, Гена.

Дома Шаталов, отсидевшись с полчаса в своем любимом пухлом кожаном матово-серебристом кресле, и, выждав, пока уймется, наконец, дрожь в руках от старательного копания земли на корточках, помянул Джека своим любимым «Ноем», удивительно сочетавшем аромат ванили, сосновой смолы и осеннего дубового леса.

Шаталов несколько раз видел этой ночью, как у него под окнами по дороге быстро, сосредоточенно и достаточно грозно проходили колонны военных зачехленных машин. Но особенно впечатлил и взволновал его тяжеловесно прогремывавший по «железке» примерно в километре от его «хрущевки», состав из вагонов-платформ с танками.

«Победа будет за нами!» — взволнованно проговорил сам себе Георгий Владимирович, и на глазах у него выступили вовсе не мужские слезы.

Начавшийся новый день был однозначно особым: небо раскрылось над Воронежем масштабное, зримо высокое и с какой-то словно затвердевшей, рукотворной синевой. Георгий Владимирович, глядя на всю эту чудесность, так-таки помнил, что сегодня 14 октября 2022 года. То есть человечество дожило до шестидесятилетия Карибского кризиса между США и СССР, имевшего место быть в далеком 1962-м. Когда два великих государства вышли на грань атомной войны.

Шаталову в ту кризисную пору исполнилось девять лет. День за днем они, дворовые мальчишки, шепотом передавали друг другу невесть как ставшие им известными государственного уровня секретные сведения про наши подводные лодки и корабли, доставившие на Кубу советские ракеты и ядерные боеголовки к ним.

Как же здорово исполнял тогда, в 1962-м, молодой Иосиф Кобзон песню «Куба — любовь моя»: «Слышишь чеканный шаг — это идут барбудос; небо над ними как огненный стяг...

...Родина или смерть! — это бесстрашных клятва. Солнцу свободы над Кубой гореть! Родина или смерть!»

Кстати, именно тогда на школьный двор однажды по самой что ни на есть непонятной причине (поговаривали, будто на металлолом) привезли корпус самого настоящего реактивного истребителя «Миг-15», и он простоял там чуть ли не год, невольно стимулируя у мальчишек желание непременно учиться на летчиков. «Миг» тот был явно из серии тех, что еще недавно успешно дырявили своими пушками американские «Сейбры», «Мустанги» и летающие крепости «В-29» в конфуцианском небе Кореи.

С воцарением на школьном дворе серебристо сияющего «Мига» пятиклассник Жора, он же ныне профессор Георгий Владимирович Шаталов, целыми днями не вылезал из кабины ястребка, напрочь забыв про футбол, жожку, бе-бе или ту же пристеночку. Уроки нет-нет да и те пропускал. Тем не менее летчиком, как его отец, он в итоге не стал. Природа свое взяла. Она старательно день за днем лепила из Жорика нечто ей самой более от него надобное — заведующего университетской кафедрой самолетостроения, типичного технаря-профессора. Неспроста уже через несколько лет главный инженер воронежского авиазавода разглядел достойный талант в молодом студенте политеха Георгие Шаталове и привлек его к сборке первого в мире сверхзвукового пассажирского «Ту-144».

Днями на кафедре настроились отметить новый праздник День вузовских преподавателей. Обыкновенно Шаталов таким инициативам препятствий не устраивал, а тут как-то весьма отстраненно отнесся к этой идее. Явно с напряжением.

— Что вы, дорогой Георгий Владимирович, темнее тучи? Поднимем за наш праздник чашу с добрым массандровским вином и все проблемы на раз улетучатся! — достаточно изысканно, но определенно витиевато проговорил молодой, но весьма перспективный доцент Антон Смышляев.

Бодро розовощекий, но определенно в меру, без излишней пылкости, Антон Андреевич с достоинством огляделся по сторонам, как бы ища поддержку в глазах коллег. Он молодецкато поправил на себе стильный короткий пиджак в крупную клетку. При всей своей эффектности пиджак явно был из бюджетной серии, кажется, кашемировой.

— Я бы не рекомендовал Вам ныне праздничать... — сдержанно отозвался Шаталов на сердечный, коллективистский призыв доцента Антона Андреевича Смышляева. — И не только сегодня. Извините, ход нынешней мировой истории не располагает к веселью.

Смышляев строго побледнел. Он сейчас явно чувствовал себя способным управлять даже колесом истории. Этому однозначно и эффективно способствовало то, что они на кафедре до возвращения Георгия Владимировича с лекции успели продегустировать пару емкостей весьма недурного крымского портвейна «Чёрный доктор».

— Кстати, Георгий Владимирович, а как себя чувствуют ваши детки, днями сбежавшие из России в братский Казахстан подальше от военной спецоперации? — с резкой раззатой улыбкой проговорил Антон Андреевич.

Смышляев в своем темно-сером клетчатом пиджаке невольно напомнил Шаталову гранату, из которой выдернута чека. Остаются секунды, чтобы ее стремительно метнуть в цель.

Кажется, вся кафедра в эту минуту смотрела на своего шефа и Смышляева. На Георгия Владимировича с явным состраданием, на Антона Андреевича тревожно, с недоумением, так, словно видели этого человека впервые. Не проявили своей оценочной позиции лишь те несколько сотрудников, которые уважительно, почти вдохновенно переувлеклись замечательным марочным «Чёрным доктором» — им явно не было никакого дела до геополитических страстей. Как, впрочем, и всех иных.

— Прошу извинить меня, Антон Андреевич, — тихо проговорил Шаталов. — Однако вы напросились. И с чрезмерным усердием. У меня нет выхода. Я просто обязан пойти навстречу вашей настойчивой просьбе. И дать на нее полноценный ответ.

Георгий Владимирович неспешно, отчетливо, но вовсе не сильно, просто-таки с чрезвычайной аккуратностью опустил свою ладонь на розовошеекое пространство доцента Смышляева.

— Это рукоприкладство вам так не пройдет!.. — голосом, переходящим от первоначального вскрика к глухому, неясному шёпоту произнес Антон Андреевич. — Свидетелей вашего отвратительного поступка здесь более чем достаточно, милейший! Ждите народного гнева!

Однако тот не состоялся. Более того, сотрудники кафедры, тотчас начавшие один за другим очень неспешно выходить в коридор, посчитали необходимым на прощание со всей очевидностью уважительно пожать руку профессора Шаталова.

Тот отвечал, смущенно недоумевая:

— Я же человека ей ударил...

— Вы подлеца поставили на место! — раздавалось в ответ.

В итоге Смышляев всему произошедшему хода не дал, более того, он вскоре перевелся на другую кафедру. Говорили, будто бы Шаталов прилюдно просил прощения у Антона Андреевича, а тот чуть ли не со слезами признался, что вся вина за ним и что его определенно занесло на волне обостренных переживаний за беды, свалившиеся на голову нынешней, усеченной ковидом, цивилизации.

Как бы там ни было, Георгия Владимировича днями видели в рамонских Чертовицах. Но привлекли его в это село не тамошние достопримечательности. Такие, скажем, как старинный дворянский дом Тулиновых-Толстых с четыре массивные колонны в стиле бывшего классицизма, прекрасный графский парк или знаменитая Баркова гора.

Шаталов время от времени приезжал сюда, чтобы исповедаться в здешнем почти трехсотлетнем храме во имя Архистратига Михаила, называемом многими белым каменным цветком здешнего села. На этот раз Георгий Владимирович провел в храме почти полтора часа, вдохновенно общаясь со здешним настоятелем, своим старинным университетским другом Сергеем Викторовичем Заруцким.

Неизвестно, о чём они говорили, да и нет смысла докапываться, но одно понятно, что это была далеко не встреча однокашников. После нее Шаталов еще долго бродил вокруг храма по здешнему кладбищу, переполненный волнующей глубиной осознания высшего смысла жизни, каким его всегда одаривала встреча с отцом Сергием. Хотя говорили они о предметах разных, порой касались самых, казалось бы, бытовых мелочей, но из всего этого, как поднимается из чернозема стебель пшеницы или ржи, поднималось для Георгия Владимировича понимание вселенской значимости всякого каждого человека, ибо окончательно пропащих людей не бывает.

Как обновлённый, как впервые видящий этот мир Георгий Владимирович потом еще долго стоял на Барковой горе, вглядываясь в аховские безбрежные лесные дали за рекой Воронеж, среди которых первостатейно торжествовали осенние тяжелоцветные, горделивые красно-бордовые и золотисто-серебряные сполохи.

Вернувшись домой, Георгий Владимирович прямо в обуви, нахватавшейся подошвами осенней грязи и листьев, в мокрой шерстяной шапочке, в столь же мокрой блестящей ветровке поспешно направился к книжным стеллажам.

Тут он без долгих поисков, на раз, с особым почтительным чувством вынул из тесных рядов книгу святителя Луки Войно-Ясенецкого «Я полюбил страдание...» На ее затертой об-

---

ложке, на замятых страницах во всей очевидности присутствовали признаки того, что сей труд далеко не из тех, которые залёживаются невостребованными. На форзац-листах, на полях было множество цитат, в разное время старательно вписанных сюда Георгием Владимировичем с помощью самых разных подручных средств, какие только попадались ему под руку: когда любимая чернильная перьевая ручка Паркер, когда обычная шариковая, а то и вовсе карандаш, простой или цветной, иногда фломастер.

Георгий Владимирович не сразу нашел еще остающееся свободное место и, пусть накосо, мелкими буквами записал так взволновавшие его в сегодняшнем разговоре с Заруцким слова батюшки: «Вера в Бога помогает сохранить связь земного и небесного, придает существованию человека смысл».

Шаталов машинально перекрестился. Да, он не был атеистом. Как известно, подобное состояние жизни без веры невозможно для нормального ученого, а он именно таким и был. Ибо в поисках высшего научного смысла в той или иной области, если настойчивому усердному исследователю повезет глубоко копнуть в верном направлении, присутствие божественного начала само собой вдруг ощутимо объявится перед его растерянным взглядом. Иногда так ярко, волнуещерадостно, что оторопь берет. Как тут в этот миг без вдохновенной молитвы?!

Чем же провинилось ныне человечество, какой грех, не подлежащий замаливанию, свершило, что ему теперь так наглядно, во всей очевидности приходится видеть и переживать нелепый кульбит, когда ныне страны, некогда спасенные нами от фашизма, этот фашизм в его новом облики сделали своей сущностной основой наряду со своими принципами похотливой свободы?

Словно в поисках ответа на этот сакральный вопрос, Шаталов бережно взял в руки фотографию деда Ильи. Эдак в году одна тысяча девятьсот семнадцатом некий фотограф запечатлел Илью Захаровича на венском салонном стуле в парадной унтер-офицерской форме с Георгиевскими солдатскими крестами 4-й степени. Весьма достойно и благоприсстойно сидел этот потомок яицких казаков, скрестив отменные натуральные яловые сапоги, улыбчиво морщинистые, пошитые по строгому правилу именно на прямой колодке и подбитые, как положено, березовыми гвоздями. Высоколобый, раскидисто бородатый и густо усатый дед важно опирался на боевую саблю в посеребренных ножнах. Глядел на внука через многослойное вспученное время с поучительной

уважительностью и одновременно — заботливым добродушием.

От этого снимка Шаталову-внуку всегда было трудно оторваться. В том виделось немало столь сложных и неразгаданных смыслов, много такого, что по новой открывает тебе самого себя и большой, требовательно испытующий мир вокруг.

Унтер-офицер Илья Шаталов, в миру столяр-краснодеревщик, умер примерно через год после Октябрьской революции, в двадцать лет, отравленный немецким ипритом в окопах Первой мировой.

Само собой, внук реально, вживе деда никогда, кроме как на этом снимке, не видел. А вот жену его, девяностовосьмилетнюю бабушку Анастасию, как-то довелось, когда гостил у отцовой сестры, тети Кати, в Касторном-Восточном лет сорок назад. Даже сподобился тогда Георгий Владимирович бабушку Анастасию, махонькую худышечку, легкости чуть более пера гусиного, перенести с дивана на кровать. Почему-то ему тогда на миг показалось, что если бабушка Анастасия еще на минуту-другую задержится в его руках, так они вместе с ней запросто могут вдруг взлететь и начать плавно, зачарованно кружиться над родными ей местами, всё более и более набирая небесную высоту.

«Володенька, не урони, неси аккуратней, Володенька...» — шептала бабушка на руках у Шаталова-младшего голосочком с особыми, как бы уже неземными высшими интонациями, какие разве что от монахов можно услышать, кои на пути к спасению уже прошли немалый путь скорбей, тягот, лишений и поношений.

«Я Георгий, я Жора, внук ваш» — аккуратно переубеждал бабушку Шаталов.

«Хорошо, Володенька, хорошо. Как скажешь...» — смиренно улыбнулась бабушка не только всем лицом, улыбнулась и голосом, и всем тельцем своим, невесомо аккуратным.

Так бы и шел с ней на руках и шел поныне Георгий Владимирович по жизни, и никаких бед в мире тогда бы не случилось, не посмели бы они, эти беды, перед бабушкой его Анастасией в дерзости и наглости так борзо объявиться.

Обратно в день нынешний Георгия Владимировича требовательно вернуло внезапно охватившее желание побывать на могиле Ильи Захаровича. За все свои семьдесят лет, как промелькнувшие мимо за окном вагона, он там ни разу не появился. Не свелось как-то... Но вот, наконец, накатило неумно: надо ехать, не откладывая. Не то время на дворе, чтобы оставлять на неконкретное завтра дела и заботы первостатейные. Жизнь неизменно ускорилась, словно во Все-

---

ленной чьей-то волей установилось новое, скоротечное время. И понесло тебя, как санки под горку в детстве со снежно-льдистого крутого уклона с непремненными ямами — со скрипом, болтанкой и строго стегающим по лицу сердитым морозцем.

Ехать предстояло Шаталову как бы не далеко, но и не близко — километров сто двадцать до хутора Пятиизбянного в Липецкой области, ныне доживавшего с тремя последними жителями свое окончательное время возле тощей речушки с весьма характерным поименованием — Косой ручей. А где и когда в землях русских вы, господа хорошие, видывали имя обжитого народом нашим места, чтобы оно звучало сухо, без особой, только ему одному присущей изюминкой? Обязательно будет оно с любой стороны эдакое мудрено-замысловатое, с озорным или заумным вывертом, с явленными в нем наружно или сокрыто многослойными непростыми смыслами: тож Дракино, Бабка или Чулок, а в черед за ними пусть явятся, скажем, Нехаевка да вкупе с ней Воля, а от них завернем в ту сторону, которой нам никак миновать нельзя, потому что там нас встретят Банное, Заброды, а далее пойдут чередом то Коренное с Мужичым, то Веселое с Городищем. И в плюс к ним дорогое русскому сердцу Забугорье или сельцо с исторически знаменитым, но ненашенским прозванием — Парижская Коммуна. Несть им таковым числа на земле нашей родной, чем ее радость и важность достойно укрепляются. Плетью не перешибешь прозвания любого русского сельца или деревеньки, начиненные особой значимости в своих именах судьбийными живыми смыслами былого эпохального облика, нынешнего напряженного раздвая и мутного будущего, — все одно будут они жить-помниться вечно и славно.

Навигатор или, точнее, некая навигаторша с заботливым красивым голосом старательно привела «волжанку» Шаталова к тому месту, откуда, как он определил еще дома по карте, от главной трассы прерывистой ниточкой отпадает проселочная дорога к Пятиизбянному. Возможно, когда-то она и была достаточно сносной грунтовкой, но сейчас представляла собой самую настоящую чернозёмную размазну.

Слева и справа от такого гиблого пути, наверное, способного утопить в себе и танк, мрачным черным гуртом раскинулись до самого горизонта многие гектары мертвенно усохшего подсолнечника. Как видно, тяжелые долгие дожди этой осени, как никогда расположенной к плохой, даже гадкой погоде, не позволили уборочной технике выйти в поле. Одним словом, битва за урожай закончилась здесь полным провалом, еще не начавшись.

Так что автодорожные возможности награжденной хромированным стремительным оленем «волжанки» были очевидно ничтожны перед подобными вселенскими хлябями.

— Сверните налево, а через триста метров сверните направо! — праздничным бодрым голосом повелела Шаталову смартфонская навигаторша.

— Да я здесь голову себе сверну! — в ответ ей натужно вскрикнул Георгий Владимирович, но тотчас озадаченно вздохнул и проговорил с очевидным смущением: — Прошу извинить меня за невольную резкость, но тут нужен вертолет. Не менее того!

Он не шутил и не забавлялся, объясняясь со штурманом из навигатора, как с реальным человеком. Лет через пять после смерти жены Георгий Владимирович начал общаться с Алисой и женским голосом навигатора, словно с живыми. Вначале как бы в шутку, для, так сказать, юмора, без которого жизнь одинокого семидесятилетнего мужика явно закинет, а потом, погоды, незаметно втянулся в сей забавный процесс каляканья с электронными устройствами, пока и вовсе с полной охоткой к нему не пристрастился.

Суматошные, жесткие хлопки старого тракторного движка вдруг быстрой чередой взрывчато ударили над бескрайним панцирем мертвого скукоженного подсолнечника. В сторону «волжанки» судорожными рывками подвигался гусеничный легендарный ДТ-75. Тот самый, который из-за достаточного объемного топливного бака на левом боку получил в народе специфическое прозвание — «Почталъон». Покинув лет пятьдесят назад заводские ворота эдаким румяным бодрячком, благодаря красному окрасу, он сейчас был основательно облупленный, какой-то измордованно покореженный из-за своей непростой сельскохозяйственной доли. Одним словом, трактор-старик, как у нас и полагается, выглядел замороженным донельзя.

За старым, угрюмым ДТэшкой судорожно телепалась с металлическим грохотом и кляцаньем раздолбанная кривобокая колесная тележка. Самих ее колес, вернее, лысых старых покрышек, из-за глубины грязевой хлюпающей трясины видно не было. Она точно плыла по некоему густому вязкому морю. В ней у бортов в отчаянном напряжении на коротких притулились несколько человек, явно желавших одного: не вылететь наружу вверх тормашками прямиком в емкое черноземное тесто.

Наконец настырно упорный, мужиковатый трактор, в пух и прах разрывая полевою грязюку, нахраписто и несколько кособоко, но при всем притом победно взрыки-

---

вая, дергаясь судорожными рывками, так-таки вывалился на главную дорогу.

Вдруг стало столь тихо, что можно было услышать, как в потревоженном черноземном месиве сочно лопаются грязевые пузыри.

— Здравствуйте, люди добрые! — порывисто, со всей своей мудрой профессорской вежливостью прокричал Георгий Владимирович в сторону людей, которые мучительно выбирались сейчас из тракторной тележки.

Ни стоять нормально даже на ровном месте, ни слово вымолвить в ответ они явно не могли. Только глазёнками слезливыми судорожно помаргивали. Такая поездка, как говорится, душу из каждого вытряхнула. Теперь жди, когда она вернется восвояси. И вернется ли?..

Здешний разномастный народ, одетый, во что ни попало, лишь бы задницу как-то прикрыть, ошалело и тупо глядел на высокую, элегантно тощую фигуру заведующего университетской кафедрой. Ухоженный, в заграничном черном кожаном пальто стотысячной стоимости и ненамного более дешевыми трендовыми полуботинками «Оксфорд», Шаталов на фоне не попадающих зуб на зуб пострадавших пассажиров тракторной тележки напоминал самое настоящее явление народу олигарха.

Георгий Владимирович широким жестом показал в ту сторону, откуда, словно из небытия, только что объявился безотказный и непрехотливый ДТ.

— Скажите, пожалуйста, там ли хутор Пятиизбянный? Или я по незнанию глубоко ошибаюсь в этом вопросе? — аккуратно проговорил Шаталов, явно стесняясь перед этими людьми своих профессорски складных и витиевато-мудрёных интонаций.

Ощутившие, наконец, под ногами твердую непоколебимую основу, пассажиры тракторной тележки глядели на него с такой почти детской растерянностью на своих измученных, перекореженных лицах, что ему показалось — еще минута, и эта толпа растворится в воздухе, истаёт, потому что живет насильно там, где нормальному человеку быть вовсе не полагается. Они виновато и недоумённо пытались понять, что сейчас так торжественно и умно проговорил им этот странный немолодой мужик из черной, начальственным блеском сияющей «волжанки».

— Ну, там Пятиизбянное... А чего тебе?! — вдруг резко, бдитительно отозвался за всех пожилой, строго подозрительный тракторист. Как будто отечески заступился за своих им же измученных пассажиров.

— Я еду на тамошнее кладбище, — поспешно объявил Георгий Владимирович. — Хочу посетить могилку своего деда Илья Захаровича Шаталова.

— Мы только что оттуда, с похорон. Последнего пятиизбяшника земле придали... — вздохнул тракторист и трижды усиленно высморкался, резко отвернувшись от растерянно моргавшего Георгия Владимировича. — Видал, как мы ехали, будто по штормящему морю рыскали? Твоя раритетная краля здесь всю свою красоту враз попортит. Да и сам ты нужную могилку никак не сыщешь. То, что когда-то называлось тамошним кладбищем, давно кончилось. Все кресты погнили, все холмики тамошние сравнялись с землей. В общем, заворачивай оглобли подобру-поздорову.

— Понял, понял! Извините... — взволнованно, виновато отозвался Георгий Владимирович. — Зря, выходит, ехал? Нет, так не пойдет. Это неправильно будет. Я обязан найти какой-то выход из всей этой фантазмагории! — Шаталов внимательно огляделся по сторонам. И его, кажется, осенило: — Условия вроде не подходящие... А коли других нет? И может быть оно и хорошо, что именно так. Словно как символ всего доброго и прекрасного, но порушенного! В общем, господа, я предлагаю нам здесь и сейчас коллективно помянуть моего деда!

— Оно вроде и ничего... А почему бы нет? Если с душой, так по уму и будет всё нормально... — снисходительно усмехнулся тракторист и вдруг отчаянно-весело, чуть ли не в крик гордо запел торжествующим, маршевым голосом. Голос был красивый, легкий на подъем, раздольный и счастливый: «Вновь богачи разжигают пожар, миру готовят смертельный удар. Но против них миллионы людей: армия мира всех сильнее!»

Мотив этот и слова были хорошо знакомы Георгию Владимировичу. Он в детстве всегда пел ее (вернее, кричал взахлеб) с табуретки перед родительскими гостями на День Великой Октябрьской революции. Оно и запомнилось неволью на всю жизнь. А всего остального словно и не было. Ни в чьей жизни...

— Прошу всех к моей машине! — когда умолкла песня, взволнованно, со слезой проговорил Шаталов. — Я достаточно взял и водки хорошей, и хорошей закуски.

Водка и закуска, в самом деле, оказались отменные. Особенно, если учесть, что они, как на волшебной скатерти-самобранке, объявились в щедрой множественности среди здешних бескрайних мертвенно-черных полей. Казалось, они, эта толпа, последние люди на этой планете. И помянут с поклоном некогда бывшую на ней жизнь...

Тракторист, весело поморщившись, главенственно оглянулся на своих ездоков.

— Что скажете, народ?

— Оно бы не помешало... — тихо, глухо отозвались люди, словно медленно возвращаясь к жизни.

Некоторые как бы и улыбнуться хотели такой счастливой дармовой оказии, но ни у кого толком это не получилось. Одна лицевая карикатурность вышла.

Как бы там ни было, но достойным поминкам не помешал ни вдруг напористо развернувшийся среди вольных просторов крученый-верченый ветрила, ни вновь рухнувший ядерный дождь: наш человек способен достойно помянуть в любых, самых неблагоприятных обстоятельствах, как погодных, так и иных прочих.

...Возвращаясь, уже у подъезда, как бы вдруг самостоятельно и предупредительно открывшего ему свою тяжелую металлическую дверь, Георгий Владимирович неожиданно увидел в преоме человека. Вернее сказать, солдата.

Кто только не выходил за последние шестьдесят лет из этого дома. Само собой, жильцы, родня или просто знакомые, потом же почтальоны, слесаря, разные мастера на все руки, а также полиция, врачи и даже однажды их посетил перед выборами самый настоящий депутат областной Думы.

Солдат в эти двери вышел впервые. Правда, прежде пропустив вперед себя задиристо, отчаянно счастливую девушку. Это была Анюта из здешней шестнадцатой квартиры. Из себя вся такая очень даже миленькая и, ко всему, романтично, пылающе рыжая. Отец ее нигде не работал и устойчиво пил, мама была главным бухгалтером в какой-то религиозной секте — вся из себя строгая и поспешная, она держалась особняком, как и полагается человеку, достигшему доступа к высшим силам и странного происхождения очень даже немалым деньгам.

— Здравсьте... — дерзко проговорила Анюта, не переставая вызывающе улыбаться.

Кажется, более огорченной и одновременно словно бы назло всем отчаянно счастливой девушки Георгий Владимирович до сих пор не встречал.

— Здравствуйте! — вежливо, но строго, почти сурово проговорил солдат Шаталову.

Георгий Владимирович тотчас узнал в нем Гришу из той самой квартиры, которую ему недавно пришлось посетить среди ночи.

— Простите еще раз за всё, что тогда произошло. За Джека простите... — глухо проговорил солдат Гриша.

— Здравствуй, дорогой... — растерянно отозвался Шаталов, как бы даже любуясь сейчас этим молодым человеком в новой и так серьезно смотревшейся на нем военной форме.

— Я повторно повестку получил. Понимаете, какую. И больше не стал чудить. Это наша с вами тогдашняя встреча так сказала. И смерть Джека. Вот идем сейчас с Анютой в загс. Мы два года встречались, а теперь решили перед моим отъездом в Донбасс больше не откладывать на потом! — строго сказал Гриша. С особенной, суровой интонацией на слове «потом».

— Я так счастлива! — чуть ли не со слезами, правда, нисколько не похожими на слезы счастья, атакующе вскрикнула Аня.

Да, явно весь мир был виноват перед ней. А если это так на самом деле?

— Быть добру! Милые вы мои! — ёмко, душевно отозвался Шаталов и хотел по-мужски хватко обнять Гришу, но как-то это у них не получилось. Наверное, потому что сзади нетерпеливо напирала молодежь, спешившая проводить будущих молодых супругов в ЗАГС.

Так что Шаталов и Гриша ограничились основательным мужским рукопожатием.

— Хватка у вас еще мощная! — уважительно сказал Гриша.

Георгий Владимирович уныло отмахнулся.

Кстати, Шаталов читал недавно на новостном сайте, что воронежские загсы в связи со спецоперацией увеличили время своей работы, и за несколько дней в экстренном порядке уже зарегистрировали более восьмисот браков наших девушек с мобилизованными. В любом случае это число небывалое, многое что о себе говорящее. И вовсе даже неплохое.

«Здорово! По-настоящему! По-нашему! — с восторгом подумал Шаталов. — Как тут таких наших невестушек с подвигом декабристок вровень не поставить?!»

В подъезде Шаталов мельком глянул на свой почтовый ящик. Уже достаточно давно в том ничего не было. Раньше туда вполне активно всякие разные разносчики прессы и квитанций совали ни для чего не годящиеся газеты, брошюры. Теперь как отсекло. Всё и вся переместилось в интернет, а также на стены возле подъездной двери.

Тем не менее на этот раз в его ящике нечто смутно белело, заявляя о себе через три специальных отверстия в металлической двери.

«Что это может быть? — безразлично подумал Георгий Владимирович. — Чушь какая-нибудь несусветная. Пусть там и валяется. До морковкиной загоди».

Только он, пройдя вверх первый пролет, вдруг так-таки остановился.

«Я ничего не жду? Кажется, нет. А из Москвы? Из министерства? Может, какому-никакому иногороднему диссертационному совету я вдруг ни с того, ни сего потребовался? Маше явно и в голову не придет слать отцу письма. Она, наверное, уже ручку разучилась в руках держать».

Он хотел идти дальше, но, напряженно выдохнув, так-таки медленно вернулся назад.

«А вдруг все-таки Маша мне что-то настрочила, не доверяя интернету?»

В узком пространстве почтового ящика, свернувшись трубочкой, лежало нечто из весьма плохонькой второсортной бумаги. Таких неприглядных с виду извещений Шаталов отродясь не получал.

Он чуть ли не с брезгливостью развернул бумажку. Выглядела она при всём при том по многим признакам достаточно официально.

Это оказалась повестка. И это была повестка из военкомата, предписывающая Георгию Владимировичу Шаталову незамедлительно явиться в районный комиссариат.

«Интересно, интересно... — напряженно подумал профессор. — Чем я могу им быть сейчас полезен? Неужели туда уже нужны и бывшие полковые библиотекари?... Или профессора потребовались? А почему бы и нет?»

Кто бы видел сейчас со стороны его короткую, почти мгновенную и явно глуповатую улыбку-улыбочку.

Повестку, вообще-то, должны были под роспись вручить лично ему. Шаталов это знал. Так что он имел полное право на такой документ из военкомата никак не реагировать.

«Нет-нет! — тотчас одернул он сам себя. — Глупости! Там у людей сейчас запарка. Какие претензии можно к ним предъявлять? Разве что посочувствовать. Конечно же, я пойду. Не пристало мне подленько цепляться за буковку закона. Меня сегодня вон целый день не было дома! На могилу к дедушке ездить изволил. Вот бы этот человек из военкомата сидел на холодных ступеньках в подъезде и ждал невесть чего, как Аленушка на картине Васнецова. Пойду, пойду! Немедленно. Если это и ошибка, надо всё равно помочь им разобраться. А как вдруг я так-таки нужен там? Хотя бы как человек, знающий всё об авиационных двигателях! Это мой долг! Как ни умаляй — священный! В конце концов я присягу давал!»

Немедленно пойти не вышло. На дворе стоял вечерний час — на девятнадцатый время перетекло.

Утром он прямой прямого эдаким молодцом стоял в кабинете ректора и восторженно рассказывал тому подробности всех обстоятельств с повесткой, включая, естественно, эксклюзивное поминание деда Ильи на границе какой-никакой цивилизации и непроходимого матерого черноземного океана.

— Не горячитесь, дорогой Георгий Владимирович. Не горячитесь... — время от времени, пусть и сдержанно, но при всём при том наставительно говорил ректор. — Я всё сам улажу. Не рвитесь в бой! Наши полковники с военной кафедры позвонят в военкомат и по-свойски недоразумение с вашей повесткой снимут раз и навсегда.

— Простите, дорогой Леонид Леонидович, а вот это делать как раз нежелательно! Весьма нежелательно... — вновь и вновь загорячился Шаталов. — Возможно, это мой последний шанс! Почувствовать себя причастным к священным заветам предков! Родина — мать, умей за нее постоять! Леонид Леонидович! В мои-то годы почувствовать себя полезным в борьбе с безумным врагом!

— Я разберусь, разберусь сам... — учтиво-сосредоточенно отвечал ректор.

Когда Шаталов шел к себе, почти никто его в университетских коридорах не приветствовал: его просто-напросто не узнавали. Георгий Владимирович шагал с непривычным для него счастливым напором, а по лестницам взлетал вприпрыжку, играючи — студентов на раз оставлял позади.

Когда Шаталов вёртко, взвихрено вписался в ёмкое пространство аудитории, никто из его студентов, собравшихся на лекцию о влиянии сверхзвука на конструкцию самолета, не поспешил встать. Все посчитали, что это какой-то посторонний пред с другой кафедры к ним случайно заскочил. Как им было угадать своего любимого неспешного семидесятилетнего профессора, когда некто с юношеским румянцем на щеках и острым, прицельным взглядом не вошел в аудиторию, а вбежал, еще точнее — влетел, дерзкими зигзагами пара над ковровыми дорожками.

Перед дорогой домой Георгий Владимирович под напористым озорным влиянием переполнявшей его молодецкой, нет даже, мальчишеской активности оставил «волжанку» на университетской стоянке. Он выбрал себе для обратного пути любимую с давних пор, еще студенческих, дорогу — через здешний немалый о двенадцати гектарах дендропарк, нынче весь дерзко-рыжий из-за скрюченной жесткой листвы осенних каштанов. Они просто-таки металлически скрежетали под ногами.

Вдруг на пути у Шаталова, над головой, золотисто-черная белка стремительной дугой юрко перелетела на зависть всем цирковым мастерам с одного дерева на другое.

Он не удержался и побежал ей вслед. Она как бы играючи вела его в самую загадочную, чуть ли не таинственную парковую глубину. Как в иной, неведомый и такой заветный мир...

Белка не унималась и напористо, бросок за броском пронызывала парк своими азартными прыжками. И Шаталов, увлекшись, не отставал от нее. Пробежав так с полкилометра, он, наконец, сбавил свой напор и прощально-устало помахал белке рукой.

Шаталов, лихорадочно отдуваясь, сел перевести дыхание на холодную мокрую скамью. Еще и отодвинул в сторону от себя как видно оставшиеся после студентов пивные банки и пачку недоеденных чипсов.

Он откинул голову и улыбнулся небу...

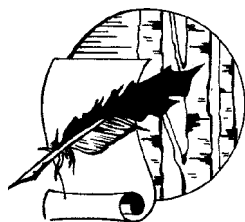
Так, улыбающимся, его следующим утром и нашли в парке спешившие на первую пару студенты из здешнего общежития. Несмотря ни на что, замершая на лице Георгия Владимировича улыбка выглядела живой и монументальной.

Узнав об этом печальном событии, военком, учитывая повестку, присланную Шаталову по чьей-то нелепой ошибке, распорядился похоронить профессора на главном городском кладбище с воинскими почестями. С трехкратным ружейным салютом.

И тот грянул.

Дня через три сотруднику военкомата, по недогляду выписавшему мобилизационную повестку Георгию Владимировичу, был объявлен строгий выговор. Но как можно наказывать человека, пусть и по ошибке, пусть и ненадолго, но сделавшего другого счастливым?..

г. Воронеж

Виктор КАРПУШИН

ИДУ ПО ЛЬДУ..

* * *

По бусинке нанизываю дни
На тонкую засохшую травинку.
Смотрю на воду синей полыньи,
Не оставляя из виду тропинку.

Вернуться просто, если есть куда,
Где ждут немногословные соседи...
А в полынье слегка рябит вода,
В берлогах спят окрестные медведи.

Преддверие счастливых перемен,
Которые случаются случайно...
Бывает сладок ожиданий плен,
Когда стучится детство из чулана.

Мир замер накануне ярких брызг,
Когда весна войдёт в село без спроса.
Бродить по льду, наверно, глупый риск,
Взбираясь на шершавый наст откоса.

* * *

Когда луну закроет туча,
Достань пасхальную свечу,
Перекрестись на всякий случай,
Смиренно подойди к ручью.

Попробуй разглядеть святое
В колеблющейся глубине...
...Прилипло облако седое
К замироточившей сосне.

ВЕРБА

Иллюзия — навряд ли иллюзорность,
Стою один среди любимых верб.
Округи акварельная озёрность
Настроит на мечтательность теперь.

Не просто так твердят: мечтать не вредно,
Тем более, когда сочится сок
Берёз в низине. А поодаль — верба
Моей любви отмеривает срок.

Я буду ждать, когда крыльцо оттаёт,
Когда синица залетит в окно...
И верба, словно странница святая,
И ветер, как причастия вино.

* * *

Ходили на работу по гудку,
Пересекали грязные дороги,
Делили хлеб и русскую тоску
И обивали без толку пороги.

И не было открытий в темноте
Знакомых до озноба подворотен.
И были встречи, может быть, не те,
И разговоры были о работе.

Гремели днём и ночью поезда,
Одни — на фронт, другие — в тыл куда-то.
Мерцала одинокая звезда,
Как самокрутка старого солдата.

А фонари скрипели на ветру
И скрежетали ржавые ворота.
И задевал корявую ветлу
Дым из цехов военного завода.

---

* * *

Мы все когда-то найдены в капусте,
Там сыровато, зябко поутру...
Проснёшься, а денюжат совсем не густо;
Не жалуйся апостолу Петру

На то, что по двору гуляет осень,
Что ясен взгляд наивных учениц,
Что магазин открылся только в восемь,
И нет святых среди окрестных лиц.

Зато тоска в наличии, а раньше
В лесах встречались белые грибы...
И три рубля занять у тётки Маши
Мне доводилось и без воровбы.

Без лишних слов случались разговоры,
На заморозки списывалось зло...
...Дырявые дощатые заборы,
Забывтое подгнившее весло.

* * *

Неспешна осень, и медовый Спас
Всего лишь наваждению предтеча.
К священству приготовленные свечи
Туманный август загодя припас.

Туман плывёт, касается берёз,
Перетекает в сонные равнины.
Цветы и птицы в августе ранимы,
А барский пруд осокою зарос.

Голицыны оставили давно
Дворец и церковь, тёмные аллеи...
Священный сумрак, словно в мавзолее,
И чёрной лодки треснувшее дно.

А вёсел нет, да и куда нам плыть,
С отплытием не стоит торопиться...
Гроза вдали, как раненая птица,
Успенский мёд мне не дано забыть.

---

* * *

Кончаются прозрачные деньки,
Леса редеют, там с утра туманы.
И птицы держат путь в чужие страны,
И облака, как птицы — высоки.

Издалека заметив мухомор,
Иду на свет обманчивый и едкий...
Рябина покачнёт тяжёлой веткой,
И заводить не стоит разговор

О том, что приближается зима,
В поленнице дрова, и песня спета...
И, если встретишь невзначай поэта,
Не вспоминай о горе от ума.

Печалей без того хватает здесь,
Сверчок за печкой, а в окне — синица.
Свечной огарок иногда сгодится,
Чтоб разглядеть во мгле благую весть.

* * *

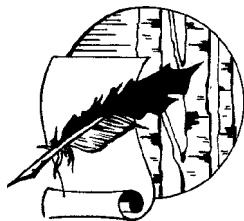
А впереди ещё зима —
От Рождества и до Крещенья.
Увы, не радует каршеринг,
Поскольку тощая сума.

Зато есть место для любви,
И для ржаной корявой корки.
Уже выбрасывают ёлки,
И воробьи — не соловьи.

Чирикают в слепом саду,
Среди подтаявшего снега.
Согнулась яблоня-калека,
И я опять иду по льду.

И принимает городок
Чужую речь и всхлипы птичьи.
Найдите несколько отличий,
А я и одного не смог.

г. Балашиха Московской обл.

Марианна СОЛОМКО

ЗОЛОТЫЕ ЗЁРНА

* * *

Есть настоящая Россия
Вдали от крупных городов,
Где нет ни бесов, ни бессилья,
Ни матом каркающих ртов.

Есть настоящая Россия
Вдали от крупных городов,
Где, пальцы жадные разинув,
Не отбирают мир и кров.

Есть настоящая Россия
Вдали от крупных городов,
Где не смеются паразиты
Из юрких щелей и ходов.

Ордой плодятся крысиане...
Поймёт ли простодушный люд,
Что быть России осиянной,
Когда в ней русские живут?..

* * *

Сколько бы ни кроили,
Рвали, опять сшивали, —
Теплится на Украине
Веры свеча живая.

Сколько бы ни бесились,
Каркая и гнусава, —
Не упадёт в России
Светлой надежды знамя.

Сколько б границ ни узили,
Подло толкая к яме, —
Гимном любви в Беларуси —
Рощица с соловьями.

Тщетно могила роется,
Злобно готовится плаха...
Родины звёздная Троица
В битве не знает страха.

* * *

Я слышу голос твой, сестра,
Как начинается на «стра» —
Страданье, страх, стравленье стран —
Так раны край кроваво-рван.

Янтарны волосы твои,
В зрачках — тяжёлые бои,
И отсвет синих новостей,
И лязг ээсовских костей.

Я всё узнаю, всё пойму,
Тебя по скайпу обниму.
Пусть всё, что началось на «стра»,
Скорей закончится, сестра.

* * *

Синенький томик Клюева —
Ангельские стихи.
Ночами летними пью его —
Горних небес верхи.
Всею душой ликую —
Слѡва когда коснусь.
Синенький томик Клюева —
Это большая Русь.

---

* * *

Там, где солнца летний лютик
В поднебесных васильках,
Серпик ласточки-малютки
Крыльев пробует размах.

То над радугой с восторгом,
То над звёздами полей —
Всюду серпик жнёт просторы
Русской родины моей.

Здесь родиться довелось мне, —
Этим сказочно горда:
Собирать лучи-колосья
Вдохновенного труда!

* * *

Мало быть русским, мало —
От Костромы до Ямала,
От Воркуты до Камчатки, —
Не измельчать в зачатке.

Мало быть русским, мало,
Лени попать одеяло,
Сбросить больную кожу,
Свергнуть ярма вельможу.

Чтоб из галактик ясных
Виден страны был паспорт.
Пусть не мечта пустая —
Суши одна шестая.

* * *

Мы — золотые зёрна,
Что посадили предки,
В каждой ноге — по корню,
В каждой руке — по ветке,
В сердце — восходов алость,
В душах — единства лекарь.
Не предадим ментальность
Русского человека!

г. Санкт-Петербург

СУДЬБЫ САКРАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Мы можем о том, куда они нас ведут, заключить из того, до чего они нас довели.

А.С. Шишков

Надо ли думать об этом сейчас, во дни Великой Отечественной и Священной Войны 2022 года? Которую власти до сих пор называют операцией. Между тем как сакральный, то есть священный Русский язык, по-прежнему влияет на смыслы, на сознание и подсознание человека, а значит и народа. Если бы в начале так называемой перестройки произносили не «киллер», а «убийца», было бы неизмеримо меньше убийств.

В «Тайной Истории Нового Французского Двора» советуют: «Старайтесь истребить в государстве язык народный, а потом уже сам народ». На протяжении нескольких лет в имении Грибоедовых-Хомяковых, что в Хмелите, проходили международные симпозиумы славистов, и я была удостоена чести открывать их шедеврами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Ахматовой, Цветаевой, Петровых, Заболоцкого... И всегда европейские и американские слависты в своих научных докладах подчёркивали сакральность Русского языка, выделяя его из

РУССКОЕ ДЕЛО

всех языков мира. Недостигаемой вершиной и венцом священного нашего языка был и остается Александр Сергеевич Пушкин.

В XVI веке во Франции для защиты французского языка от английского был создан Институт, а в России через два века воевать с этими французами шли дворяне, почти не владеющие родным языком. Зато и наслал на Святую Землю нашу Милосердный Господь Наполеона! И Победою над ним рождён был золотой век Великой Русской Культуры. И впервые, как очистительная гроза, прогремело Пушкинское: «Здесь Русский дух! Здесь Русью пахнет!», «Татьяна русская душою»...

Всё детство своё и отрочество слышал Александр Сергеевич только французскую речь, и лишь от «мамушки своей», Арины Родионовны Яковлевой, в девичестве Матвеевой, питался он, как святым млеком, сказаниями, былинами, пословицами, поговорками, сказками и песнями родного языка. Обретя от Бога Образ этого сакрального Русского языка, завещал он его своему народу как великую святыню. Лермонтов, Тютчев, Лесков, Есенин, Рубцов сохраняли её для будущих поколений.

Пережив «перестройку» и отпустив гулять на воле чубайсов с собачками, теперь, во дни Войны включая любую государственную радиостанцию, мы слышим, как на важнейшие заданные вопросы эксперты, профессора и академики начинают свой ответ: «На самом деле, как бы смотрите, да?» И только после этого лепечут, пересыпая, как матом, своё бесконечное «на самом деле, как бы смотрите, да?» и т.д., и т.д., и т.д. Почти никто уже не произносит слова «книга», а только местечковое «книжка». Да и само слово «только» произносятся с тем же акцентом — как «токо»...

Даже после военных сводок по тем же государственным радиостанциям женщины (!) рекламируют средства для повышения потенции... Современные исполнители классической вокальной музыки уже не допевают фразы до конца. Видимо — ради рекламы для повышения потенции... Если бы это слышали наши бессмертные последние хранители сакрального Русского языка: Астафьев, Белов и Распутин! Если бы слышала это написавшая во время Войны «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!» Анна Андреевна Ахматова!..

И снова повторим: язык — это Душа народа! Он оказывает колоссальное влияние на сознание человека, что подтверждается чудовищными событиями в культуре. Закрывают библиотеку имени Николая Михайловича Рубцова (что юти-

---

лась в одной из комнат районной библиотеки на улице Д. Ульянова). Запрещают ставить в сквере у входа памятник великому Русскому поэту по гениальному проекту Алексея Валерьевича Артемьева. А бронзовый памятник солисту «Ласкового мая» ставят на осквернённом теперь уже двумя педерастами святом Троекуровском кладбище. Вместо того, чтобы в сквере Большого театра поставить памятник человеку, олицетворяющему собою великую Русскую культуру, Галине Сергеевне Улановой, ставят Галине Вишневской, да еще рядом с Шаляпиным!!! Да еще в белом платье... Когда ближайший друг Растроповича и Вишневской, Щёлоков, помог им вывести за границу национальные ценности: иконы, картины, драгоценности, первое же своё интервью Вишневская давала в маленьком черном платьице аля Коко Шанель, нацепив на себя старинный священнический наперсный крест с бриллиантами!

А где памятник Талькову? Тридцать лет бродит по Святой Земле его убийца, к которому теперь присоединилась старуха Галкина, и шипит с автором слов: «Вот новый поворот»... «Золушка» гениального Сергея Сергеевича Прокофьева отменена, вместо неё теперь новая местечковая Золушка от Бертмана. И там же, в его «Геликоне», предлагают посмотреть историю страстной любви Адама и Евы с указанием 18+, то есть порно. И снова кругом одни Башметы, Нетребки, Хабенские и Гергиев с Мацуевым (по кличке молотобоец)!

На одном из вечеров моего цикла «Возвращение на Родину» Алексей Валерьевич Артемьев задал вопрос выступающему философу: *«Можете ли вы разъяснить нам понятие «подмены совести», когда трудновместимое понятие СОВЕСТЬ подменяется совестью гражданской, корпоративной, партийной, профессиональной, свободной и т.п.? Не благодаря ли такой подмене интеллигенция, в особенности «творческая», является самой безсовестной частью общества?»* Алексей Валерьевич сам олицетворял собою чистоту и величие, совесть и правду Русской культуры. Читая его программные и, увы, неопубликованные статьи, вспоминаю, как о таких людях говорил Данте: «У гениев боль больше и радость глубже».

Русские люди! Спасайте родной язык! Спасайте то, что они ещё не успели уничтожить! Не называйте женщин, пусть даже депутатов, спикерами и омбудсменами! Не называйте добровольцев волонтерами! Полюбите наконец родной язык! Глядишь, может, тогда и Родину полюбите... Боритесь за немедленное закрытие Ельцин-центра! Ибо Победа и Ельцин-центр — две вещи несовместные! Вооружимся, по слову Апостола, ещё и «оружием правды в правой и левой руке».

С началом Великой Отечественной Войны 1941—1945 годов по всей стране в православных храмах служились непрестанные молебны о даровании победы. В пяти действующих храмах Ленинграда непрерывно шла служба, несмотря на голод, холод и постоянные обстрелы. Митрополит ленинградский Алексій I (Симанский) всю блокаду прожил при Никольском Соборе, служил в нём каждое воскресенье, питался как все блокадники и молился за Иосифа Виссарионовича Сталина так же, как до него молился за Сталина Старец Патриарх Сергий (Страгородский). Священник московской Церкви Знамения, что у Речного вокзала, отец Иоанн, на одной из проповедей рассказывал, как в осенние дни 1941 года, когда враг рвался к столице, вокруг города была обнесена икона Тихвинской Божіей Матери. Давно ли Вы видели, любезные читатели наши, крестные ходы в Москве? Эти многотысячные крестные ходы с чудотворными иконами и хоругвями в последние годы после Святейшего Патриарха Алексія II можно было видеть, увы, только на вечерах цикла «Возвращение на Родину», ибо каждый вечер начинался с киноэпиграфа, а в заставке к каждому новому киноэпиграфу неизменно был фрагмент этих гигантских крестных ходов через всю Москву... Но ведь церковь без крестных ходов и звонов колокольных теряет свою соль! Если бы сейчас в каждом храме страны служили бы такие же непрестанные молебны, какие были ежедневно во Святом Богоявленском Соборе во время Великой Отечественной, когда батюшки, как полевые хирурги на фронте, сознание теряли!

30 последних лет шла Россия от гуманизма к гомосексуализму... «Словно смотришь в бинокль перевернутый: всё, что сзади осталось — уменьшено»... Война, и только война, а не спецоперация, спасёт Россию и оставшуюся часть мира. Только нужно вернуть сакральный Русский язык, тогда война будет называться Войною и наши исконные Русские земли не будут называться «новыми» или «присоединенными», тогда вспомним мы о том, что никто не умирал за Волгоград! Тогда ради чудом оставшихся ещё нескольких защитников Сталинграда, хоть перед их смертью, вернут городу его название. Это Сталинград спас мир от фашизма! Мы не эрэф! Мы — Россия!

«Верю, Русское Слово, как и Русское оружие, восторжествует!» (А.С. Шишков).

Январь 2021 — сентябрь 2022

МАСКА

РАССКАЗ

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода —
Богородица не велит.

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

Известный актёр, ещё при жизни ставший легендой, внезапно умер: оторвался тромб. Похороны, как и полагается, прошли со всеми почестями. Но к Дому кино, где стоял гроб, народ не пришёл. Точнее, его — народа — почти не было. Даже знаменитые коллеги по актёрскому цеху были немного удивлены. И когда выносили тело, не было тех привычных рукоплесканий, какими обычно провожает в последний путь своего кумира толпа. И ещё: когда гроб уже находился в катафалке, вдова великого артиста на глазах удивлённой, хоть и малочисленной публики, демонстративно вытолкнула из катафалка дочь покойного от первого брака, а затем и выбросила венки от его предыдущих жён, чем вызвала злорадство и восторг журналистов, жаждущих подобной «клубнички».

Последующие месяцы многие телевизионные каналы продолжали раскручивать эту историю, повышая свои рейтинги. Копание в грязном белье знаменитости интересовало обывателя больше, нежели политика или шедевры Феллини и Куросавы. В ход шло буквально всё, диапазон сплетен, выносимых на

ПРОЗА

экраны, был широк — от бытовых ссор запойного кумира до его театральных скандалов.

Незадолго до годовщины смерти актёра поползли слухи, будто бы Гульзат Степановна — последняя жена легенды, собирается договориться с предыдущими его жёнами по-хорошему, чтобы поделить наследство поровну, разумеется, в соответствии с действующим законодательством, лишь бы закончить со всеми склоками и пересудами.

Этому, конечно, никто не верил. Причину же, вынудившую вдову к подобному шагу, кое-кто усматривал в том, что после тяжб с дележом наследства Гульзат Степановна внезапно впала в кому. К счастью, длилось это недолго; врачам удалось вывести её из коматозного состояния с максимально благоприятным прогнозом, но признаки болезни всё ещё были заметны. Когда недели за три до поминок она давала интервью одному из новостных телевизионных каналов, куда пришла со своим духовником, отёчность её лица и тёмные круги под глазами говорили о многом, и она явно была чем-то угнетена, но подтвердила, что готова пойти на мировую с родственниками Володи (так звали покойного супруга). Было видно, что она ещё не вполне оправилась после болезни и говорила с трудом, на вопрос же о здоровье ответила, что чувствует себя уже нормально, несмотря на то, что всё ещё проходит восстановительную терапию.

Её готовность пойти на мировую интриговала, но этому, опять-таки, мало кто поверил. Тем не менее собрать ближайших родственников народного артиста, чтобы отметить годовщину его смерти, Гульзат Степановна намеревалась в подмосковном доме, каким-то образом доставшемся ей от того же Володи, ибо три его квартиры в центре столицы, как и банковские счета, всё ещё находились под арестом из-за судебных разбирательств и имущественных споров вокруг многомиллионного наследства.

В означенный день, ближе к полудню, появилось несколько иномарок с репортёрами.

— На пушечный выстрел их не подпускать! У нас своих сплетников хватает, — предупредила Гульзат старшую дочь Лизу.

Вскоре в сопровождении сына — Бориса Галунова, известного тележурналиста и пасынка великого артиста, подъехала одна из бывших жён покойного — Зоя Абрамовна. Затем стали подтягиваться другие родственники и близкие друзья.

Гульзат заметно нервничала. За те недели после выступления на телевидении, когда были сказаны слова о примирении, она сильно изменилась. Отёчность с лица сошла, но оно осунулось, появились морщины, а глаза ещё больше вва-

---

лились. В чёрном платке, такого же цвета платье и туфлях она выглядела почти старухой, хоть ей было лишь немного за сорок.

— Что слышно от Лены? — спросила Лизу, следившую с другими помощницами за сервировкой стола. — Ждать или нет?

Ведь это её, единственную родную дочь народного артиста, Гульзат вытолкнула из катафалка у Дома кино. И теперь очень сожалела о своём поступке, поскольку Елена Владимировна — главный наследник и именно с ней приходится судиться.

— Вроде бы подъезжает.

Гульзат зло усмехнулась: «Надо же, я вдова! А ведь моложе этой сучки на целых десять лет. В модные журналы ещё приглашают, на фотосессии... Потому что ноги от шеи растут. Смешно, право. Оттого, наверно, и смешно, что горько очень».

Все ждали приезда дочери покойного актёра. Появилась она нескоро. У ворот дома джип, на котором подъехала Елена Владимировна, тут же окружили журналисты. Из машины, со стороны водителя, вышел мужчина среднего роста и яркой внешности, лет тридцати пяти. Обойдя автомобиль, он распахнул вторую переднюю дверь и помог выйти статной даме в норковой шубе цвета графита.

«Вот стерва!» — подумала Гульзат, наблюдая за этой сценой из окна мансарды и думая, что та не преминет воспользоваться вниманием дотошных репортёров, чтобы обронить в её адрес какую-нибудь колкость.

Окружённая журналистами, гостя со скорбным выражением лица охотно давала интервью, пылливо поглядывая на верхние окна дома. Затем она как-то неожиданно резко села в машину, и джип въехал в распахнутые ворота, которые тут же закрылись.

— Пробки, — небрежно бросила Елена, войдя в прихожую и даже не пытаясь извиниться, что заставила всех ждать. — Дороги совсем не чистят, везде снег...

— Ну да, ну да... — сквозь зубы процедила вдова. — Это ведь не Лос-Анджелес.

— Позвольте вашу шубку, голубушка, — хотел было поухаживать за дочерью актёра незнакомый ей молодой человек, держа наготове вешалку. — Мы её на плечики повесим, шубку-то...

— Позвольте мне, — вежливо, но настойчиво отстранил его красавец-водитель, уверенно забрав вешалку из рук назойливого старика.

— Спасибо, Джерк, — поблагодарила его Елена Владимировна.

В прихожую вошёл человек в рясе. Следом за ним, сплошь в тёмном облачении, вошла то ли девочка-подросток, то ли женщина маленького роста; мелькнуло лишь круглое гладкое личико. «Никак, монашка», — подумала Елена, не успев как следует рассмотреть незнакомку, ибо та, бегло взглянув на неё с Джерком и безразлично махнув рукой, куда-то юркнула, как испарилась.

— Отец Афанасий, — представила гостью своего духовника хозяйка дома.

— Да, матушка, — чуть склонив голову и обращаясь к Елене Владимировне, молвил священник. — Разоблачайтесь.

Почтенного возраста и представительного вида священник, служивший в одном из старейших приходов Москвы, излучал спокойствие и уверенность, чего нельзя было сказать о вдове, чья мнительность, особенно после перенесённой болезни, нередко подавляла рассудок. Это заметно отражалось в её облике. Как ни старалась Гульзат скрыть тревогу, глаза её выдавали: вдову настораживало присутствие человека, коего она приняла за шофёра и охранника.

— Джерк, — заметив озабоченность хозяйки, обратилась Елена к красавцу, — будь любезен...

Тот понял с полуслова, и хотя его так и подмывало что-нибудь съязвить в адрес «бедной» вдовы, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Суперанский. Адвокат, — почтительно склонил он голову.

Гульзат Степановна слегка растерялась.

— А по батюшке? — спросил отец Афанасий.

Суперанский покашлял в кулак:

— Джерк Гарриевич, — произнёс он чётко, почти по слогам.

— Сколько же в вас всего намешано, коллега, — подковырнул старик-адвокат, коему Суперанский не дал поухаживать за Еленой.

— Можно просто Джерк, — пропустив перчинку, засиял голливудской улыбкой красавчик. — А впрочем, как вам угодно...

— Соломон Шмульевич Шкрыль, — протянул руку старик. — Представляю интересы...

— Мы уже поняли чьи... — резко перебила его Елена Владимировна и, взяв Джерка под руку, повела его в гостиную, где был накрыт стол.

Многие из присутствующих знали друг друга. Когда наступила тишина, отец Афанасий, оборотаясь лицом к восточ-

---

ному углу, где находились иконы, произнёс:

— Господи Иисусе, прими душу раба твоего Владимира, отпусти ему все грехи его малые и большие, и прими в рай...

Вдова находилась по правую руку от своего духовника. Слева же от Афанасия сидела та самая монашка, которую Елена Владимировна сначала приняла за девочку подростка. Нина, так звали женщину, была немолода, но именно таких, как она, называют женщиной без возраста. Её хрупкую девичью фигурку мягко облегал подрысник, а гладкое, почти без морщин, миниатюрное личико, обрамлённое апостольником, светилось какой-то лучезарной улыбкой. Весь её благообразный облик невольно вызывал умиление.

Мать и сын Галуновы сидели чуть поодаль от монашки. Елена Владимировна с Джерком оказались за столом напротив хозяйки дома, чьё помрачневшее лицо выражало глубокую скорбь.

— Ну, что, — обеда присутствующих взглядом и подняв стопку на правах хозяйки, коей она являлась на законном основании, произнесла Гульзат Степановна, — помянем супруга моего...

Гости задвигали стульями, по обычаю вставая. И тут дочь покойного нарочито громко, с расстановкой, произнесла, будто припечатала: «Великий был грешник мой батюшка!» — и, не вставая, привычным жестом опрокинула содержимое стопки в рот.

Гульзат сжала губы: и без того тонкие, они стали, как натянутая и готовая вот-вот лопнуть струна. Все присутствующие не понаслышке знали о взрывном характере хозяйки, который она имела неосторожность продемонстрировать год назад у Дома кино.

Ситуацию разрядил отец Афанасий:

— Господи, призри милостиво на молитвы наши за душу раба Твоего Владимира, коего в годовщину смерти его мы поминаем... — раскатистым басом начал он.

Когда было произнесено «Аминь!» и взгляды присутствующих устремились к наполненным стопочкам, чтобы путём возлияния приобщиться ко всеобщей скорби, благословенный миг этот был снова нарушен полновесно, как удар колокола, прозвучавшей фразой.

— Народ безмолвствует...

Сказано это было негромко, и слов этих никто не услышал бы, если б не гробовая тишина.

— М-да, Боря, и ты туда же... — глядя на Галунова, ухмыльнулась дочь покойного. — Да что уж там, великий был

грешник отчим твой, любил разные хохмочки... Впрочем, с юмором у тебя всегда было не очень... Или я ошибаюсь?

Зоя Абрамовна слегка толкнула плечом произнёсшего эту сакраментальную фразу сына: дескать, молчи.

— Случайно вырвалось, — оправдывался тот.

— Вот дурак-то, — еле слышно пробурчала мать.

Боря, коему давно перевалило за полтинник, с нескрываемой иронией изображал нашкодившего ребёнка.

— Какая вульгарная бестактность! — сверкнула глазами Гульзат, глядя почему-то на Елену. — Ты ведь дочь ему родная.

— Именно родная! Свидетельство о рождении не подделывала, как некоторые...

— Досточтимая Елена, — держа стопочку, обратился к дочери актёра отец Афанасий, — о покойниках или хорошо или ничего...

— Это он-то покойник?! — взорвалась вдруг Елена Владимировна и демонстративно указала на фотографию отца в траурной раме, перетянутой чёрной лентой. Портрет стоял на высокой тумбочке у стены, в проёме меж окон. — Это он-то покойник?! Да он живее всех вас!

— Хочу заметить вам, батюшка, — снова подал голос Борис, — ещё до Диогена некто говорил: «О мёртвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды».

— Каким был ваш родитель, не нам теперь, многогрешным, судить, — ответил отец Афанасий.

— Не нам, не нам... — на удивление звонким, почти детским голосом произнесла монашка. — Ещё Феодор Эдесский рёк: «...И блудница мёртвого воскресила».

— Так-то вот... — как ни в чём не бывало продолжил отец Афанасий, устремив взгляд на Елену Владимировну. — Дух Святый чрез всех действует, кроме еретика, конечно. — И священник посмотрел на Суперанского. — Так в «Кормчей» писано.

Джерк, презиравший общепринятые нормы морали и, вероятно, считавший, что сострадание и стыд в его профессии помеха, лишь поморщился.

— С собакой ляжешь — с блохами встанешь, — не унималась дочь покойного актёра. Но стопочку подняла.

— Помянем родителя вашего, — стараясь сгладить инцидент, не отступал священник, вновь обращаясь к дочери актёра. — Душою потрясать — своей, чужой ли — только Бога гневить.

До конца поминок Елена Владимировна ни слова больше не произнесла, лишь изредка, с каким-то пренебрежитель-

---

ным равнодушием, поглядывала на Бориса, своего сводного брата, коего родственником никогда не считала. Но атмосфера за столом оставалась накалённой — у всех было ощущение неминуемого скандала, готового разразиться в любую минуту.

Когда гости стали разъезжаться, к Елене подседа Зоя Абрамовна. Вторая жена легенды считала себя вправе обращаться к дочери артиста на «ты», и не потому, что была значительно старше, этих двух женщин связывали многолетние, почти родственные отношения.

— Ты как?

— Что «как»?

— В курсе?

— В курсе чего? Мировой, что ли?.. Так об этом только ленивый не говорит.

— Я не о том.

Галунова говорила тихо. Она никогда не повышала голос, но её замечания часто бывали точными и хлесткими.

— О чём же?

— Страшные вещи рассказывают...

— А ты слушай больше...

— Это и тебя касается...

— Ты, Зоя Абрамовна, если что знаешь, говори. Я в Москву через океан летела не для того, чтобы шарады разгадывать.

— Сказать-то скажу, только ты, Лена, сдерживай порывы, контролируй себя. Вежливость иногда помогает решить проблему.

— Это ты о нём? — кивнула Елена в сторону Соломона Шмульевича.

Закинув руки за спину, старик-адвокат молча ходил по гостиной, поглядывая на всех со значением.

— Он тоже вежливый, — зло произнесла Елена Владимировна. — И манеры... Ты посмотри, ну, Плевако — не меньше.

— Для человека манеры — это всё.

— В том-то и дело, что манеры. А копни глубже — урод уродом.

— Обычный адвокатишка. Просто спеси много.

— Вот именно, что спесь одна, — проворчала Елена, поднимая наполненную рюмку.

— Тебе бы хватит, Леночка, ведь помянули уже, — укоризненно покачала головой Зоя Абрамовна. — Я хоть не мать тебе, а по-матерински скажу: бросай это дело...

Елена помрачнела, поставила стопку на стол.

— Я к тебе, Зоя Абрамовна, отношусь с уважением. Хоть увела ты у матери мужа, а у меня отца, зла на тебя не держу...

— Не уводила я никого, — бросила Галунова, — не так всё было.

— Ладно, ладно, не будем об этом, — вздохнула Елена. — Ты для отца немало хорошего сделала. Не ссорила нас, наоборот, на моей стороне всегда была. Я на тебя зла, как уже сказала, не держу. Да и делить нам с тобой нечего. Ты, как говорится, при всём своём осталась. А вот вдовушка эта... Не верю я ей. Хитрит. Ишь, в чёрное вырядилась, как бабка старая.

— Это я бабка старая, — с грустью произнесла Галунова, видимо, пытаясь направить разговор в иное русло. — Восьмой десяток скоро...

— По тебе не скажешь, — заметила Елена (то ли польстить хотела, то ли просто к слову пришлось).

Она стремительно подняла стопку и одним махом выпила.

— Закусила бы хоть, — поморщилась Зоя Абрамовна.

— Она ведь нарочно в чёрном ходит, — не слушая Галунову, продолжала Елена. — Сочувствия к себе ищет. И ведь находит — сочувствие-то. Научил эту ведьму мой папаша вживаться в сценический образ...

— Зря ты так, Лена. Ей ведь тоже досталось.

— Это карма её настигла! — ударила по столу Елена, да так, что задребезжала посуда.

— Тише, Леночка, тише, — зашептала Зоя Абрамовна, придвинувшись к захмелевшей дочери покойного, — не надо так, будь подержанней.

— А что — не так, что ли?! Все говорят, что эта ведьма чёрной магией занимается. А моему отцу любовный приворот сделала.

— Да врут всё люди, Лена. Если б так было, отец Афанасий порога этого дома не переступил бы.

— Ты-то откуда знаешь?

— Знаю. Не знала б — не говорила.

— Да-а, слышала, вроде бы крестилась ты? — Елена пристально взглянула на Зою Абрамовну.

Та утвердительно кивнула.

— И Боря знает?

— Догадывается...

— Так ты что — втайне крестилась?

— Почему же втайне? Отец Афанасий меня в церкви открыто крестил.

— А я-то думаю: что это Боренька сегодня Пушкина вспомнил?

— Ты его, Лена, тоже... больно-то не осуждай, они все там такие...

— Где? — не поняла Елена.

— Да на телевидении этом. Они все там какой-то другой верой живут. Вот и Боря мой... какой-то своей верой живёт. И пусть... Я ему пока ничего не говорю, у самого мозги есть, пусть работает.

— Кто-то работает мозгами, а кто-то руками, — едко заметила Елена Владимировна.

— В том-то и уловка дьявола. Многие думают: коль руки загребушие, можно и без мозгов. А нет, к рукам тоже мозги нужны.

— Ты, Абрамовна, как философ рассуждаешь.

— Какое там... — махнула она рукой, — просто... веришь ли, до сих пор помню ощущение воды и запах мирры. Это ведь чудо — крещение!

— А я совсем маленькая была, когда меня крестили. Не помню ничего, — призналась Елена. — И в церкви последний раз была, когда отца хоронили.

— Об этом, Лена, я и хотела с тобой поговорить.

Галунова ближе придвинулась к дочери актёра, ласково погладила её по плечу, завздохала:

— Плохо там твоему отцу, Леночка, ой, как плохо!.. Маётся, как овечка посреди волков.

— С чего ты взяла?

— Говорю же: страшное что-то происходит. А недавно, до твоего прилёта, мне в тонком сне худое возвещено было.

Елена заметно напряглась.

— Покойник, отец твой, во сне явился мне, — стала рассказывать Зоя Абрамовна. — Сначала я не поняла кто... негр ли, старец какой... Но знакомый будто. Вгляделась — Володя. В подряснике и с крестом наперсным на груди. Только голова чёрная-чёрная, словно головешка. А глаза... не глаза — бельмы. Смотрит на меня и говорит: «Худо мне, ой как худо. Молись за меня и всех проси, чтоб за меня молились». И такой ужас меня охватил... думала помру от страха во сне, да проснулась. А он, покойник, всё равно перед глазами стоит и не уходит. Лишь когда с молитвой перекрестилась — отпустило.

— Ах, Зоя Абрамовна, Зоя Абрамовна, даже не знаю, что сказать. Впечатлительная ты.

— Может, и впечатлительная, но только не одной мне такое привиделось, — продолжала Галунова. — Гульзат-то тоже покойник во сне являлся. В подряснике и с крестом наперсным. И голова чёрная. И молиться за него просил.

— И ты веришь?

— Как не верить, если с Володей, отцом твоим, страшное что-то происходит?!

— Ненормальная...

Елена Владимировна и впрямь посмотрела на старушку, как на сумасшедшую.

— Да, Леночка, да. И не смотри на меня так. Не спятила я.

С минуту молчали. Когда дочь актёра очередной раз потянулась за стопкой, Зоя Абрамовна мягко, но с нажимом отвела её руку.

— Не надо, Лена. Лучше выслушай. Я ведь тоже сначала не верила, — призналась Галунова, — думала, сочиняет всё Гульзат. Мало ли что ей там во время комы привиделось? А вот ведь...

— Я же сказала, — с насмешкой и даже с каким-то злорадством произнесла Елена, — это карма её настигла!

— Хоть бы и так. Не это сейчас важно. Гульзат-то, когда она в коме находилась, видно, не до насмешек было. Да и что о ней... о твоём отце-покойнике надо подумать.

— Что о нём думать... Ему не поможешь. Вот только памятник... хороший памятник ему на могилу надо.

— Есть уже памятник, Гульзат позаботилась.

— Эта ведьма?! — вновь вспыхнула Елена Владимировна. — А со мной... со мной и посоветоваться уже нельзя было?!

— Да как с тобой советоваться-то, если ты за океаном, — возразила Галунова. — И с Гульзат у тебя... сама знаешь.

— Хороший хоть памятник?

— Не видела. Говорят, из белого мрамора. В гараже у них... летом будут устанавливать.

— О чём, сёстры во Христе, беседуете? — подошёл к ним отец Афанасий.

— Вот, батюшка, Зое Абрамовне известие страшное во сне было, — с ухмылкой сказала Елена.

— Известие или нет, а только не мне одной было, — словно в чём-то уличённая, ответила Галунова.

— Разве не грех верить снам, батюшка? — в том же духе продолжала дочь актёра.

— Верно, верно, — улыбнулся священник, — как шелудивых псов надо сны гнать.

— Слышишь, Зоя Абрамовна? — снова ухмыльнулась Елена.

Отец Афанасий придвинул стул и присел рядом.

— Случай один расскажу, — начал он. — Прихожанка наша, женщина молодая ещё, как-то обратилась ко мне. Муж её, одержимый по пьянству бесами, очень уж бушевал, мучимый нечистым. Я же, грешный, сжалился над ним и над суп-

---

ружницей его. Пришёл к ним домой и стал молить Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Богородицу, чтоб избавили его от бесов. А он, муж этой женщины, стоял-стоял, да как затрясся — и с ножом на меня... Белая горячка у него началась. Он ведь, бедный, после очередного запоя больше суток не пил — жена похмеляться не давала.

Отец Афанасий выпростал руку из рукава рясы и показал свою широкую ладонь, поперёк которой и по фалангам крупных сильных пальцев шли белёсые полосы.

— Вот они — следы. Уберёг меня тогда Господь. Да и тот, сердешный, после запоя хлипок уж был. Правда, два пальца теперь плоховато слушаются, сухожилия, видать, задеты.

— Как же вы так, батюшка, неосторожно? — сочувственно покачала головой Елена.

— Неосторожно, — согласился священник. — Но на всё воля Божья. И шрамы эти — тоже промысел Божий.

Дочь актёра хотела было возразить, но отец Афанасий жестом остановил её:

— Женщина та, у которой муж пьяница, — продолжал он, — в церковь с ним потом пришла. Когда служба закончилась и народ из храма вышел, подвела она ко мне мужа своего. Тот упал предо мною на колени, ухватился за подол и чуть ли не в голос: «Прости, батюшка, Христа ради, прости! Согрешил я пред Богом. И пред тобою согрешил. Всё, больше ни-ни... ни капли в рот не возьму. Бросил пить. Бросил! Вразумил меня Господь, образумил». Я его спрашиваю: «Как вразумил-то?» А он: «Как-как... ты же сам на днях ко мне приходил, молитвы читал, окропил меня... Или не помнишь? Рука твоя ещё в повязке была».

К тому времени рана моя почти зажила, не бинтовал я руку. Смотрю на жену его и ничего не понимаю: не был я у них. А она: «Да, батюшка, я тебя и привела, и из квартиры проводила. А ты благословил меня. Рука твоя забинтована была, йодом пахла».

— Вот так-то, досточтимая Елена Владимировна, — закончил свой рассказ отец Афанасий. — Сны, конечно, гнать от себя надобно, ибо от них только смущение бывает. Правда, иногда Господь во сне даёт нам знак не делать того, что в замыслах наших, но для людей в духовном отношении слабых отличить вещей сон от бесовских наваждений невозможно. Хотя и снам различие есть: кои бывают от Бога, а кои — от врага человеческого.

— И я о том же, — закивала Зоя Абрамовна.

Нехорошие сомнения вдруг начали одолевать Елену Владимировну. Захотелось непременно взглянуть на памятник,

---

что в гараже находится. Но чем больше о нём думала, тем ненавистнее тот памятник ей становился. И когда она поймала себя на том, что туго начинает соображать, — разбегаются как будто мысли, дала себе слово не пить. И тут же прыснула от смеха, да спохватилась, словно испугалась чего.

— Что это ты? — насторожилась Зоя Абрамовна.

— Пьяница, что с ножом кинулся, бросил пить-то? Иль нет?

— Тебе-то зачем? — отставляя подальше от Елены наполненную стопку, спросила Галунова.

— Предчувствия у меня плохие, — призналась Елена Владимировна.

Отец Афанасий поднялся, поставил стул на место и наставнически произнёс:

— Бойся разного предчувствия, потому более от лукавого.

И вежливо откланялся.

— Скажи, священник этот... он как?.. — спросила Елена, прожая взглядом священника.

— Что как? — не поняла та.

— Можно верить ему?

— Батюшка за Володю и днём, и ночью молится. Иеромонах он. Сегодня в церкви заупокойный молебен совершил в годовщину смерти его, чтобы в небесных селениях Володя ближе был к Господу...

Дочь актёра снова чуть было не прыснула от смеха, но сдержалась. Галунова это заметила.

— Он ведь, Лена, отец-то Афанасий, остался примирить вас с Гульзат.

— Тоже мне, парламентёр! У меня свой адвокат есть.

— Зря ты так. Слышала б, как батюшка молитвы возглашает, как «Живый в помощи...» и кафизмы читает!

— Мне-то что с того?

— Господь облегчение тебе ниспослёт в скорби и покой душевный.

— Ты, Зоя Абрамовна, какими-то заученными фразами говоришь.

— Думаешь, адвокаты ваши — хоть твой, хоть её, — понизила голос Галунова, — не штампованными фразами говорить станут?

— Ничего я уже не думаю, — вдруг стала очень серьёзной Елена, заметив Джерка, который подошёл незаметно и стоял теперь чуть сбоку от них, вслушиваясь в разговор.

— Лёгко на помине, — пробурчала Зоя Абрамовна.

Убеждённый, что его голливудская улыбка безотказно действует на окружающих, особенно на женщин, Суперанский решил и сейчас использовать это своё оружие в полную силу.

— Тьфу! — чуть слышно пробурчала Галунова и встала. — Отойду. Что-то не по себе мне.

Суперанский мгновенно стёр улыбку с лица, и оно тотчас сделалось сухим и бесстрастным, будто вырезанным из камня.

— Ты что над старой женщиной насмеяешься?

— Мне с ней детей не крестить.

— И то верно, — недоверчиво поглядела Елена вслед удаляющейся Галуновой и повернулась к Джерку: — Что у тебя... с этим?..

— Соломоном?

— Да. Что у вас там?

— Хитрый старый лис. Тот ещё народец...

— Ты тоже не промах. Сколько тебе бабла отвалила, а где результаты?

— Будут результаты, Леночка, будут. И разве ты мне только за это платишь? — вновь озарился голливудской улыбкой Суперанский.

Елена Владимировна напряглась, почувствовала, как забилось сердце, и резко осекла:

— Ещё одна такая шутка — и пойдёшь на все четыре стороны... — с малолетками кувыраться. Пусть они тебе платят.

— Извините, Елена Владимировна, — побледнел Суперанский, — глупость сказал.

— Так-то... Что Соломон?..

— Хитёр. Послушать его, так Гульзат эта Степановна готова отказаться от своей доли наследства.

— В пользу кого?

— Вот и я говорю — хитёр бобёр. У неё же трое детей! Она что — враг своим детям?

— Именно! — в голосе Елены слышалась угроза. — Младшей-то своей свидетельство о рождении состряпала. А дочь её родилась, когда отец и Гульзат ещё знакомы не были. Это же факт!

— Факт, разумеется, факт.

— Так что же ты?.. Ни рыба ни мясо.

— Здесь не всё так просто, Елена Владимировна, — назидательно начал Суперанский, показывая всем своим видом, что он профи и не относит себя к той безропотной серой массе юристов, которыми можно помыкать.

— Ну, хорошо, — смягчилась Елена и улыбнулась. — Если вдовушка отказывается от своей доли наследства, что это меняет?

— Для нас — практически ничего. Если, конечно... — Джерк замолчал.

— Если что?

— Если только от своей доли не откажутся все лица, которые указаны в завещании.

— А младшая дочь? У неё же липовое свидетельство о рождении. Это же явная фальсификация. Уверена: без Соломона здесь не обошлось. Да по нему тюрьма плачет!

— Видишь ли, Леночка... — Суперанский осёкся, потёр пальцем висок и продолжил: — Видите ли, Елена Владимировна, если б даже Шкрыль самолично сжёг настоящее свидетельство о рождении младшей дочери нашей вдовушки, то всё равно не понёс бы уголовной ответственности, ибо уничтожение доказательств не подпадает под действие триста третьей статьи.

— Нормальным языком можешь объяснить — как такое может быть?

— Фальсифицировать — значит подделывать, — пояснил адвокат, — а уничтожение документа не подпадает под это определение. Под фальсификацией подразумевается изготовление или искажение документов либо вещественных доказательств...

— Как же у вас всё сложно, — хмыкнула Елена.

— Это у вас, русских, всё сложно, — ответил Суперанский. — Но я хорошо знаю уголовный кодекс вашей страны.

— А может, ты просто хорошо морочишь мне голову? — глядя Джерку в глаза, произнесла дочь актёра: не усложняет ли он всё, не юлит ли.

— Не морочу, — не моргнув, ответил адвокат. — Более того, пусть бы я даже доказал, что Соломон изготовил фальшивку и придал ей юридическую силу, вряд ли б мы могли привлечь его к уголовной ответственности.

— Что за ерунда?! — изумилась Елена.

— Вовсе не ерунда. Чтобы привлечь Соломона, понадобились бы как минимум ещё две фальшивки с их стороны, кои бы легли в основу суда по нашему делу.

— Как же всё сложно! — помрачнела дочь актёра. — Проще киллера найти.

— Проще на скамью подсудимых угодить! — отрезал Суперанский.

— Так что же нам делать?

— У вас есть поговорка...

— У вас, у вас... — беззлобно, немного по-детски передразнила Елена и вдруг ласково провела ладонью по его щеке. — Ты что, не русский, что ли?

— Соломон прав, во мне всякого намешано, — улыбнулся тот, вновь почувствовав себя калифом на час, покорителем

прекрасного пола. — Так вот, у вас говорят: два юриста — три мнения. Но я бы ещё добавил: закон — что дышло, куда повернул — туда и вышло. Да-да, будем делать то, что и раньше. Добились же мы ареста банковских счетов и квартир.

— Невелика радость! Мне от этого ни холодно, ни горячо.

— Как сказать, как сказать... Неспроста вдовушка о мировой заговорила.

И Суперанский снова расплылся в голливудской улыбке.

— Улыбаешься всё, — недовольно проворчала Елена, — а мне вовсе не до улыбок. Пока летела сюда, ещё куда ни шло, а как к дому подъезжать стали, думала не выдержу, разрежусь. Если б не журналюги эти с вопросами своими дурацкими... После них какая-то злость появилась, отлегло немало.

— Не понимаю, о чём ты, — снова перешёл на «ты» Суперанский.

— Не понимаешь... — тяжело вздохнула женщина. — Этот дом — моё детство. Да и юность здесь прошла... Правда, многое теперь изменилось, перестроили всё. Участок больше стал: у соседей, видно, выкупили. Это ведь дача наша была.

— Ты мне об этом не рассказывала.

— А зачем? Чувства, переживания... это же к делу не относится. Ведь так, Джерк?

— Верно. Это, скорее, вредит.

— Вот видишь? Ты расчётливый, очень расчётливый. Ты, Джерк — настоящий адвокат.

Цепкий взгляд Елены смутил Суперанского.

— Почему-то в твоём тоне я слышу ещё и другое, — ответил он.

— И что же ты слышишь?

— Мошенник...

— А разве это не так?

Как минутой ранее, она снова легонько провела ладонью по щеке Джерка и, прикоснувшись кончиками пальцев к его губам, спросила: — К дочери моей — разве не клеишься?

— Ревность — это болезнь. С твоей дочерью у меня ничего нет и быть не может, — ответил Суперанский, нежно поймав губами кончики её пальцев.

— Ну-ну... — загадочно произнесла дочь актёра и, резко развернувшись, пошла прочь.

Борис Галунов с видом задумчивым и трагичным, в силу своеобразности характера, в коем мог возобладать шутник с серьёзным лицом, со стопкой водки в руке стоял у тумбочки и смотрел на портрет умершего год назад отчима.

— Что, братец, — подошла к нему Елена, — не вписал тебя покойник в завещание?

— Можно подумать, он тебя удостоил такой чести.

— Это не имеет никакого значения.

— Конечно. Поэтому ты и притащила с собой адвоката.

— Я — единственная его дочь! — ткнула пальцем в портрет Елена Владимировна.

— Так ли?

— Божана ему не родная, Гульзат её родила до знакомства с моим отцом.

— Это надо ещё доказать.

— Докажем. Мы уже оспариваем факт кровного родства. Будет суд, будут произведены экспертизы.

— ДНК?

— Разумеется.

— А если окажется, что Божана родная дочь?

— Не окажется! — жёстко отрезала Елена. — Но тут другое. Гульзат не соглашается на ДНК. Понимает, что кровное родство Божаны с моим отцом не подтвердится. Тогда все поймут..

— А что ты так вцепилась в наследство? — вдруг перебил её Галунов. — У тебя же хороший бизнес, от мужа твоего, американца, столько досталось, что на три жизни хватит.

— У меня, Боря, тоже дочь. Кстати, его внучка, — вновь ткнула она пальцем в портрет. — И вообще... я справедливости хочу.

— Но ты сама оставила отца, уехала в Штаты. Вы не общались годами.

— Мне надо было устраивать свою жизнь. В России у меня ничего не получилось бы. И потом, ты же помнишь, я приезжала, и не раз.

— Чтобы упечь отца в психушку.

— Ты что несёшь?! — залилась краской Елена Владимировна. — Как бы я это сделала? Отец до последних дней работал, постоянные съёмки, гастроли, общение с людьми...

— Но ты же и теперь заявляешь, что он был психически ненормальным. А он был гениальный актёр!

— И гении страдают расстройством психики.

— Вот видишь...

— Что «видишь»?! — с трудом сдерживала себя Елена. — Это она, Гульзат, сделала его таким, она ему всякую отраву давала, антидепрессанты и снотворное. Только человек с большой психикой может отречься от родной дочери и оформить дарственные на чужих людей.

— Успокойся, Леночка, ведь ты своего добила: суд признал отца психически ненормальным... посмертно.

Последнее слово было произнесено голосом трагическим, даже с подвздохом. Галунов, выражение лица которого всё это время оставалось непроницаемо-отрешённым, кивнул портрету и, опрокинув стопку, с насмешкой произнёс:

— Посмотри, кулачище-то какой!.. А как глядит-то... покойник. Так и кажется, гаркнет: «Цыц, все!», вдарит своей рукой-кувалдой по столу, и подавятся они, родственнички эти...

— Ой-ой-ой... цитат-то нахватался, — съязвила Елена. — Будя уродничать, дурак!

— О-о-о... — развёл руками Борис, словно намереваясь поаплодировать.

— Видишь, и я кое-что помню, — равнодушно отозвалась дочь артиста. — А ты циником был — циником и остался.

— Не спорю, твой отец многому меня научил. Хотя никогда всерьёз к себе не относился. И ты права: великий грешник был.

— Он сам про себя так говорил.

— Даже кичился этим! — как-то двусмысленно произнёс Галунов. — А этот траурный портрет... явное могущество плоти перед духом. И есть что-то... что делает его живым.

— Портрет твоего кумира.

— Да, гений!

— Эх, Боря, Боря, братик названный, не учил отец, а дядя не выучит, — произнесла Елена.

— Он и в монастырь подумывал уйти. — На лице «братика» появилась недобрая усмешка: — Что только не делает с человеком сумасшедшая страсть к сцене!

— Не ушёл бы! — раздался негромкий, но чистый и высокий, почти детский, голосок. — Такие не уходят...

За обильно накрытым, уставленным напитками столом, подперев крошечным кулачком щёку, никем не замеченная, в двух шагах от беседующих, сидела та самая монашка, которую Елена Владимировна вначале приняла за девочку-подростка.

Увидев её, Борис как будто воодушевился, стал наливать водку в стопки. Предложил и монашке, но та закрыла стопку своей маленькой ладонью.

— Почему не ушёл бы? — спросил он. И, выпив, усмехнулся: — И какие это «такие»?

— Не по душе ему была бы монастырская жизнь. А спастись можно и в миру.

— Как же... в миру? — Борис незаметно втягивал старушку в разговор. — Он же актёр... Известный...

Монашка выпрямила спину, сложила на груди ладони лодочкой и, глядя насмешнику прямо в глаза, строго произнесла:

— Актёр — он и есть актёр, и место ему за погостом церковным.

Глаза Елены Владимировны злобно сверкнули, всё её нутро вдруг ополчилось против этого, на первый взгляд, ничёмного существа в тёмном одеянии, возомнившего о себе невесть что. Мозг уже работал над тем, как бы похлеще осечь эту ничтожную старушку. Но её опередили.

— Ну, матушка, вечно ты со своими принципами, любишь поначальствовать. Сколько раз говорил: брось свои мирские замашки, чай не директор...

Появление отца Афанасия было столь неожиданным, что монашка растерялась. Привстав со стула, чуть было не пала священнику в ноги, но тот заботливо, по-отечески приподнял её и покачал головой, дескать: не надо.

— Мы должны сорадоваться друг другу, если мы христиане, а ты, матушка, рознь сеешь, — выступила из-за спины отца Афанасия Зоя Абрамовна.

— И то верно, — произнесла вовремя подошедшая Гульзат. — К тому же Володя покаялся. Во всём покаялся. Ведь так, батюшка? — взглянула она на отца Афанасия.

— Покаялся, конечно, покаялся, — заверил её священник.

— Ну, покаялся, — влез в разговор Галунов, успевший пропустить ещё пару рюмок, — а радоваться-то чему?

При этом он посмотрел на мать, словно вопрос предназначался только ей.

— А тому радоваться, — ответила Зоя Абрамовна, — что Володя и в самом деле мечтал с Богом встретиться. И мне говорил, что беседа с Ним у него будет обстоятельная и долгая.

— Обстоятельная и долгая!.. — усмехнулся Галунов, вовсе осмелев от выпитого. — Да трёп всё это! Работа на публику! Если Бог есть, то судить человека Он будет не по его ролям и не по его званиям, а по делам...

— Истинно, истинно!.. — закивала головой монашка, неожиданно для многих поддержав Бориса.

— Ты, матушка, уже своё сказала, — мягко осадил её отец Афанасий.

— Да как же так, батюшка?! Фильмы-то какие снимают кощунственные! Святого старца бесом выставляют. Это что крест перевернуть...

— А ты не смотри.

— По молодости, батюшка, по молодости...

— Это кто же святой? — Елена Владимировна уже не скрывала ненависти к монашине.

— Знамо кто... ещё моя бабушка окормлялась у него. И многие почитали его как святого праведника. И ныне почитают...

— Да о ком ты, матушка? — стала допытываться и Зоя Абрамовна.

— О ком, о ком... — тянула монашка Нина тоненьким голоском, не замечая знаки отца Афанасия, чтоб молчала, — о старце, на коем почиет благодать Божья. Вот о ком!

— Да кто такой-то?! Кто святой-то?! — почти выкрикнула Елена Владимировна.

И правда, смолчать бы старушке, но не тут-то было:

— Григорий!.. — слетело с языка имя, многим ненавистное, вырвалось оно наружу. И потому, как некоторые удивлённо, а кое-кто насмешливо и даже с презрением посмотрели на Нину, монашка тут же прикрыла рот ладошкой, словно испугалась чего-то, как будто непотребное что-то сказала.

Отец Афанасий приобнял Нину и отвёл в сторонку:

— Говорил, не надо бы тебе сюда...

— Прости, батюшка, оплошала, — винулась старушка. — Но поносят и поносят его: то фильмы подлые снимают о нём, то песни срамные поют...

— Поношение — душе радость, — ласково глядя Нину по маленькой головке, тихо сказал отец Афанасий. — Но закончим на этом, а то и впрямь в грех впадём.

— Ему уже иконочка есть, акафист написан, — лепетала монашка. — Моя мама ему молилась, и я ему молюсь. Ему многие молятся... А его поносят...

Ближе к вечеру, когда многие разъехались, решили взглянуть на памятник. Дочь великого актёра долго уговаривать не пришлось. Хоть она и здесь показала свой склочный характер, но любопытство возобладало. К тому же, недалеко от гаража, на небольшой парковке для гостей находилась её иномарка.

К гаражу вела дорожка из гранитной брусчатки. Впереди — и впрямь как-то уж слишком по-старушечьи, согбённо — шла Гульзат Степановна под руку со старшей дочерью Лизой, щебетавшей ей что-то на ухо. Немного поотстав, следовали Елена Владимировна и Зоя Абрамовна. За ними, о чём-то негромко переговариваясь, шагали Борис Галунов и оба адвоката. Замыкали шествие отец Афанасий и старица Нина.

— Подвела я вас, батюшка, — сокрушалась монашка.

— Как же ты подвела меня, матушка? — спросил священник.

— А так и подвела, наверх теперь доложат...

— Кто же доложит?

— Чай, найдутся... Епископ, коль узнает, будет сердчать на вас.

— За что же он будет на меня сердчать?

— За то, что мученика святого славим, за меня...

— На правду Божию нельзя сердчать, а она, правда, откроется, и будет радость для всех великая.

— Эх, батюшка, вашими бы устами да мёд пить.

— Ой, Нина, Нина... или сомневаешься? — Афанасий пронзительно взглянул на неё.

— Прости, батюшка, прости маловерную. Ведь мне их жалко, этих... — монашка кивнула на идущих впереди.

— «Жалко»... — повторил священник с ноткой сожаления в голосе. — Надо же — жалко... Да жалость у всех есть. А есть ли в тебе любовь? Вот что! Если в человеке есть любовь, то ложь не приблизится.

— Это вы сейчас о ком, батюшка? — не поняла Нина.

— Об епископе. С чего ты взяла, что он осерчает?

— Да уж опыт имею. Нешто они праведники, архиереи эти, коль в клубуках соперничают за патриарший престол?

— Порфира не погубит, а рубище не вознесёт, — ответил отец Афанасий и добавил: — Так наш старец святой говорил.

— Дай Бог, дай Бог... — перекрестилась монашка.

Подождав, когда все подойдут, Лиза стала открывать гаражные ворота. Они были не заперты, но чтобы распахнуть тяжёлые двери, требовалось приложить изрядную силу. Дочь и пошла с матерью, чтобы помочь.

Как только ворота распахнулись, все взоры устремились внутрь. Запахло бензином и резиной от шин. Помещение было не то чтобы очень большим, но таким вытянутым, что трудно было разглядеть заднюю стену. Помимо дорогих иномарок здесь находился ещё и немислимой красоты мотоцикл — американский Harley.

— Это Лизка моя на нём гоняет, — обронила Гульзат, заметив блеск в глазах Елены Владимировны. — Папочка подарил... Баловал её... Любил, как родную...

И, обращаясь к дочери, добавила:

— Свет-то включи, не видно же...

Взгляды гостей устремились вглубь гаража, где находился памятник из белого мрамора. У дальней стены вырисовывался некий силуэт...

Когда щёлкнул выключатель и помещение наполнилось ярким светом, перед поражённой публикой предстал тяжёлый постамент, на котором возвышался мощный торс. Скульптор сделал акцент на огромной ручище, прижатой к груди. Но всех ошеломил вовсе не странный авторский замысел. Вместо знакомого образа могучего артиста с лысым черепом все увидели обращённый к ним внушительных размеров строгий лик с длинными волосами и большой бородой вполне узнаваемого старца. Казалось, его суровый, даже пугающий взгляд пронизывал насквозь.

Первые мгновения все оторопело молчали. Затем послышался негромкий вскрик: Гульзат Степановна, хватаясь руками за воздух, пошатнулась и стала медленно оседать. Её успели поддержать, усадив на хранившиеся здесь автомобильные покрышки.

— Плакали мои денежки, — невольно слетело с губ Соломона Шкрыля.

Старик-адвокат, коему памятник был нужен как прошлогодний снег, следил за каждым движением вдовы, которая, казалось, умирает.

Дочь покойного актёра замерла у входа с открытым ртом. Её лицо выражало крайнюю степень удивления, за которым прочитывался целый шквал эмоций.

Зоя Абрамовна стояла, словно онемев.

Отец Афанасий, не проронив ни слова, перекрестился.

— Вот и прославили, — кланяясь в пояс, осенила себя крестом монашка, — образ святого на кощунника...

Суперанский, не отрываясь, смотрел на памятник и лишь повторял:

— Интересно, очень интересно...

Первой опомнилась Лиза.

— Мерзавцы!.. Кто?! — бросилась она к бюсту и с остервенением сорвала с него то, что оказалось блестяще сделанной из папье-маше маской.

— Так я и думала, — с нескрываемым презрением бросила Елена Владимировна и, гордо вскинув голову, вышла из гаража.

— Народ расходится, — саркастически произнёс Галунов, но в этот раз его никто не услышал.

...Сие странное происшествие так и осталось бы известным лишь близкому кругу почившего народного артиста, если б не стечение обстоятельств, вследствие которых его вдова снова оказалась в больнице с инсультом.

Как только гости разъехались, в гараже произошло возгорание. Обнаружили это не сразу, так как всё внимание домашних было приковано к Гульзат Степановне, которой пришлось вызывать «скорую помощь». Заметили пожар то ли соседи, то ли задержавшаяся за воротами парочка папарацци, когда пламя уже стало вырываться наружу и повалил чёрный дым.

Слухи покатались снежным комом. И каждый новый был всё более неправдоподобным, ибо фантазия журналистов, как известно, не знает границ. Поговаривали, что в какой-то момент над домом, в полусотне метров от горящего гаража, возник неземной свет, а над мансардой повисло густое облако дыма, обретя чёткие очертания могучего старца со светящимся нимбом над головой, держащего в руках сияющий золотой крест. Нашлись и такие, кто утверждал, что папарацци успели сделать снимки этого явления, на которых явно просматривается строгий лик святого мученика Григория.

Разумеется, всё это были только слухи. Достоверно известно лишь то, что на пепелище, рядом с покорёженными в огне иномарками и мотоциклом, в грудe тлеющей ветоши нашли обгоревший мраморный памятник, рядом с которым валялась почерневшая от сажи голова изваяния.

Результаты проверки по факту пожара показали, что основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют.

г. Подольск Московской обл.

ДВА РАССКАЗА

ПАВЛОВСКИЙ ПЛАТОК

До родной деревни оставалось совсем ничего, и в машине все смолкли. Так было всегда: после продолжительной поездки все члены семьи осознавали, что отец, подъезжая к отчому дому, волнуется, и как-то сами собой прекращались все разговоры, шутки, никто не предлагал уже закончить решенные кроссворда или дать правильный ответ на хитроумную загадку.

Я и в самом деле испытывал щемящее чувство радости и грусти одновременно, когда ехал по знакомым с детства местам. Всё здесь казалось милым и родным. Много лет назад после окончания школы я уехал из этих мест, но старался по возможности бывать на родине. Здесь жила мама, Мария Васильевна, жила одна, так как муж её, мой отец, Анатолий Александрович, с которым они прожили вместе 55 лет, скончался и был похоронен на местном кладбище «У Старого Егория». Мы с женой Лидой неоднократно предлагали маме переехать к нам, в город, в другую область, но она под разными предлогами всё не соглашалась.

ПРОЗА

На этот раз я был настроен решительно и, заручившись поддержкой Лиды, дочки Кати и даже маленького внука Алёши, решил во что бы то ни стало уговорить мать переехать к нам в городскую квартиру. Машина мягко остановилась на лужайке около дома. Трава вокруг построек была выкошена. Мария Васильевна знала, что семья наша вот-вот приедет и, несмотря на свой возраст, а ей было уже за восемьдесят, сама загодя навела порядок в доме и во дворе.

Она, как всегда, была рада нашему приезду. Вынимала из русской печи «шти», сваренные из мяса и овсяной крупы, собирала на стол деревенские яства и, как водится, по особому случаю ставила самовар. Раньше в доме было три самовара: один, полученный по наследству от бабушки и дедушки по отцовской линии, был отдан младшему брату Саше, который жил в Ленинградской области, другим самоваром Мария Васильевна пользовалась сама, а третий был приготовлен для нас, чтобы на даче пользовались.

Пока Лида с Катей раскладывали из многочисленных пакетов привезённые продукты, я достал из дорожной сумки свой подарок — большой белый головной платок из тонкой паутинки. Несмотря на свои размеры, он был настолько невесомым, что я в который раз удивился мастерству рук, которые его создали.

Мама приняла подарок с улыбкой и, как водится, стала говорить: «Зачем возишь? Куда мне их?» Но по всему было заметно: ей приятно получить этот шикарный головной платок. Платков у мамы было всегда много, точнее, целая коллекция. С детства мы знали, что у мамы особое отношение к платкам. Хранились они в отдельном сундуке, старинном, сделанном ещё предками матери. По каждому отдельному поводу надевался свой головной убор, соответствовавший времени и месту: летом на сенокос — лёгкие белые платочки; в гости или на женские посиделки — расписные цветами платки; зимой сначала надевался простой ситцевый платок, а сверху — тёплый шерстяной. Нарядные, в цветных рисунках полушалки надевались, когда мама шла в другую деревню или ехала к родственникам. Для особых случаев, например, для свадеб, которые в деревнях в те годы отмечали шумно и весело, были припасены в отдельной стопке праздничные шали.

Об этом увлечении мамы знали все родственники, и когда приезжали к ней в гости, то непременно старались привезти свой, особый, с неповторимым рисунком платок или полушалок. Мама оставляла себе немногие, наиболее дорогие её сердцу, остальные раздавала дочерям, племянницам, просто знакомым молодым женщинам, а потом и внукам.

Когда в очередной раз мы везли ей, например, настоящий оренбургский платок хорошего качества, то знали, конечно, что ей не нужно такое количество тёплых платков, и она передаст его родственникам или ещё кому-то, но традиция уже устоялась, и изменить её было невозможно.

Мама могла долго и любовно показывать свою коллекцию из раритетного сундука и о каждой вещи рассказывала целые истории. Она помнила: где купила, кто подарил, почему она так бережно хранит тот или иной экземпляр.

— В этом полущалке меня увидел Толя (так она называла своего мужа) зимой 45-го года, когда он бравым моряком вернулся с войны. Родители Толи хоть и были раскулачены в начале тридцатых, но всё равно считались состоятельными людьми, и хотели, чтобы невеста сына была из такой же обеспеченной семьи. Но всех девушек, которых привозили Анатолию на смотрины, он отверг и стал ухаживать за мной. Скажу по секрету: когда я была ещё маленькой — мне, наверно, лет восемь исполнилось, а ему шестнадцать — и он уже дружил со своими ровесниками, я часто видела, как девушки приходят к нему в дом, а сама думала: «Ходите, ходите, а я вот вырасту и замуж за него выйду».

Сразу после Нового года, в 46-м, мы сыграли свадьбу. Жить стали в погребе, приспособив его под временное жильё, и заготавливали лес для строительства своего дома. На этой тяжёлой работе я и надорвалась. Когда родился наш первенец, то прожил всего несколько дней. Муж сколотил маленький гробик, я завернула мальчика в белый платок и сама положила его в первое и последнее пристанище. Слава богу, другие дети родились все здоровыми.

В этом платке я ходила с Толей расписываться в сельсовет. Это было, когда я в положении со второй дочкой была. Шли пешком — десять километров туда, десять обратно, но для нас, сельских жителей, это было обычным делом.

А в этом я ездила в Мурманск повидаться с сестрой и братьями. Спустя несколько лет после войны умерла наша мама Ульяна; она очень любила своего мужа Василия, так и не смогла пережить гибель его на фронте; все мои братья и сестра уехали в Заполярье. С той поры в родительском пятистенке никто не живёт, хотя сам видишь, он и сейчас выглядит статно и добротно. А место какое — на самом берегу реки. Загляденье просто!..

Мария Васильевна рассказывала не торопясь, бережно перекладывая шерстяные, ситцевые, шёлковые платки и полущалки.

— Мама, да у тебя каких только нет! Это же настоящий музей, — воскликнул как-то раз я.

— Не согласна. Хочется мне увидеть ещё, хотя бы раз, один платок. Уж очень мне приглянулся.

— Почему увидать? Ты скажи, какой, мы купим тебе.

— Ой, не знаю. Больно уж он красивый, не встречала я такого никогда.

— Ну, ты опиши его. Рисунок-то какой?

— Не рассказать мне. Знаю только, что цветы — краше нет, плывут в облаках. А небо чистое-чистое.

— Мама, не могут цветы вместе с облаками плыть.

— Не знаю, могут или нет, но только видела я.

— А где ты видела?

— Видела во сне. Приснился мне этот платок. Будто ты мне его подарил. Забыть не могу красоту эту.

Мне хотелось разговор превратить в шутку, но видя, что мать говорит серьёзно, не стал иронизировать.

Сундук с ценным для матери содержимым стоял на закрытой веранде. Старушка регулярно просушивала содержимое, поэтому за десятки лет женские головные уборы, столь незаменимые в деревенской жизни, не истлели и не потеряли красок.

Она уже давно и не раз объяснила нам, кому и какой платок отдать после её смерти, но я всерьёз не принимал её слова, как бы считая, что мама у нас была всегда, так будет и дальше.

В детстве у меня с мамой были очень трогательные отношения. В деревнях русских не принято быть откровенно ласковыми и нежными к своим детям. А тогда и вовсе время было непростое, ребята и девочки с самого раннего возраста работали: в колхозе — летом и дома — в любое время года, поэтому было не до сантиментов.

Но маленьким я был так привязан к матери, что ей было трудно казаться со мной строгой.

Мама рассказывала, что уже в начальной школе я отличался начитанностью и эрудицией. Иногда говорил матери фразы из художественных книг, смысл которых она не всегда понимала, но чувствовала гордость, что сын её растёт не деревенским парнем, а тянется к другой, далёкой и непознанной ещё жизни.

Иногда, жалея, она уберегала меня от физической работы. Загодя зная, что предстоит делать днём (распорядок работ устанавливал отец), она заворачивала в простенький головной платок небольшой гостинец, например, свежеиспечённый пирог, и наказывала мне, чтобы я отнёс его родственни-

---

кам из другой деревни. Там меня встречали, поили чаем, расспрашивали о родителях.

Особенно мне нравилось посещать дома, где были книги, патефон или хотя бы велосипед. Всё это поступало в моё распоряжение, и день незаметно пролетал. К вечеру я бегом бежал домой и сразу спрашивал:

— А где мама?

Старшие сёстры Рая и Валя, целый день работавшие наравне со взрослыми, иногда язвили по поводу «книжного мальчика», но родители не позволяли меня обижать, да и сами сёстры в общем-то доброжелательно относились к младшему брату, смирившись с его статусом любимчика.

Ещё раньше, когда я только научился ходить, каждый раз, когда мама шла доить корову, я брал алюминиевую кружку (отец привёз её с морской службы), шёл на крыльцо, садился на ступеньки и терпеливо ждал, когда мама подоит корову и нальёт мне в кружку парного молока. К слову сказать, привязанность к молочным продуктам я сохранил на всю жизнь.

Когда наступала самая горячая в деревне пора — сенокос, никаких поблажек уже быть не могло. В это время и стар и млад были на поже. Для детей самое долгожданное время — обед. Перед обедом нас отпускали искупаться в речке. А когда мы приходили обратно, освежившись в быстрой холодной воде, матери наши уже расстилали в тени на скошенной траве специально взятые для этой цели платки и расставляли на них посуду: блюда и кружки. Обед готовили на костре по очереди или это делал избранный обществом повар. Чай заваривали только из трав и листьев кустарников.

Вечером, после работы, когда все собирались домой, женщины для самых маленьких детей, оставленных дома, опять же в платки или в корзины собирали лесные ягоды.

Головные платки выполняли разные функции. Ими женщины не только вытирали слёзы свои и своих детей, использовали не только в качестве импровизированной скатерти, делали из них маленькие узелки, чтобы нести продукты, и большие узлы для переноса вещей, но могли использовать и как средство первой помощи.

Однажды сосед наш топором поранил ногу. Такое случилось крайне редко и было удивительно, так как все деревенские мужчины с детских лет умеют обращаться с топорами и другими инструментами. Но сосед во время работы случайно задел ветку дерева (дело было в лесу), она изменила движение руки, и топор попал в ногу. Пока одна из женщин отрывала нижний край юбки, чтобы перевязать ногу мужчине,

---

другая быстрым движением сорвала с головы платок и зажала рану.

Другой случай, который произошёл уже со мной, я помню смутно, но мне подробно рассказывали, как и меня самого чудом спасла мама с помощью шерстяного платка. Когда мне не исполнилось ещё и трёх лет, я крутился около топящейся печки-голландки. Сёстры тоже были в доме, играли в свои девичьи игры. В какой-то момент я, видимо, подошёл слишком близко к печке, в которой не была закрыта дверца, и на мне тотчас вспыхнула рубашка. Сёстры закричали и в испуге бросились на большую печь. А я, объятый пламенем, добежал-таки до входной двери, открыл её и успел позвать маму. Мать была в хлеву, ухаживала за скотиной. Ещё несколько секунд ушло, пока мама, услышав крик сына, забежала в дом. Вбежав в комнату, она моментально сняла шерстяной платок, который был на её голове, охватила меня и сбילה пламя. В сельской больнице, куда меня доставили с обгоревшей спиной, работала фельдшером только что окончившая медицинское училище Светлана Васильевна. Благо, был телефон, и она постоянно консультировалась со специалистами областной больницы. Впоследствии Светлана Васильевна сама рассказывала, что когда она убирала остатки сгоревшей кожи на моей спине, а потом ежедневно делала перевязки, вместе со мной плакали почти все женщины-пациентки больницы. Обезболивающих препаратов тогда в сельских больницах и в помине не было. Трудно представить, какие мучения мне пришлось перенести, но меня с тяжёлыми ожогами спины и ягодиц сумели спасти. Мне ещё долго пришлось лежать в больнице, а после выписки, уже дома, я каждый раз плакал, даже если отец просто зажигал спичку, чтобы прикурить самокрутку.

Этот случай скорее психологически закалил меня, чем надломил. А детская привязанность к маме с каждым годом только укреплялась. Причём я был способен по-своему отстаивать свои права.

Когда мне было чуть больше трёх лет, и на свет появился Саша — наш младший брат — произошёл такой случай. Я любил играть детской корзинкой. Корзинку эту сделал и подарил мне известный в округе Шурка-мельник, который был на все руки мастер, также хорошо играл на гармошках и сам их изготавливал на заказ для любителей этого русского народного инструмента.

Мастер сделал для детей немало игрушек, в том числе деревянную лошадку на колёсиках, на которой я с удовольствием ездил верхом. Обещал сделать для меня и маленькую

настоящую гармошку, но всё откладывал, а потом я вырос, и вопрос сам собой отпал.

Так вот, в корзинке детской хранились разные предметы, важные для мальчиков того времени: гайки, сломанные карандаши и ручки, свисток, ракушки, камушки и прочие мальчишеские принадлежности. Когда новорожденного братика впервые принесли в дом, и домочадцы на него нагледелись, завёрнутого в пелёнки ребёнка мама положила на лавку.

Я сразу понял: теперь вот на этот свёрток, который только и умеет пищать и сосать грудь, будет обращена вся забота мамы. Я не мог с этим смириться, взял свою корзинку, размахнулся и бросил в своего соперника, и ведь попал — метров с трёх. Все забегали, заахали, стали распелёнывать свёрточек — не досталось ли ему. При этом переполохе виновник даже с места не сдвинулся. Он даже хотел, чтобы его отшлёпали, но никто на него не обращал внимания. Только старшая сестра Рая, которой шёл уже десятый год, немного позже попыталась объяснить мне, что и я был таким же маленьким и беспомощным.

Эту историю я сам рассказал своему брату, когда мы стали совсем взрослыми. Может, вину до сих пор чувствовал. Добродушный Александр только и сказал:

— Ну, тебе же надо было оправдывать звание «маменького сынка». Ты поступил в соответствии со своим статусом.

В школе я учился очень хорошо, читал на память стихи известных поэтов, участвовал во всех районных школьных олимпиадах по многим предметам, а также, будучи спортивным мальчиком, ездил на районные соревнования.

Учителя впоследствии вспоминали: «Иногда вопросы ученика Анатолия Подольского смущали нас во время объяснения новой темы». А одна из учительниц со стажем однажды сказала:

— Странный ты, Толя, какой-то. Вырос на глазах, но не деревенский ты. И манеры у тебя ненашенские, книжные какие-то. Учителей часто в тупик ставишь своими вопросами. Откуда в тебе всё это?

В девятом—десятом классах мы учились в средней школе, которая была одна на всю округу и располагалась в 20 километрах от нашей деревни. Из-за больших расстояний и разбросанности деревень родительские собрания в старших классах устраивались не более одного раза в год. Мама тоже приезжала в школу. Классное собрание хоть и было родительским, но проходило в присутствии учеников. Однажды мама немного опоздала к началу собрания. Когда она зашла, все сразу обратили на неё внимание, потому что на пальто у

неё была наброшена шаль — необычайно красивая: белая с яркими красными цветами. Посещение школы мама оценивала как особый случай и пришла очень нарядная, накинув свою лучшую шаль. Девочки из класса потом говорили в один голос:

— Подольский, какая у тебя мама красивая...

После окончания школы, института и службы в армии у меня сложилась неплохая карьера. Но со временем мне пришлось оставить высокие должности и перейти на преподавательскую работу в университет, оставаясь одновременно консультантом по экономическим вопросам для бизнесменов и чиновников. Старался никогда не забывать свою малую родину, возил туда свою семью и очень хотел, чтобы старенькая мама стала жить в нашей просторной городской квартире.

В этот приезд мы были настроены решительно. Когда праздничный ужин по поводу прибытия в деревню был закончен, а выпившие во славу земляка соседи разошлись по домам, я начал деликатный разговор с мамой о переезде. Какие только доводы я ни приводил. Пришлось даже вспомнить один забавный случай.

Как-то повзрослевшие сёстры в присутствии матери заспорили, у кого она будет жить, когда будет старенькой. Спорили всерьёз, долго, каждая приводила доводы в свою пользу. Мама не проронила ни слова, и только когда бессмысленный и явно преждевременный спор закончился ничем, вдруг негромко сказала:

— Если суждено мне дожить до таких годков, что вынуждена буду жить у детей, то прожить в согласии смогу только у Толи.

Реакция сестёр была предсказуемой:

— Маменький сынок! — бросила как в детстве одна из них, и обе сделали вид, что никакого разговора вовсе не было.

В нынешний вечер мама также молча слушала мои увещевания. Она понимала, что сын искренен в своём стремлении забрать её в город. Но как всё оставить? Наконец, вынесла решение:

— Всегда ты говорил складно, Толя. Может, и прав ты. Поживём — увидим. Ну да ладно. Надо ведь хоть на старости лет и городской побыть.

Несколько дней в деревне пролетели быстро. Мы, следуя наказам матери, сделали новый забор, отремонтировали крышу бани. Лида подкрасила в светло-синий цвет фасад дома. Дочка Катя занималась своим сыном Алёшей.

Мама готовилась к переезду серьёзно. Несколько раз пересмотрела вещи, которые решила взять с собой. Отдельно

сложила стопку головных платков, не из коллекции, а из повседневных. Настояла, чтобы положили в багажник машины самовар:

— На даче ставить будем.

То, что у нас была дача рядом с лесом, совсем недалеко от города, было одним из факторов, способствовавших решению мамы о переезде. Ей, всю жизнь прожившей в деревне, на природе, было трудно осознать, что она не будет ходить в лес за ягодами и грибами, не будет полоскать бельё на речке и не услышит пение птиц. В этом преклонном возрасте она, сидя на лавочке возле своего дома, проникалась щебетанием, перекликиванием, пением различных пернатых и очень беспокоилась, что не будет слышать эти привычные звуки. Но мы убедили её, что на дачу ездим почти каждые выходные с мая по сентябрь. Рассказали, что там двухэтажный уютный домик, ухоженные грядки, современные теплицы, настоящая русская баня и красивая беседка. И всё это рядом с лесным массивом, где даже небольшая речка имеется.

— А рядом с дачей у нас растёт большая черёмуха, — привёл самый главный довод маленький Алёша.

Одним словом, рано утром, погрузив внушительный багаж и закрыв родной дом, семейство отправилось в обратный путь.

Часть новой трассы со свежим асфальтовым покрытием шла по старой дороге через знакомые маме места и деревни, и она стала рассказывать, как по этой дороге (более 200 км) она девятнадцатилетней девушкой вместе с тремя землячками возвращалась во время войны с промышленной заготовки леса из соседней области. Лес заготовливался для нужд артиллерии, он был необходим фронту. Нормы были высокие, а работа тяжёлая. Из деревни к месту назначения их увезли на грузовике, а вот обратно после трёх месяцев напряжённого труда почти четыре дня пришлось добираться до дома пешком. А дороги тогда были излом и вывих, не то что ныне.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, семья прибыла в город, и снова была привычная суэта, снова разбирались вещи и женщины накрывали на стол. Маме определили жить в детской. Дети выросли, жили отдельно: сын Игорь работал и жил в Москве, а Катя с Алёшей — в соседнем доме и почти ежедневно заходили к «деду и бабе». Детская комната давно была освобождена от игрушек и школьных книг и предназначена для гостей. Но мама только ночевала там, ей больше нравился просторный зал с большим телевизором, фортепьяно и картинами на стенах. На журнальном столике в зале она расставила иконы, церковные книги и лампадку, которую зажигала в поминальные дни.

За короткий срок она перезнакомилась не только с соседями из нашего подъезда, но и с жителями других подъездов, и рассказывала нам, кто есть кто. Мы жили в этом доме больше десяти лет, но мало кого знали из соседей до приезда матери. Мама по выходным ходила в церковь, где вскоре её стали узнавать все церковные служащие. Рано утром на церковную службу Мария Васильевна шла сама, но после службы я встречал её на машине и вёз домой. Любила ходить в магазин, который располагался в нашем доме, только с торца, и название её привлекало — «Любимый». Там она делала незначительные покупки, но больше беседовала с продавщицами, которые привыкли к ней, и если вдруг её не было два-три дня, спрашивали у меня или у Лидии Ивановны:

— Не заболела ли бабушка? Что-то давно её не было.

Крепко подружилась мама с одной старушкой из соседнего дома. Клавдия Петровна — так звали старушку, жила одна, на первом этаже, и любила, сидя на веранде и открыв окно, беседовать с проходящими мимо её окон знакомыми.

Мария Васильевна стала бывать у Клавдии Петровны. Они подолгу беседовали. Новая знакомая мамы не могла ходить дальше лавочки у подъезда, и та рассказывала ей, как она ходила в церковь, какие новости слышала в магазине, да мало ли, какие разговоры у двух милых старушек.

Но однажды мама пришла домой от Клавдии Петровны чрезвычайно взволнованная. Она сама заговорила первой:

— Толя! Платок! Клаве дочка из Петербурга платок привезла. Такого я не видела.

— С красивыми алыми цветами, плывущими в облаках? — пошутил я.

— Нет, но похож. «Павловский» называется. Запомнила потому, что мою девичью фамилию напомнил (мама в девичестве была Павлова). Очень мне понравился. Купи мне такой.

— Павловопосадкий, — уточнил я.

Неоднократно приобретая различные платки для маминой коллекции, а также чтобы ей было что дарить многочисленным родственницам и знакомым женщинам, приходившим и приезжавшим к ней в деревенский дом, я, конечно, знал, что павловопосадского ассортимента в магазинах нашего города не было.

— Давай, мама, сделаем так. Как только поеду в Москву в командировку, обязательно куплю и привезу тебе красивый павловопосадский платок.

— А когда поедешь?

— Пока не знаю.

Больше к этому разговору не возвращались, и за текущими делами и бесконечными заботами я почти забыл о своём обещании.

Мама прожила у нас чуть более трёх лет. Мне было комфортно от присутствия матери, и мы все жили в полном согласии. Редко, но, бывало, мне приходилось задерживаться на работе, и я приезжал домой поздно. Оставлял машину на площадке возле дома, смотрел на окна своей квартиры и видел, что мама сидит в лоджии и ждёт меня. Она не ложилась спать, пока я не возвращался. Иногда, бывало, мы с приятелями вечером играли в бильярд, жена звонила мне и говорила расстроенным голосом:

— Мама не ложится спать, пока ты не приедешь.

Я просил передать трубку маме, говорил ей, что всё в порядке, что просто нужно повстречаться с друзьями. Но она была непреклонна:

— Я подожду тебя. Ты где?

В конце января мама как-то сказала:

— Ты всё, Толя, помнишь, что нужно сделать после моей смерти?

— Да, конечно. Помню все твои наказания. А зачем ты это спрашиваешь?

— Умру я скоро. До лета, наверно, не дожить.

— Мама, зачем ты меня расстраиваешь? Мы летом все вместе в деревню поедem.

— Вряд ли. Ну, да ладно. Как Бог даст.

Начало нового года выдалось для меня напряжённым. Домой приходил часто уставший, ужинал и ложился у себя в спальне.

Однажды мать пришла ко мне в комнату и села на край кровати. Стала, как обычно, что-то рассказывать, но я, утомлённый делами, был не склонен к разговорам.

— Эх, Толя, Толя, — промолвила мама. — Захочешь вот потом поговорить, да не с кем будет.

С тем и ушла в зал, оставив сына, занятого своими мыслями.

В феврале мама попросила позвонить дочери Вале в Казахстан, младшему сыну Саше в Ленинградскую область, сестре Ниле, живущей в Мурманске, внучкам Марианне из Москвы и Людмиле из Петербурга, а также в свою деревню, к соседке — тётке Сане, которая приглядывала за нашим домом.

В течение недели она со всеми переговорила, неторопливо отвечая, что живётся ей хорошо, со снохой Лидой она ладит, что правнук Алёша регулярно приходит к ней в гости, а кот Рокич может и поцарапать, если с ним заиграешься ненароком.

Я хоть частично разобрался со своими делами, но всё никак не мог найти подходящее время, чтобы душевно, как раньше, поговорить с матерью.

Мама умерла неожиданно в канун женского праздника — шестого марта. Умерла тихо, как бы уснула. Похоронили маму на деревенском кладбище, рядом с мужем. Отпевание провели в городской церкви, а потом уже повезли её на родину, где она провела, считай, всю свою жизнь.

Когда всё закончилось, надо было выходить на работу. Делал я всё автоматически: оделся, позавтракал и вышел из дома. В одной руке — пакет с мусором, в другой — портфель с деловыми бумагами. Подошёл к мусорным бакам и бросил в один из них сначала пакет, затем портфель и поехал в банк, где была назначена встреча. Уже в банке спохватился: «А где портфель с бумагами?»

Как магнитофонную ленту, прокрутил память назад и чётко вспомнил, каким движением бросил портфель в мусорник. Тут же поспешил обратно в свой двор, но портфеля не нашёл даже дворник, согласившийся за двести рублей осмотреть все баки. Видимо, портфель, ещё совсем новый, уже кто-то подобрал.

Почему-то я даже не расстроился. Всё происходящее воспринималось как-то замедленно и совершенно без эмоций. Опустошение пришло позже. Мне казалось, что я остался совсем один в этом мире, устроенном так несправедливо.

В мае я поехал в Москву, в командировку. Сойдя с поезда в столице, я занялся служебными делами, а после обеда, часа в три, вспомнил, что необходимо купить портфель, и поехал в известный торговый центр. Зная примерное расположение отделов, так как бывал здесь неоднократно, и пройдя по секциям первого этажа, неторопливо на эскалаторе поднялся на второй этаж. Прошёл несколько метров и остановился. Передо мной был отдел павловопосадских платков. Разнообразие цвета и многоликость рисунков ошеломили меня. Я смотрел на переливающиеся, искрящиеся и просто красивые платки и не мог оторваться.

— Что Вам предложить? Хотите подобрать подарок? — спросила продавщица.

— Да, то есть нет. Поздно. Опоздал я, — начал было говорить, но слёзы не дали закончить.

Я вышел из отдела и остановился у лестницы на третий этаж, пытаясь достать из заднего кармана брюк носовой платок.

— Мужчина, возьмите, пожалуйста, — услышал я голос продавщицы. Она протягивала небольшой фирменный па-

---

кет. — У нас был день павловопосадского платка. В качестве призов покупателям было выделено несколько ценных платков. Вот один остался. Его не успели разыграть среди клиентов. Красивый очень. Это Вам.

Я взял пакет с содержимым, машинально поблагодарил продавщицу и вышел из универсама.

Через полчаса я сидел на скамейке у входа в парк Сокольники. Я любил это место и часто бывал здесь, приезжая в Москву. Неторопливо выкурил пару сигарет, хотя бросил курить несколько лет назад. Наконец, я вынул из пакета и аккуратно развернул подаренный платок. И, изумлённый, ахнул: среди серебристых облаков на фоне чистого-чистого неба плыли ослепительной красоты алые цветы...

ВОЛОГОДСКИЙ ПРИВОРОТ

Деревенская жизнь в шестидесятые годы прошлого века принесла сельским жителям не только тяжёлый труд на фермах и пашне, но и обычные человеческие радость и веселье, причём для всех сразу. Это случалось, когда зимой народ собирался на игрища и посиделки, а летом на деревенские праздники, которые проходили в каждой деревне в установленный только для неё день. На таких гуляньях молодые люди не только плясали и водили хороводы вместе с девушками, но и часто выбирали себе будущих жён. Ведь в будние дни всё деревенское население занято работой, а потому и были придуманы ещё в древние времена игрища и праздники, чтобы было, когда и где парням и девушкам пообщаться более близко, чем в обычные дни.

Вот после одного из зимних игрищ и провожал Павел молодую и бойкую односельчанку Лию. Ещё летом они уходили вместе с деревенских праздников, и бабы живо шушукались: «Будет у них свадьба или Пашка так и не посватается?»

Павел жил в большом пятистенном доме, который стоял на высоком берегу реки. Этот дом, построенный ещё его дедом, был и в самом деле хорош: с двумя горницами, кухней, мезонином и разными дворовыми постройками: хлевом, дровяником, амбарами. Окна украшали резные наличники, вокруг дома был разбит палисадник, в котором росли ягодные кусты, а через ворота с навесом, что вели с улицы во двор, не то что подвода с сеном или дровами — трактор мог проехать. Рядом с домом вдоль реки росли несколько ветвистых берёз. Посажены они были дедом Павла, не только ради красоты:

они не позволяли своими мощными корнями осыпаться высокому берегу.

Павел жил в этом доме с матерью, братом Юркой и сестрой Нилой. Отец их погиб на фронте, и мать долгое время не могла смириться с этим, всё надеялась, а вдруг вернётся. Она хоть и болела часто, но содержала большой дом в чистоте и порядке. Старшая дочь Маня была замужем и жила в своём доме, который они построили вместе с мужем Анатолием на другом конце деревни.

Мать часто выговаривала Мане, что Павел всё не женится, а ей трудно тянуть домашние дела, управляться с огородом и ухаживать за скотом, а ведь ещё и на колхозную работу надо выходить. И Маня, как старшая сестра, подыскивала для Пашки невесту, но он сам, досыта наслушавшись уговоров о женитьбе от сестры и матери, решил обзавестись семьёй. Выбор его пал на давнюю деревенскую знакомую Лию, которая, наверное, с малых лет мечтала выйти за него замуж. Да и как тут не размечтаться: Павел был парнем видным, с голубыми глазами, тёмными кудрявыми волосами, обладал дружелюбным характером и здорово играл на гармошке. Причём, когда он разводил меха на своей тальянке, приводя в восторг всех девок и баб, залихватски делал резкое движение головой, как бы закидывая назад свои кудри, и хотя его густые волосы ничуть не мешали играть, этот коронный приём был неотразим.

Лия была моложе Павла, но других парней она просто не замечала. Обладательница длинной косы, она умело сплетала её в большой пучок на затылке, чтобы не мешала в работе, и наоборот, заплетала в разноцветные ленты, когда шла с подружками на праздник. Лия знала все коленца кадрили и её обычно спрашивали об очерёдности в подобных плясках и танцах. Жила она с матерью в небольшом доме. Мать пробовала уговорить её, молодую девушку, после окончания восьмилетки уехать из деревни в город, но та осталась в родном доме — по досужим разговорам местных сплетниц, из-за своего соколика Паши.

Лия с Павлом прошлись вдоль деревенских улиц и остановились у ее дома. Надо было прощаться и расходиться по домам, но тут Павел, немного помявшись, проговорил:

— Лия, ну что? Сватов засылать?

— Ой, неужто правда? Я уже надеяться перестала. А с кем свататься придёшь?

— Матка сказала, что дядька из города приедет. Закажем ему. Вот с ним и маткой придём.

— А Маня, сестра твоя, будет? Мы с ней хоть разного возраста, но как-то сдружились.

— Куда столько народу на сватовство? Если мы договоримся, так хватит одного свата, можно и без свахи. Тогда через неделю жди. Да я скажу ещё загодя.

— А можно я Маню заранее попрошу, чтобы она мне платье красивое сшила. У меня и материя приготовлена. Фасон тоже подобрала, с фатой платье будет.

— Я в эти бабские дела не лезу. Сами договоритесь. У меня своих забот хватает. Надо Анатолия уговорить, чтобы пиво сварил на свадьбу. А на сколько вёдер — matka подскажет. Много гостей соберётся, морока одна.

Когда парочка рассталась, Павел не сразу пошёл домой, стоял у реки, покрытой заснеженным льдом, курил и думал: «Не уехал в Мурманск сразу после армии, как хотел, теперь вот женись. А как по-другому? Мать часто болеет. Юрка уже большой, в армию скоро, но Нила ещё маленькая, хотя учиться старается. Если я уеду, а Юра уйдёт в армию, всё хозяйство пропадёт. Маме ведь даже сено не накосить, а без коровы в деревне не прожить. Лийка — девка справная, опрятная, собой хороша. Как ни крути, а жениться надо. А как в Мурманск хотел...»

Почему именно в Мурманск, Павел никому не объяснял, но всегда говорил, что если поедет, то не в Вологду, не в Архангельск, а в заполярный город Мурманск.

Зимой свадьба в деревне в те годы была даже пышнее, чем летом. Зимний свадебный поезд состоял из нескольких саней и розвальней. На каждой лошади звенел колокольчик, дуги были украшены цветными лентами, а в санях поверх сена лежали тулупы и покрывала. Каждой подводой управлял парень из друзей жениха или молодой мужик из родственников, в руках его обязательно был кнут, или, по-местному, витьень, которым наездник подгонял лошадей, а мог и огреть кого-либо из желающих остановить свадебный поезд.

Вся эта процессия начиналась от дома невесты, куда прибывал жених с гостями. Там заранее накрывали столы. Жених с невестой сидели под образами, причём жених не мог снять с себя полушубок, сидел в нём, этим как-бы давая понять, что приехал за невестой и долго не задержится. Конечно, ему было жарко сидеть в овчинном полушубке, но таков порядок. Правда, разрешалось выходить на улицу, воздуха вдохнуть, но делать это надо осторожно, усадив рядом с невестой дружку, а иначе кто-нибудь из парней мог занять его место и потребовать выкуп.

Павел уже не раз обращался просительным взглядом к сестре Мане, мол, пора ехать кататься, а то я сопрею весь, но обычай есть обычай, и Маня показала ему рукой, что надо

сначала «задарить гостей». Павел поднялся и стал доставать из карманов заблаговременно приготовленные мелкие монеты, которые стал разбрасывать по столам, словно зерно сеял. Мелочь летела во все стороны, попадая в блюда, чарки, за шиворот и на затылки гостей. Желательно, чтобы каждому из присутствующих досталась хотя бы одна монетка. Основные взаимные дары в виде полотенец, рубах, посуды и постельных принадлежностей дарились и принимались в доме жениха, но «задаривание» проходило в доме невесты.

Подружки невесты по обычаю попричитали, но это только понарошку и немного, плакать никому не хотелось, а наоборот, всем было весело, ведь праздник только начинался. По продолжительности деревенская свадьба могла проходить два, а то и три дня. При этом были не только пляски и тосты, но бывали и драки, правда, обходились без сильных побоев и увечий.

Павел разбросал мелочь и снова сел за стол. Вдруг сквозь детвору, теснившуюся у дверей, — всем хотелось увидеть свадьбу — пролезла Опрошка Затворница. Женщина эта ещё не старая, жила одна в другой деревне, которая носила непривычное название — Чёрная. На свадьбу Опрошку не звали, и было странно видеть её среди собравшихся людей. Она слыла ворожихой, кое-кто называл её за спиной колдуньей, но это ей не нравилось, и стоило ей погрозить пальцем, как незадачливый смельчак тут же закрывал свой рот и более никогда не смел говорить о ней что-либо плохое.

В молодости Опросинья обладала поразительной красотой, и жених у неё был под стать, но перед самой их свадьбой ушёл на охоту — хотел медвежатиной угостить народ на свадьбе, да и погиб от клыков и лап здорового зверя. Прошло время. Женихи со всей округи сватались к Опрошке, но она сватов даже на порог не пускала. С той поры и стали звать её Затворницей. Пошёл слух, что она может любого приворожить к кому-либо. Так это или нет, но время от времени к ней скрытно люди приходили с разными просьбами.

Чем старше становилась Опрошка, тем больше разных небылиц плели о ней. Но, бывало, и помогала: найти потерявшуюся корову или лошадь, сделать так, чтобы молодая замужняя баба, которая никак не могла забеременеть, наконец, понесла, да и другие таинственные дела водились за ней.

— Ты что, Опрошка, заблудилась? Замёрзла, поди? Пройди, раз пришла, — сказала хозяйка дома, мать Лии.

— Нет, за стол-то я садиться не буду. Сами знаете, незваный гость хуже татарина. Домой иду из Захарова. Всё равно ведь кататься поедете. Вот меня, может, до Чёрной и доведёте, а то мне не дойти.

Хозяйка замялась. Ладно ли это, в свадебные сани ворожею садить?

Но тут вмешался жених:

— Сиди пока, Опросинья. Увезём, когда поедем.

Через час с небольшим родня молодых и большинство гостей расселись по саням и розвальням, и процессия тронулась. Друзья жениха заранее планировали маршрут: в какую деревню заезжать, в какую нет. По обычаю, в каждой деревне свадьбу останавливали местные парни и мужики с требованием налить ведро пива. В одной из подвод свадебного поезда везли лагун с пивом, откуда и ссезивали при таких встречах хмельной напиток.

По своей деревне ехали небыстро, на улице было много ребятишек, которые провожали свадьбу, но, выехав за околицу, лошади помчались в мах под хохот, визг, звуки гармошек и бубенчиков.

В первой деревне, которая была на пути свадьбы, пришлось остановиться перед самым въездом в неё. Местные мужики перегородили путь жердями. Во второй деревне один смельчак прыгнул в первые сани, и, по обычаю, в этом случае надо было останавливаться и угощать желающих. Следующей деревней был Большой Починок. Когда свадебный поезд проезжал по деревенской улице, никаких признаков того, что процессию собираются останавливать, не было видно. Но неожиданно первая лошадь с нарядными розвальнями остановилась, за ней и все следующие. Дорога была свободна, но лошади дальше не шли. Встали как вкопанные. Из ближайшего дома вышли местные мужики.

— Смотрите, получилось. Надо же!

Оказалось, местный умелец по совету стариков изготовил из смолы, скипидара, керосина и какого-то порошка «дьявольскую смесь», которой щедро окропили участок дороги. Незнакомые, ужасные для лошадиного восприятия запахи так напугали лошадей, что они остановились. После непродолжительного угощения пивом находчивых мужиков надо было ехать дальше, но лошади не шли вперёд. Мужики местные, довольные результатом своей выдумки, принесли лопаты и пробовали очистить дорогу от зелья, но лошади и после этого не слушались. Было уже не до смеха. Такие заминки считались дурным знаком для молодых. Выручила Опрошка Затворница. Она взяла первую лошадь под уздцы, приговаривая: «Нечисть смрадная, уйди, дай проехать и пройти. Ангел мой, храни коня, молодых, гостей, меня».

Лошадь, ведомая женщиной, послушно пошла, мотая головой из стороны в сторону, а следом тронулись и другие под-

---

воды. Когда подъехали к деревне Чёрная, стало даже светлее от неба, усыпанного звёздами. Опросинья поблагодарила молодых, пожелала им ладной супружеской жизни и остался у своего дома, перекрестив три раза уезжавшую в обратный путь свадьбу. Зная, что по второму разу останавливать их никто не будет, возницы дали лошадям волю, и те понеслись вскачь под одобрительные окрики сидящих в санях гостей. На одном из поворотов один из незадачливых мужиков, принявший на грудь больше нормы, кубарем вылетел из саней, но бедолагу усадили обратно и уже без приключений все целыми и невредимыми приехали к дому жениха, где молодых встречали с иконой и хлебом-солью. Свадьба продолжалась...

Прошло два с половиной года. Жизнь в деревне шла своим чередом. Юрка отслужил в армии и вернулся на побывку в деревню, повидаться с родными.

— Поеду в Заполярье, — говорил он землякам.

Маня родила третьего ребёнка. Нила перешла в восьмой класс. Мать их умерла, и её похоронили на деревенском кладбище всей деревней.

Павел с Лией, на первый взгляд, жили обычной сельской семьёй, оба работали в колхозе. Правда, детей у них пока не было, что снова дало повод для пересудов деревенским бабам.

По приезду брата Павел сначала обрадовался, а затем как-то сник. Брату он откровенно завидовал, тот, необременённый семьёй, мог уехать в любую сторону, например, в большой город и начать там новую, совсем не деревенскую жизнь. Особой теплоты в их отношениях с женой не было, но и ссорились они нечасто. Жили себе и жили, работая в колхозе и управляясь с домашним хозяйством.

Нила заметно подросла и как-то вечером, за ужином, сказала им:

— Закончу восемь классов и уеду. Если к тому времени Юра устроится в Мурманске, то к нему поеду, а если у него другие планы, то просто уеду.

Такой расклад Павла не устраивал. Ведь он женился ради матери и сестры Нилы, а теперь, выходит, и зря.

Днём от горьких мыслей отвлекала работа, но вечерами он всё чаще сидел на берегу родной реки, думал о чём-то и домой шёл только после настойчивых окриков жены:

— Хватит сидеть-то сиднем. Пора вечерять и спать ложиться. Завтра столько работы.

Но и сама Лия всё чаще грустила и задумывалась. Она чувствовала, что муж её Паша так и не привязался к ней, несмотря на все её старания.

— Вот тебе и «стерпится, слюбится», — жаловалась она Мане. — Не тут-то было. Он как бы и не обижает меня, но чую, не мила я ему. Не любит он меня.

— Да, Лийка, надо что-то делать. Не дай бог, уедет с Юркой или погода вслед за ним. Ой, горе-то какое.

Через несколько минут доверительного женского разговора Маня встрепенулась:

— Слушай, а сходи ты на Чёрную, к бабе этой, Опроше Затворнице. Ведь она и на свадьбе у вас была. Я даже знаю, что тебе надо с собой взять: мёд и бутылку водки. Она разные настойки и отвары делает, а потому пользуется мёд и водку.

— А зачем к ней? Ворожить, что ли?

— Не ворожить, а привораживать. Она это умеет. И глазом не моргнёшь, как Пашка за тобой бегать будет, как собачонка.

— Ой, не знаю, а что я людям-то скажу? В летнюю пору пошла куда-то, ведь недалеко.

— Не бойся, причину найду. У меня вон телёнок кашляет, заодно и принесёшь ему какой-нибудь отвар, не убудет с неё. Сметаны ей за это пошлю. А на Пашку приворот сделает. Всё и наладится. Сама увидишь.

— Неужто правда?

— Так и сделаем. Иди завтра на Чёрную.

Лия сходила в сельмаг, купила поллитровку и спрятала в надёжном месте. На другой день она сказала мужу, что Маня посылает её на Чёрную из-за телёнка, собрала кузовок и отправилась к бабе Опроше. Просить у бригадира лошадь она не стала и пошла пешком через Новую пашню, Ромахин сенокос и старую вырубку, у которой ещё не было закрепившегося названия. Шла больше тропинками, так скорее и от людских глаз подальше. Дело-то скрытное.

Опросинья встретила её приветливо. Поставила самовар и за чаем хозяйка и гостя неторопливо беседовали.

— Телёнок у Маньки кашляет потому, что она ему комбикорму много даёт. Он ведь не корова ещё. Скажи, чтобы пока не кормила химией этой. А для верности отдай ей вот это. — И Опросинья протянула Лие свёрточек из газетного листа: — Пусть по шепотке кладёт в ведро с водой и даёт телёнку, когда поить будет. — Помолчала немного и добавила: — Только ты, девка, вижу я, не за этим пришла. Говори как есть. С мужем нелады? Плохо живёте? Видела я его у тебя. Статный, но в глазах блеска нет. Неужто обижает? Не похоже.

— Нет, не скажу, что обижает, но и не горит ведь от меня. Третий год живём, а детей нет. Да и тяготит его что-то. А чего — не пойму.

— И чего хочешь?

— Помоги, Опросинья, Христа ради. Сделай так, чтобы он ко мне тянулся. Приворожи. Век не забуду. А то ведь уедет, не дай бог.

— Непростое это дело. Да и грех это, присушить к себе мужика, пусть и своего. Не отмолишь будет ни тебе, ни мне. Я ведь ещё на свадьбе заметила, что он сам по себе. Но и тебя жалко. Ладно, делать нечего, давай приступим. Ты вот что, возьми ножницы, иди в мою баню и настриги со срамного места немного волос. На вот газету, завернёшь после.

Когда смущённая Лия вернулась из бани, Опросинья велела ей мелко настричь принесённые волосы, ушла с ними за перегородку и долго шептала над ними заклинания. Затем открыла бутылку водки, высыпала туда мелко нарезанные волосики и стала взбалтывать, продолжая шептать заклинания.

— Придёшь домой, процеди через марлю, и пусть твой муж водку выпьет. Можно сразу, можно по полстакана в день. Это как сама решишь. Иди с богом.

Обратный путь до своей деревни Лия прошла гораздо быстрее. Её всю буквально будоражило предвкушение, как скоро подействует ворожба Опросиньи.

Придя в деревню, она первым делом пошла к Мане. В доме никого не было, а Маня полола грядки в огороде. Вместе они зашли в избу, и Лия стала живо рассказывать, что и как говорила и делала Опрошка.

— Слушай, подозрительно будет, если ты сама Павлику водку предложишь. Лучше сейчас процедим зелье это и поставим бутылку за иконами, а Пашка вечером к нам придёт, они с Толей договаривались на точиле топоры выправить, я ему и налью водки с наговором.

— Ладно. Только ты какая-то невесёлая, Маня.

— Да вспомнила я историю одну с ворожкой этой. Аграпина Митькина из Заюжья не захотела оставаться старой девой, когда всех парней на фронт забрали, и сходила к одному старику в деревне Горки. Говорят, он настоящим колдуном был. Вся округа его боялась. Вот он и приворожил к Аграпине Мишку Белого. Всё бы ладно, да женатый тот был. Ушёл к Аграпине от жены и двоих детей. Так замучился весь. Жил у Аграпины, а сам через день к детям ходил, жена не пускала, если дома была, и Аграпина ругала его за это. Одним словом, разрывался мужик на части, так долго и не прожил. Умер бедный через несколько лет.

— Так то женатый и чужой, а тут мой, законный. Пусть любит. Я вся извелась уже. И потом я другую историю про

этого колдуна знаю, с хорошим концом. Помнишь Надьку Сидоркину? Она ходила с Васькой Рыбаком. А родители Васьки заставляли его жениться на другой девке, из Нигина. Когда Надька узнала, что сватовство назначено к другой, сходила к колдуну этому, и ведь помогло. Когда свататься всё-таки поехали в Нигино, на полпути Васька развернул лошадь и сказал: «Надьку жалко. Не поедем в Нигино, на Надьке хочу жениться». И приехали к Надьке и сосватали её. И сколько лет уже живут душа в душу. Так что не отговаривай.

— Ладно, ладно, раз решили, чего уж тут теперь.

И женщины вышли из избы, так и не заметив, что во время их разговора на печи, сверху закрытой занавеской, лежал и слушал их разговор Анатолий — муж Мани.

Он слез с печи, завернул самокрутку и прикурил.

— Ну дела, — проговорил вслух и добавил: — Дуры все бабы и моя тоже.

Через час к дому подошёл Юра. Маня ушла с детьми на речку полоскать бельё, а Толя возился с точилом во дворе. Точило представляло из себя массивный ровный круг из цельного камня с дыркой посредине, через которую был просунут деревянный штырь с ручками на концах. Точило устанавливалось на специальную деревянную раму (станок), и кто-то из помощников хозяина (чаще всего дети) крутили за ручки точило, а сам хозяин прикладывал к крутящемуся точилу топор и таким образом точил его. Точило передавалось из поколения в поколение.

— Дядя Толя, здорово живёшь!

— Здорово, Юра. Проходи в дом. Я сейчас.

— Пройти, конечно, можно. Да больно я сегодня расстроился. Ездил в райцентр, в военкомате надо было отметку в военном билете поставить. Так военком битый час меня стыдил, что я собираюсь уехать из деревни. Говорит, вот не подпишу, и будешь в колхозе работать. Партия так велит. А я что, дезертир какой, что ли? Я на Север еду, там служил и знаю, что жизнь там не сахар, а погода и того хлеще. Не на юга отдыхать еду, а в Заполярье, работать. Одним словом, может, у тебя, дядя Толя, выпить что есть? Душу хоть разрядить.

Когда они зашли в избу, Анатолий, хитро улыбаясь, ответил:

— Самогон-то выпили весь за твой приезд. Больше не делали. Но есть бабское зелье, с наговором. Это чтобы Пашка к Лийке присох. — И он рассказал отставному сержанту историю с ворожкой у бабы Опросиньи.

— Да хрен с ним с наговором. Выпьем, а там что-нибудь придумаем.

И за разговором о службе в Заполярье (Анатолий в своё время служил на Северном флоте) они распили приготовленную для Паши бутылку. А чуть погода и сам Павел пришёл.

— Толя, будем топоры-то точить?

— Да подожди ты с топорами, надо тебе роль сыграть.

— Какую ещё роль?

И тогда Анатолий снова рассказал историю о ворожбе, и что водка, которую они с Юркой выпили, предназначалась ему, Павлику.

Втроём они от души посмеялись и решили одурачить неразумных баб. Юрку послали в сельмаг за бутылкой, Павел лёг на лавку, а Толя пошёл встречать Маню на берег реки. Когда они возвращались с речки, Анатолий сказал жене:

— Слушай, я хотел достать заначку, три рубля оставлял в щели за иконой, и невзначай обнаружил бутылку водки распечатанную. Так мы её с Павликом выпили. Я только рюмку, а он с устатку всю опорожнил. Не знаю даже, какой он сейчас помощник, а ведь хотели топоры точить.

— Ну, так и ладно, — обрадовано отвечала Маня. — Брат мой, не жалко для него.

Зайдя в дом, они увидели, что Павел лежит на лавке, какой-то весь взбудораженный и взволнованный.

— Маня, мне надо тебе что-то сказать.

— Что ты, Павлик? Ладно ли всё с тобой?

— Не знаю. Чувствую только, что Лию сильно люблю, прямо очень-очень. Ты не сердись, я тут бутылку водки выпил. Толя нашёл её. Я уже Юрку в магазин послал. Мы тебе вернём.

— Да что ты, не надо. Вы с устатку, не грех и выпить.

— Маня, а ты за Лийкой сходи. Хочу, чтобы она рядом сидела.

Недолго думая, Маня пошла к Лие, которая работала на зерноскладе, отвела её в сторонку и стала быстро рассказывать:

— Подействовал приворот. Павлик тебя зовёт. Выпил он водку и говорит, что любит тебя. Меня за тобой послал.

— Ой, мамочки, так ещё не закончили мы. Тогда подмени меня, а я пойду умоюсь и — к нему.

Лия быстро сходила домой, переоделась и направилась к дому Мани, где мужчины сидели за столом и закусывали. Встретили они Лию радостно:

— Ты знаешь, Лия, — начал Юра, — Пашка всё время, пока мы сидим, говорит, что любит тебя. Мы тебя все любим.

Он как жену, а мы как родню, самую близкую. Садись рядом с мужем.

Лия взволнованно и немного с испугом смотрела на Павла:

— Ты чего домой-то не идёшь?

— Знаешь, Лия, накатило что-то прямо в сердце. Сижу и рассказываю мужикам, какая ты у меня самая-самая. Всего меня распирает. Даже хмель не берёт, а ведь вторую бутылку пью. Первую-то, из-за образов которая, почти один выпил.

— Правда, дядя Толя? — Лия спросила Анатолия.

— Да, я сначала не хотел, а теперь вот за вашу любовь и выпить не грех.

— Понимаешь, Лия, у нас ни денег больше нет, ни водки, — вмешался Юрий. — Вот если ты как любящая сноха и жена налила бы нам чего-нибудь, было бы совсем хорошо. А то ведь я уеду скоро. Когда ещё с братом посижу.

— Так не праздник ведь. Люди осудят. Да, дядя Толя?

— Осудит, кто осудит? Не больно сенокос.

— Тогда пойдёмте к нам. Есть у меня немного самогона.

Обрадованные мужики вместе со смущённой Лией направились на другой конец деревни к большому пятистенку, который много чего видел на своём веку.

Эта история могла бы этим и закончиться, если бы не признак русской природы, присущий некоторым, не только деревенским мужикам — похмелье. На другой день утром Юра пришёл в дом к сестре и попросил Маню:

— Дай какого-нибудь рассола. Голова раскалывается. Видно, приворотная водка ещё хуже действует.

— Какая водка? — спросила изумлённая Маня.

— Ой, да Толя на печи был, когда вы с Лийкой договаривались, как Пашку привораживать будете. Водку-то приворотную мы с Толей выпили, а потом разыграли вас.

— Ироды вы, нехристи, — только и сказала брату Маня.

В тот же день она рассказала Лие о том, как их одурачили мужики.

Может, всё и забылось бы потихоньку, но об этом случае узнали в деревне и стали откровенно смеяться за спиной Лии. Та несколько дней плакала, жаловалась Мане на её родню, а однажды решила умереть. Она перемыла всё в доме, убралась, оделась во всё чистое, взяла верёвку и пошла в сени. Встала на табурет, за крюк, на который когда-то в летнее время вешали детскую люльку, закрепила верёвку и сделала петлю. Слёзы катились из её глаз, когда она просовывала в петлю свою голову. Вдруг она услышала громкие крики и плач детей. Даже в таком состоянии она поняла, что кричат и плачут Манины дети. Она стащила с шеи петлю и выбежала из

дома. У самого берега реки стояли и плакали трое ребятисшек, а перед ними стояла с угрожающим видом огромная чёрная собака. Она не лаяла, но один вид её был ужасен. Шерсть её на загривке стояла дыбом, а зубы были оскалены. Лия схватила деревянные вилы и бросилась на зверюгу. Та стремглав скрылась.

— Откуда она взялась? У нас в деревне сроду такой не было.

Она обнимала всё ещё плачущих детей и успокаивала их. Прибежала Маня. Кто-то сказал ей, что её дети одни на реке. А затем пришёл с работы, на обед, Павел. Долго обсуждали произошедшее. Потом Маня с детьми пошли к себе домой, а Лия, забывшая от таких приключений о своих намерениях, пошла в дом с Пашей. Они поднялись в сени и оба увидели свисавшую с крюка петлю. Побледневший Павел перевёл взгляд на жену и выдал:

— Ты хотела?.. Да ты что?

Лия даже не плакала.

— Что мне остаётся? Ты меня не любишь. Люди смеются надо мной после того, как вы меня своими шутками опозорили.

Павел подошёл к жене, обнял её:

— Зачем же так? Уладится всё. Я от тебя не уйду. Давай уедем вместе.

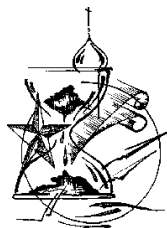
...Прошло несколько лет. В летний день около родного пятистенка было шумно и многолюдно. В родную деревню, в отпуск, приехали Павел с Лией и двумя сыновьями, Юра с молодой женой и Нила, только что закончившая медицинское училище. По такому поводу Анатолий с Маней встречали дорогих гостей не у себя в доме, а в просторном пятистенке. Звуки тальянки и смех разносились вдоль реки. А через неё по лаве в это время проходила Опрощка Затворница. Она посмотрела на счастливых улыбающихся людей, среди которых узнала Лию, что-то про себя проговорила и пошла себе дальше, не обращая внимания. Увидев её, деревенские бабы говорили между собой:

— Ведь приворожила всё-таки. А мы смеялись. Значит, сильный у неё приворот.

БИТВЕ НА КАЛКЕ — 800 лет

Вторгшись в Среднюю Азию, великий завоеватель Чингисхан отправил весной 1220 года 20-тысячный отряд на поимку своего главного противника хорезмшаха Мухаммеда в глубину его державы. Выдвинувшись из-под захваченного монголами Самарканда, команда «диверсантов» с боями прошла тысячи километров, обогнув с юга Каспий и выйдя к Дербенту. Хорезмшаха им захватить не удалось, но зато они завоевали много городов, включая ранее считавшиеся неприступными высокогорные прикаспийские крепости, победили превышавшие их по численности армии, а затем ушли на север, перевалив через горы Кавказа.

Рейд, растянувшийся на несколько лет, завершился на Калке, где всё те же 20 тысяч воинов в мае 1223 года разгромили объединённое русско-половецкое войско. После этого они по одной версии вернулись к Чингисхану, по другой — по дороге одержали победы над другими могущественными народами. Несмотря на явную фантастичность рассказа о кучке монгольских суперменов, три года без потерь сокрушавших лучшие армии мира, она прочно вошла в мировую историю. Учё-

---

ные, правда, разделились во мнениях относительно того, кто же командовал столь славным походом. На основании одних свидетельств того времени первенство отдаётся Джебе, на основании других — Субедею.

Историк Василий Никитич Татищев собрал наиболее подробную подборку летописных свидетельств о Калке. Согласно этим сведениям, русские князья, решив помочь тесным пришедшими завоевателями половцам, собрали на Днепре армию в 103 тысячи человек, ожидали подхода других русских отрядов и половецкого хана Котяна с 50 тысячами воинов. Половцы в описании последующих боёв с монголами упоминаются, так что против монголов выступило по крайней мере 153 тысячи.

С Днепра русские войска ушли на восток к Калке, на которой они были разбиты и бежали. На месте побоища остался только один великий князь киевский Мстислав Романович, собравший из бегущих несколько тысяч. В ночь было построено из подручного материала укрепление, которое обороняли три дня. На четвёртый день воевода бродников уговорил Мстислава сдаться, клялся на кресте, что ему и его воинам будет сохранена жизнь, но обманул, передал сдавшихся князей монголам, посоветовав всех убить.

В летописях отличившимся в битве показан один юный волынский князь Даниил Романович. Относительно большинства иных князей сохранились только имена в перечнях погибших.

Летописцы отметили, что домой вернулся каждый десятый. Цвет русской армии полёг на берегах Калки и при отступлении, а монголы рассеялись по незащищённой русской земле. В качестве примера обрушившихся бедствий приведено уничтожение населения города Новгорода Святополчского, пытавшегося сдаться на милость неприятеля. Иноземные источники сообщают о захвате многих городов, после чего основная территория Руси обезлюдела. Спаслись только купцы, которые сели на корабли и переправились через Чёрное море в мусульманские владения.

Трагедия на Калке потрясла русское самосознание, чему примером служит посвящённый ей цикл былин. В них заставка русских богатырей бьётся с неисчислимыми полчищами татарскими, терпит поражение и гибнет при бегстве. С этого момента наступил конец богатырской эпохи и перевелись богатыри на Руси.

С одной стороны, все русские источники свидетельствуют о грандиозности произошедших событий, с другой — виновниками всего этого учёные объявили 20 тысяч воинов

Чингисхана. Несмотря на победу, монголы вскоре ушли к своему повелителю и вроде бы просто так заглянули к нам из любопытства, походя расколошматив аборигенов. Неудивительно, что Калка не пользовалась популярностью в исторической науке. Ведь разгром кучкой пришельцев многократно превосходящей армии иначе как национальным позором не назовёшь.

Место и иные обстоятельства сражения были установлены ещё в начале XIX века Николаем Михайловичем Карамзиным. Единственная крупная дискуссия разгорелась в середине XIX века по поводу года битвы. В разных летописях она датируется 1223, 1224 или 1225 годом. Конец дискуссии был положен обнаружением у современника событий арабского историка Ибн ал-Асира фразы: «Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 году двинулись в страну русских». Дата приведена по мусульманской эре, и 620 год Хиджры продолжался с 4 февраля 1223 года по 23 января 1224 года. Кипчаками арабы называли летописных половцев. Так как день трагедии в летописях помечен 31 мая или 16 июня, следовало, что битва на Калке была в 1223 году. На этом изучение побоища было успешно завершено.

Чтобы не травмировать сограждан сомнительной страницей истории, относительно Калки, которую совсем уж замолчать было нельзя, выработали такую осторожную позицию — это было первое столкновение с монголо-татарами, прелюдия Батыева нашествия. Неудачно столкнулись, но это же не война, а так, какое-то мелкое недоразумение. В таком невнятном формате Калка известна многим. Между тем приближается 800-летие битвы и пора приступить к разбору вековых завалов лжи, под которыми погребена и практически позабыта одна из самых величественных и славных битв русской армии.

Ближе всех к истине подошёл Татищев. По его сведениям, монголов на Калке возглавлял старший сын Чингисхана Джучи, который погиб в сражении. При этом упоминается 16 июня 1224 года. Армия Джучи намного превышала 200 тысяч человек. Пришла она не с юго-востока из-за Кавказа, а с востока — из-за Волги. Это была совсем иная война, к погоне за хорезмшахом никого отношения не имевшая.

Монгольский чиновник персидского происхождения Рашид ад-Дин написал самую подробную историю завоеваний Чингисхана. У него есть такие слова: «Чингисхан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны». Среди подлежащих завоеванию названы кипчаки-половцы и Русь. Согласно «Родословия тюрков», северо-за-

---

пад мира, «куда достигнет копыто татарской лошади», по приказу Чингисхана был отдан Джучи. Подлежащие завоеванию народы также включали половцев и русов.

Это был не набег одного из монгольских нойонов, а крупное завоевательное нашествие во главе с наследником монгольского престола и вторым человеком в империи. Джучи был послан в поход своим отцом, так что на Калке было остановлено одно из чингисхановых полчищ, которое, по уточнённым данным, при переходе через Волгу насчитывало 270 тысяч человек. Для сравнения, при завоевании гигантской Хорезмской империи, включавшей большую часть Средней Азии, территорию современных Ирана, Афганистана и Азербайджана, армия Чингисхана насчитывала более 400 тысяч человек. Завоеватель выделил сыну добрую половину своих войск.

Разбив на Дону сотысячную армию половцев, Джучи присоединил к своим отрядам около 50 тысяч местных кочевников. Несмотря на понесённые в схватках с европейскими народами потери, его армия увеличилась до 300 тысяч. С русской стороны на этапах войны действовала разная численность, но в совокупности в военных действиях приняло участие чуть более 200 тысяч, включая 70 тысяч половцев. Если мы сюда присоединим кавказские народы, включая предков осетин, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов, которые подверглись монгольскому погрому, но внесли свою лепту в уничтожение завоевателей, то участников войны наберётся под 700 тысяч человек.

Военные действия происходили на широкой полосе от низовий Волги и Северного Кавказа до Днепра. Кульминацией войны была серия крупных сражений русской армии на территории от современного Таганрога до заповедника «Каменные могилы», находящегося на границе Донецкой и Запорожской областей. Жестокие бои шли при отходе войск под современными городами — Днепропетровском и Запорожье.

Из-за того, что монголы скрыли половину своей армии в глубине приволжских степей, русы недооценили противника и собрали меньшее по численности войско. Но это выяснилось уже в ходе трёхдневных боёв на Калке. Никакого панического бегства не было. На вечернем военном совете князьями было принято решение об отходе, так как из-за численного превосходства врага опасались гибели всей армии.

Под прикрытием ночи отряды ушли в разных направлениях. Великий князь с небольшим гарнизоном прикрывал отступавших, заняв оборону в возведённом укреплении на Каменных могилах. Это позволило задержать погоню, которая

настигла отходивших уже на полдороге к Днепру. Отбив, хотя и с большими потерями, атаки, войска ушли за Днепр. Легче всего отход дался отрядам, ушедшим не на запад, а на север. Часть ускользнула от погони, часть разгромила преследователей. Заключительный этап войны был связан с наиболее крупными потерями. Но это не было разгромом, так как ни один отряд не был уничтожен, а монголы при преследовании понесли даже большие потери.

Из-за панических преувеличений киевских писателей считалось, что в войне русы потеряли девять десятых армии. На самом же деле вернулась половина войска, хотя отдельные отряды (тех же киевлян) потеряли гораздо больше — около трёх четвертей. Самих монголов погибло около ста тысяч, то есть в полтора раза больше, чем русов. Десятки тысяч убитых было среди воинов из покорённых ими народов.

Восточные писатели той эпохи рисовали картину ужасного разгрома после битвы всей территории Руси, захвата множества городов, истребления большинства населения. Это были распространяемые с подачи монголов мифы, которым доверяют многие современные учёные. На самом деле, хотя летучие разьезды монголов действительно проникли глубоко, существенного значения этот налёт не имел. Пострадали только жители одного городка, по наивности сами вышедшие безоружными навстречу захватчикам.

К Чингисхану вернулось только около трети отправленной в поход армии. Плоды её многомесячных завоеваний были потеряны. Давно планируемый карательный поход на восставший на границе с Китаем Тангут из-за этого похода и его последствий сдвинулся на два года. Это грозило потерей завоеваний в Китае, так как тангутцы энергично сколачивали антимонгольский союз. Западный поход Джучи был крупнейшей геополитической неудачей Чингисхана, и сведения о нём в монгольской традиции истреблялись либо искажались.

Смерть Джучи также была овеяна легендами — запущена целая серия недостоверных версий. Но раскопки советских археологов в мавзолее Джучи на территории южного Казахстана показали, что у него была отрублена правая рука и раскроен череп. Это подтвердило сведения Татищева о его гибели в битве.

Чингисхан был злым гением человечества. Его обуревала мечта о мировом господстве, и он ненавидел окружающий мир. Ему удалось создать крупнейшую и сильнейшую армию на Земле того времени, спаянную железной дисциплиной, применявшую самые передовые тактические приёмы

ведения войны, вооружение и осадную технику, которой заведовали китайские инженеры. Но человеконенавистническое мировоззрение вело только к разрушению цивилизации, уничтожению народов. Все, кто не становился воином его армии или слугой по её обслуживанию, подлежали уничтожению. Поэтому по команде завоевателя в захваченных городах сотнями тысяч истреблялись мирные жители. На роль воинов они не годились, а столько слуг ему не было нужно. По оценкам современных учёных, воины Чингисхана в Средней Азии вырезали до 80% населения.

Одновременно Чингисхан был корифеем информационных войн. Он создал систему искусственного преувеличения успехов и преуменьшения неудач, запрета на упоминание неприятных для его власти событий. Так, погибший в ходе одной из войн с Китаем его старший сын Би-инь был вычеркнут из монгольской истории. Его имя запретили упоминать, а старшим сыном был объявлен его младший брат Джучи. От войн с этой страной остались только победоносные эпизоды. Сама биография великого завоевателя пестрит тёмными пятнами, и историкам ещё предстоит их освещение.

Причиной искажений событий на Калке, запутавших историков, была составленная в начале 1230 года по заказу монгольских властей талантливая, но насквозь лживая повесть о завоевании Хорезмской империи. Она появилась для информационной подготовки покорения её южной половины, сбросившей весной 1223 года монгольское иго. Нашествие на освободившиеся территории началось в сентябре этого года. Списки повести широко распространялись, и один из них попал в руки жившего в Мосуле ал-Асира, включившего монгольскую версию событий в своё сочинение.

Создавая миф, монголы не заботились о хронологической точности. Описание ал-Асиром завоеваний, почерпнутое из монгольской повести, грешит многочисленными временными сбоями. Ошибочное удревление на год датировки битвы на Калке — одна из таких погрешностей. И опять более прав был Татищев.

Задачей информационного вброса было запугать элиту противника и их соседей удалью монгольских воинов, которые малыми отрядами громили большие армии. Одним из примеров этой непреодолимой мощи стала легенда о рейде Джебе, составленная из реалий целого ряда разных походов, в которых он участвовал.

Джебе был объявлен предводителем войск на Калке из-за запрета на сведения о гибели Джучи. Так как Субедей на-

---

много пережил Джебе, он позднее приписал себе все их совместные успехи, что усилило дискуссии в научной среде. А поскольку известий о первенстве Субедея оказалось больше, главным суперменом при Чингисхане стали считать его.

Летописные искажения были связаны с тем, что автором основных сведений о побоище был галичанин. Выгораживая своих князей, ушедших домой ещё до основных сражений, он выдал за решающий бой одно из сражений авангарда, чтобы показать его бегство в ходе общего отступления русской армии.

Авангард состоял из галицко-волынских отрядов, возглавляемых галицким князем Мстиславом Удатным. Так как ко времени составления рассказа писатель был на службе у князя Даниила Романовича, он сделал своего повелителя главным героем войны. Великого же князя Мстислава Романовича клеветнически показал устранившимся от битвы и не пришедшим на помощь его доблестным землякам. На самом же деле посланное великим князем подкрепление спасло отступавший авангард от полного уничтожения.

Взятое из галицкой версии событий 31 мая стало считаться днём основной битвы. В действительности оно соответствует началу отхода авангарда с полуострова под Таганрогом. Более правильна дата Татищева и ряда летописцев — 16 июня, на которое пришлась гибель Мстислава Романовича и его отряда, ставшая апогеем трагических событий завершения войны.

Северо-западные летописцы, зная от торговавших со Средней Азией своих болгарских соседей о мстительности монголов, скрыли участие ростовского отряда в событиях на Калке, так как он был причастен к гибели Джучи. По их версии, князь Василько опоздал и вернулся с полпути домой, узнав о поражении.

Но более ядовитым по последствиям оказалось творчество одного из киевских священников из числа участников похода. Он попал в плен и был обработан монгольскими мастерами психологического воздействия. Ему внушили, что русские князья совершили трагическую ошибку, отказавшись от мирных предложений, что Чингисхан великий милостивец и избранник Бога, а противники его получают небесное возмездие и погибнут. Подкреплением этих тезисов стали демонстрация казни тысяч пленённых защитников Каменной крепости и мученическая гибель пленных князей.

Поддавшийся на вражескую пропаганду пленник был обласкан и отпущен. Других более твёрдых в своих убеждениях его товарищей уничтожили, и коллаборационист стал одним

из главных поставщиков сведений о войне. Вернувшийся из плена носитель стокгольмского синдрома стал проповедовать греховность сопротивления монголам, и эти тлетворные осуждающие мотивы проникли не только в летописи, но даже в былины.

В результате возникших по разным причинам фальсификаций и недоверия к сведениям Татищева правда о Калке оказалось на века сокрытой.

Поразительны аналогии стародавних и современных событий. На Калке было остановлено нашествие одного из самых кровавых завоевателей всех времён и народов. Сегодня на полях Донбасса ведётся отражение агрессии коллективного Запада. Мнящие себя тайными правителями Земли безответственные политики пытаются утвердить однополярный мир для подчинения и эксплуатации всего человечества.

Венгерский писатель Рогерий, очевидец разорения Венгрии в 1241 году, оставил такой рассказ о действиях монголов:

«Наконец после разорения всей той земли татары, небольшим числом своих воинов собрав множество пленённых русинов, команов и венгров, со всех сторон окружили большое поселение и выслали вперёд на битву захваченных венгров, а после того, как все они были перебиты, — русинов, исмаилитов и команов.

Татары же, стоя позади них, смеялись над гибелью их и падением, и те из них, кто отступал, попадали в водоворот мечей. Сражаясь днём и ночью, за одну неделю засыпав рвы, они захватили поселение».

Завоеватели предпочитали быть в заградотрядах, убивая плохо сражающихся своих рабов и веселя кровожадную душу видом их смерти. Другой венгерский писатель, Юлиан, также отмечал, что подневольных воинов монголы гнали впереди себя, убивали отступавших, а о храбро погибших в бою не заботились, бросая их тела без погребения.

Современные претенденты на мировое господство также предпочитают воевать чужими руками. В качестве расходного материала для своих амбициозных планов они используют в заградотрядах трусливых и жестоких украинских нацистов, достойных преемников Гитлера и Чингисхана. Продажные украинские правители за щедрое вознаграждение готовы поставить под ружьё миллионы соотечественников и сжечь их в горниле братоубийственной войны, подрывая генофонд своего народа.

Всё это напоминает методы захватчиков на Калке, бросавших вперёд воинов из покорённых народов, сберегая свою армию. Только действовали они не деньгами, а силой страха.

Сегодня погибших солдат украинской армии также бросают на полях сражений, их гибель скрывают, чтобы сэкономить на выплатах семьям. Сотни тысяч укронацистов уже убиты, миллионы бежали на Запад, чтобы раствориться в качестве прислуги среди местного населения. Так западные стратеги расчищают плодородные восточные территории от неполноценного, по их мнению, славянского населения, попутно пытаясь поставить Россию на колени, лишить её суверенитета.

Не случайно венгры, лучше знающие свою историю, нежели заменившие её лживыми мифами украинцы, не торопятся участвовать в авантюре на Донбассе под руководством кураторов из американских спецслужб.

Наряду с военными действиями во всемирном масштабе ведётся лживая пропаганда, в которой чёрное выдаётся за белое и наоборот. Современные нацисты, палачи собственного народа, грабители, наркоманы и извращенцы, продолжающие кровавые традиции обожещаемых ими бандеровцев, выдаются за спасителей современной цивилизации, рыцарей без страха и упрёка.

Битва на Калке достойна увековечивания. Воины сражались мужественно, князь подавал пример самопожертвования, армия воевала умело и нанесла превосходящему по численности врагу урон, сорвавший все его планы.

Наилучшим местом для будущего главного мемориала является район Каменных могил, конечно, с учётом особенностей этого уникального природного заповедника. Памятников в честь стародавних событий достойны города Мариуполь, Донецк, Таганрог, Запорожье, Днепропетровск, Херсон, Киев, Чернигов, Ростов-на-Дону, Галич, Владимир-Волынский, Гродно, Смоленск, Рязань. Здесь шли сражения, по числу участников превышавшие битву на Куликовом поле, или происходили значимые события, либо формировались наиболее крупные отряды, участвовавшие в самой масштабной войне Киевской Руси.

Каменные могилы — ратное поле русской воинской славы, место героических боёв наших предков с пришельцами, гибели великого князя Мстислава Романовича и его соратников. К тому же это самое древнее и самое главное святилище всего Северного Причерноморья.

Природные скалы среди бесконечных степей воспринимались в древности окаменевшими богами-первопредками. Вокруг них в курганах хоронили царей, потомков этих богов. Два кольца курганов охватывают Каменные могилы. Самые древние захоронения в этом районе относятся к эпохе пер-

---

вых индоевропейцев Северного Причерноморья — носителей ямной культуры, которая бытовала здесь примерно с середины III тысячелетия до нашей эры. От них произошли основные народы Восточной Европы, включая славян. Так что святилищу наших предков около 45 веков, и оно ровесник пирамиды Хеопса.

В 514 году до нашей эры персидский царь Дарий, мечтавший покорить весь обитаемый мир, во главе армии в 700 тысяч человек вторгся в Скифию. В ответ на его предложения прекратить бесконечные отступления по степям и закончить войну битвой, скифский царь Иданфирс предложил ему пройти к могилам его предков и попытаться разрушить их, чтобы персы узнали, будут ли с ними биться скифы. Согласно сведениям древнегреческого историка Геродота, писавшего всего через полвека после этих событий, священным для скифов местом были Каменные могилы, которые тогда назывались Герры, что греки переводили как Старые. Уже две с половиной тысячи лет тому назад святилище считалось древним.

Дарий не осмелился вторгнуться в почитаемое скифами место, хотя находился от него неподалёку — в низовьях Днепра, и кочевники зазывали его перейти вброд реку у современного острова Хортица, откуда вела торная дорога. Персы, измученные скифскими нападениями на отряды, искавшие пропитание, ушли обратно, потеряв по пути много воинов. Так бесславно закончилась попытка предшественника Чингисхана, Гитлера и Байдена захватить священную землю Донбасса.

Следует встретить юбилей битвы на Калке прославлением всех защитников Северного Причерноморья, от глубокой древности до современности обильно проливавших свою кровь ради свободы наших народов.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

470 лет назад, 2 октября (ст. ст.) 1552 года, русскими войсками во главе с 22-летним царём Иваном IV Грозным штурмом была взята Казань — столица Казанского ханства.

Казанский поход готовился долго и обстоятельно. Ещё в 1551 году на правом берегу Волги вблизи Казани была построена крепость Свияжск, ставшая главной военной базой Москвы на востоке. 16 июня 1552 года царские войска после торжественного смотра в Москве выступили в поход двумя колоннами. Одна — через Владимир и Муром, другая — через Рязань и Мещеру. За рекой Сурой колонны соединились и 13 августа вошли в Свияжск. В 150-тысячной армии русские составляли не более половины, остальные — касимовские, ногайские и астраханские татары, мордва, черемисы (марийцы), чувашаи, вотяки (удмурты) и др. народы Поволжья. Среди них были и представители татарской знати из числа союзников Москвы. Покровители Казани, крымские татары, попытались сорвать поход, но лишь задержали его на четыре дня — войска Девлет-Гирея были разбиты под Тулой.

---

23 августа армия подошла к Казани, хорошо подготовленной к обороне. Кремль был огорожен двойной дубовой стеной, заполненной внутри смесью глины и щебня, с 11-ю каменными башнями. С двух сторон были естественные преграды — реки Казанка и Булак, в остальных местах — рвы шириной 6—7 м и глубиной до 15 м. 27 августа с артиллерийского обстрела началась осада Казани, которую оборонял 40-тысячный гарнизон. Ещё один 20-тысячный отряд находился за пределами крепости и пытался наносить удары по тылам московского войска, правда, без особого успеха — вскоре он был уничтожен воеводами А. Горбатым и П. Серебряным, применившими изобретательную тактику. Русское войско было хорошо оснащено артиллерией, а осадные орудия особо крупного калибра даже имели собственные имена: «Кольцо», «Соловей», «Ушатая» и др.

В течение сентября навели мосты через ров, а в намечавшихся местах штурма ров засыпали, под стенами сделали подкопы и установили в них бочки с порохом. Первый взрыв уничтожил тайный ход к воде. Другие взрывы повредили стены и разрушили одни из ворот. Напротив Царёвых ворот соорудили 13-метровую (выше крепостных стен) осадную башню, на ней установили 10 больших и 50 малых пушек, из которых обстреливали не только стены, но и улицы города. К штурму было всё готово, и командование Русской армии отправило в город мурзу Камая с предложением о капитуляции, но оно было решительно отвергнуто.

2 октября штурм начался. Прогремели два мощных взрыва, и в образовавшиеся проломы в стене ворвались русские воины. На улицах завязались кровопролитные бои. Казанцы ожесточённо сопротивлялись, зная, что пощады им не будет — ненависть русских к ханству копилась многие десятилетия. Завершились сражения у ханского дворца взятием в плен хана Ядыгар-Мухаммада.

После окончания боёв в город вступил Иван Грозный. Он приказал потушить пожары и водрузить православный крест на Царских вратах. В качестве военных трофеев он взял себе татарские знамёна, пушки, остатки пороха и... казанского хана, которого крестил под именем Симеона и подарил тому в удел Звенигород. Остальные трофеи достались ратникам. В честь этого исторического события по приказу царя Ивана был построен храм Василия Блаженного (Покрова-на-рву) на Красной площади в Москве.

С военной точки зрения операция по взятию Казани была подготовлена и проведена блестяще, с минимальными потерями для Русской армии. Тактика проведения этой опера-

---

ции с широким использованием минно-подрывного дела стала новым словом в мировом военном искусстве той эпохи. Такова военная сторона дела. Но была ещё и геополитическая.

Во-первых, на месте Казанского ханства был создан надёжный плацдарм для обороны восточных границ России.

Во-вторых, в состав России вошло Среднее Поволжье, а после покорения Астраханского ханства в 1556 г. — и всё Поволжье. С тех пор Волга стала именоваться Русскою рекой. Контроль над волжским речным путём дал мощный толчок развитию торговли как собственной, так и транзитной, со странами Прикаспия и Средней Азии.

В-третьих, ликвидация ханства открыла России пути на восток, с последующим освоением и заселением Урала и Сибири. В 1558 году царь Иван Васильевич пожаловал Григорию Строганову огромные владения Уральского Прикамья, вплоть до реки Чусовой, а через 10 лет земли по Чусовой пожаловал его брату Якову. Строгановы развернули там бурную деятельность: развивали земледелие, солеварение, рыбные, охотничьи и рудные промыслы, строили города и крепости, содержали свои вооружённые силы, которые подавляли набеги местных племён и присоединяли к России новые земли на Урале и в Зауралье. Они же в 1581 году снарядили в поход против сибирского хана Кучума и отряд Ермака.

В-четвертых, — и это главное — было ликвидировано враждебное государство, которое систематически совершало набеги на русские земли, грабило материальные ценности, уводило скот, захватывало в плен мирных жителей и продавало их в рабство. Работоторговля, причём торговля именно русскими рабами, составляла вторую статью дохода ханства. При взятии Казани было освобождено несколько десятков тысяч русских пленников. Сколько их было захвачено за 114 лет существования ханства, историки спорят до сих пор — миллион или два миллиона, ибо за всё это время было лишь несколько непродолжительных мирных периодов, когда у власти в Казани находились лояльные Москве ханы. Борьба в Казани двух партий — миролюбивой промосковской («оседлой») и агрессивной прокрымской («кочевой»), к сожалению, чаще заканчивалась победой второй партии. Недаром царь Иван считал этот поход освободительным и в честь него построил храм Покрова-на-рву на Красной площади в Москве.

Можно было бы и не вспоминать то далёкое историческое событие, если бы о нём не вспоминали сами казанские татары. Уже в конце 1980-х годов (эпоха горбачёвщины)

они заговорили о падении Казани как о трагедии в татарской истории, как о начале жестокой русской оккупации. Они «запамятовали», чем было Казанское ханство для Московской Руси. Напомним им слова философа и историка И.А. Ильина:

«Татары громили Московское царство с трех сторон: от Казани, от Сарая и из Крыма... Москва имела все основания считать Казань своим опаснейшим врагом: казанские татары были ближайшими, а потому и наиболее предприимчивыми громилами... Тогдашний полон был явлением жестоким: он вел к пожизненному рабству с правом продажи в другие страны. По словам летописи: татары русских «куют в цепи и по ямам полон хоронят». Тотчас же после завоевания Казань выдала русских пленников... 60 000 пленных вернулось из Казани только через Свияжск; и несметное число вернулось на Вятку, Пермь, Вологду. Общее число освобожденных из одной Казани, наверно, доходило до 100 000 человек. Это означает, что татары искореняли Русь не только грабежом, огнем и боевым мечом; они изводили ее и рабством плена...»

Они полностью игнорировали тот факт, что Московская Русь никогда татар не «искореняла грабежом, огнём и боевым мечом, не изводила их рабством», что после покорения ханства царь Иван не тронул ни мечетей, ни татарских культурных и духовных традиций, сохранил местное самоуправление, а татарскую знать приравнял к русскому дворянству. Они забыли даже, что за последующие века Россия у татар стала общим с русскими Отечеством, которое они вместе защищали в 1612, 1812, 1914 и 1941 годах.

Многие татарские политические деятели стали превращать дату падения Казани в антирусскую сепаратистскую кампанию. Уже в 1990-е годы в Татарстане широко отмечали день взятия Казани как День защитника Казани. В 1992 году там отказались подписывать Федеративный договор и провели референдум о государственном суверенитете. Конечно, подобные демарши были спровоцированы политикой развала государства и разнузданной русофобии горбачёвско-ельцинской власти («Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»).

Хотя сегодня о суверенитете там громко говорить побаиваются, русофобия продолжает процветать. Достаточно вспомнить, что 80% должностей чиновников и членов правительства занимают татары, хотя русское население составляет 41%. Достаточно вспомнить, что в одних школах русских родителей обманом или шантажом заставляют, чтобы их дети учили татарский язык в качестве родного, в других

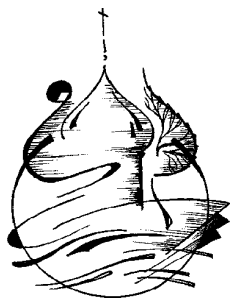
школах вообще отказываются преподавать на русском языке. В итоге начальник управления образования Казани И. Ризванов с радостью доложил, что 34% русских школьников выбрали татарский язык. Достаточно вспомнить и совсем недавнее событие — многократное осквернение могилы русского человека В. Смирнова, за что никто не ответил (хотя виновники известны), зато родственники покойного подверглись гонениям.

Видимо, «брат Казань» нужно второй раз. Не вооружённой силой, конечно, а способом, когда-то предложенным покойным В.В. Жириновским: превращением Татарстана, как и всех других национальных автономий в РФ, в обычное территориальное образование, имеющее равные права (в том числе и национальные) с остальными краями и областями России, а заодно и исключением из названия нашего государства слова «Федерация».

ГЕНОЦИД

Этот термин международного права Большая Российская энциклопедия определяет следующим образом: «... действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религ. группы как таковой путём убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудит. передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физич. уничтожение членов этой группы».

Основная часть перечисленного здесь вполне соответствует той политике, что проводили власти Речи Посполитой в XVII и особенно в XVIII веке по отношению к русскому народу, составлявшему в лице малороссиян и белорусов значительную часть населения этого государства. Усиление геноцида в XVIII веке было вызвано ослаблением влияния Запорожского казачества на внутренние дела Польши и Лит-

СИМВОЛ ВЕРЫ

вы в связи с принятием большей его частью российского подданства.

«Речь Посполитая» — переделанное на польский манер римское слово «Республика», в буквальном переводе означающее не что иное, как «общее дело». Однако, испытывая непреодолимое желание примазаться к всемирной чужой славе, политический строй Римской Республики поляки извратили значительно сильнее, чем звучание слова. В древнем Риме в управлении государством участвовали прямо или посредством подачи голосов все граждане. По мере роста Римской Республики увеличивалось и количество её граждан. Позднее, во времена принципата, в 212 году император Каракалла даровал права римского гражданства всему населению империи (разумеется, за исключением рабов) вне зависимости от их национальной, расовой или религиозной принадлежности.

Власти Речи Посполитой шли в своей политике строго противоположным образом. Русский православный народ фактически оказался поражённым в своих правах. Если в пределах Великого Княжества Литовского он не испытывал дискриминации, а русский язык имел статус государственного, после образования в 1569 году из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского Речи Посполитой гражданские права оставались русскому народу только при условии принятия папской веры либо унии. И чем дальше Речь Посполитая развивала свою гражданственность, тем в ней меньше оказывалось полноправных граждан. Это олигархическое государство, где господствовали шляхта и папское духовенство, стало пародией на Римскую Республику. Оно сделалось чёрной дырой Европы и позором человеческого рода, поэтому и было в конечном итоге упразднено соседними государствами.

Процитирую ниже довольно обширный фрагмент из «Истории Русской Церкви» Николая Дмитриевича Тальберга, поскольку приводимые им примеры говорят сами за себя, и вряд ли удастся охарактеризовать их иначе, нежели геноцид:

«Правительство издавало суровые законы против православных. В 1717 г. запрещено было строить православные храмы и починять ветхие. Затем отнято было у православных право участвовать в сеймиках для избрания депутатов на общий сейм. В 1733 г. сейм устранил всех «диссидентов» (православных и лютеран) от всех общественных должностей. Всё это делалось под давлением пап и их епископов. Поощрялись фанатические выступления против православных».

«Трудно изобразить все жестокости, — пишет архиеп. Филарет, — какие позволяли себе делать против православия. Не оставалось позорного имени, которым не клеймили бы публично православных. Теперь веру их называли уже не только холопскою верою, но верою арианскою, собачьею. Украина и Белоруссия назывались partes infidelium — «странами неверных»; туда отправлялись толпы базилиан и доминиканов, в виде миссионеров, а им на помощь спешили меч и инквизиция. Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, травили собаками, рубили им саблями пальцы, ломали руки и ноги; кто и затем оставался ещё в живых, но не хотел уничи, тех выгоняли из домов, и приюта изгнанникам и семействам их не смело давать сострадания. В 1736 г. епископы папские выпросили у короля универсал — не иначе поставлять православных священников, как по соизволению самого короля, а помещики давали одобрения (prezenta) только соглашавшимся на унию. На монастыри днем делали нападения, грабили или жгли их, монахов терзали, чем могли, часто убивая до смерти. Не говорим об имениях церковных и монастырских, которые были отнимаемы разбоем. Деревенских обывателей и мещан мучили бесчеловечными пытками, чтобы сделать униатами или римлянами».

Если бы не заступничество всё более набиравшего мощь Российского государства, русский православный народ подвергся бы в Польше и Литве полному уничтожению. Согласно мирному договору от 1686 года, Речь Посполитая обязалась не чинить православным препятствий в их вероисповедании. Однако обязательство это существовало лишь на бумаге.

Что уничтожение православного русского народа в пределах Речи Посполитой было не спонтанным явлением, но осуществлением заранее разработанной программы, церковный историк Иларион Чистович доказывает существованием документа, принятого как руководство к действию на сейме 1717 года. Он представляет собою своего рода прообраз гитлеровского плана «Ост»:

«В 1717 году появился проект, представленный сейму и разосланный на сеймики, об окончательном истреблении русской веры и народности в Русских областях Польши, обрекая на это уничтожение не только православную, но и униатскую веру, которая все же была русской. Проект предлагал не допускать русских дворян ни к каким государственным должностям, не заводить с ними никакой дружбы, разве для своей выгоды; не допускать их получать просвещение, и, оставая в невежестве, доводить до нищеты и крайнего презре-

---

ния; позволять жидам селиться в русских городах, «ибо жида, по природной своей пронырливости, приберут в свои руки все доходы и, вытеснив русских из городов в предместья, вышлют их на барщину»; епископов назначать таких, которые находятся в связях с фамилиями римского исповедания и не допускать к заседанию в сенате, а попов оставить без образования и в невежестве, дабы они сами не могли знать начала своих обрядов и не могли научать народ, что эти обряды происходят от св. отцев; лучшее средство для этого держать их в крайней бедности, изнурять всякими поборами, чтобы не могли запастись схизматическими книгами, и стеснить так, чтобы они не могли ни повышаться, ни думать, ни делать, что пожелают: те и другие должны быть подчинены ревизии латинских прелатов, дабы за непристойное поведение были публично наказываемы; сыновей попов не допускать до образования и потом, как не получивших образования, обращать в крестьянство; крестьянским сыновьям запретить учиться в школах. Чтобы оправдать такой образ действий, полезно собрать все встречающиеся в схизматических обрядах несообразности, оскорбительные слова и действия против римлян, а если бы этого не было достаточно, разглашать хорошо обдуманное против них вымыслы; а еще полезнее секретно распространять от имени их попов или же самих владык русские сочинения, вредные Речи Посполитой, имени польскому и католической вере. Все эти меры нужно начать с тех уголков страны, где больше католиков, чем русинов; в случае возмущения, если трудно будет предавать смерти или усмирять бунтующих, не должно жалеть отдавать их в рабство татарам, а оставшийся край заселять народом польским и мазовецким».

В ответ на мольбы русских православных людей о защите царь Пётр Алексеевич приказал своему посланнику в Варшаве князю С.Г. Долгорукому создать в Могилёве комиссию, которая бы расследовала обиды, наносимые православным. Канцлеру графу Головкину приказано было дать знать о гонениях в Рим кардиналу Спиноли, чтобы тот сделал соответствующий доклад папе. В послании кардиналу было сказано:

«Его Величество в своей империи не допускает чинить никакого препятствия в отправлении духовным римского исповедания, паче же им позволяет всякую свободу и костелы. А ежели католики польские и литовские не престанут такое гонение чинить христианам греческого закона, принуждая их с таким непристойным насилием к унии, то Его Величество принужден будет против своего намерения пове-

---

леть, в репрессалию оного, духовным латинского закона, в России обретающимся, отправление того закона запретить».

Увы, русофобия вошла в плоть и кровь польско-литовских шляхты и духовенства, поэтому если изредка и раздавались вялые окрики из Рима, никакого действия они не имели.

Позднее пыталась деятельно заступаться за православных русских людей Речи Посполитой императрица Елизавета Петровна. По её требованию была вновь создана комиссия для принятия жалоб от православных. Но власти Речи Посполитой сделали всё, чтобы ни одна жалоба просто не дошла до комиссии. Епископ Могилёвский Иероним Волчанский писал тогда её председателю Голембовскому:

«Не только ни одно духовное лицо не может явиться в комиссию со своими жалобами, но и ко мне являться с жалобами им запрещают. Духовенство боится бывать у меня и со своими церковными нуждами; а которые прежде письменно доносили мне о своих обидах, — те теперь очень об этом жалеют, боясь за свое здоровье и жизнь, видя пример священника Расенского-Цитовича, который для сохранения жизни оставил церковь, дом, жену и детей, ушел в Могилев, скитается здесь теперь и для спасения от смерти собирается уйти за границу. Огинский, надворный маршалок Литовский, в нынешний проезд свой в Вильну для открытия трибунала, заехал в Борисов, где приказал всем обывателям стать перед собою, склонял их к унии и, наконец, приказал борисовскому своему подстаросте, что если кто подаст мне жалобу на религиозное гонение, то для таких челобитчиков поставить колья и виселицы, причем запретил починку церкви и колокольни, венчание, крещение младенцев и прочие обряды».

В 1755 году архиепископом Могилёвским был назначен Георгий Конисский, выпускник Киевской духовной академии. О первых годах его архипастырства так пишет церковный историк профессор Пётр Васильевич Знаменский:

«Георгий Конисский однажды в Орше едва спасся от католического изуверства, выехав из города в телеге, прикрытой навозом; в другой раз толпа иезуитских школяров напала на его собственный архиерейский дом, перебила и переломала всё, что попало под руку, архиерейских людей и монахов избила и изувечила, сам же архиерей едва успел укрыться в одном сыром подвале. Иезуиты нередко таким образом натравливали своих школяров на самые возмутительные насилия; эта нафанатизированная ими молодежь делала опустошительные набеги на православные церкви и монастыри, разбивала похоронные и др. процессии православных,

---

причем нечестиво ругалась над святынями, топтала ногами кресты, рвала облачения. Все подобные вещи представляемы были в виде только детских шалостей и оставались безнаказанными. Другим подручным воинством иезуитов были разнузданные польские жолнеры и уличная чернь. Но и сами паны и польские власти постоянно прибегали к насилиям и жестокостям, как только им приходило в голову возрешовать о распространении католичества или унии. То там, то в другом месте пан начинал приводить в унию «схизматицкого» попа, бил его плетью, морил в тюрьме, кормил в насмешку одним сеном, запрягал в телегу для возки воды или навоза, травил собаками, рубил пальцы и т.п. Приказчик пана силой врвался в православную церковь во время богослужения и выгонял плетью и народ, и духовенство... Миссия загоняла народ, как скот, плетью в костел или униатскую церковь и всех записывала в число обращенных, а несогласных на такое обращение отдавала под суд как отступников. Православные церкви обращались в униатские, остававшиеся за православными запрещено было ремонтировать. Сама уния была всё более и более наклоняема к сближению с католичеством».

В 1762 году владыка Георгий присутствовал на коронации императрицы Екатерины II. Воспользовавшись случаем, он произнёс перед государыней сильную речь в защиту своей уничтожаемой папским изуверством паствы:

«Одна только вера ставится нам в преступление... Христиан гнетут христиане, верных — верные, более чем неверные. Наши храмы, где прославляется Христос, затворены, а жидовские синагоги открыты. Что мы не дерзаем преданий человеческих ставить наравне с вечным законом Божиим, не мешаем с небом земли, за то называют нас раскольниками, еретиками, отступниками. За то, что страшимся бесстыдно поступать против совести, присуждают нас в темницы, на раны, на меч, на огонь».

Бывший на коронации Польский король Станислав Август, пристыжённый присутствующими, обещал православным своё покровительство. Но и короля в разложившемся польско-литовском государстве уже не слушали. Н.Д. Тальберг пишет:

«Речь Конисского обратила на себя внимание всей Европы: ее переводили на все языки и читали со скорбию. Отголоском живейшего участия Европы в судьбе диссидентов служили самые дела дворов: вслед за твердою нотою князя Репнина о восстановлении в Польше прав иноверцев, дворы: английский, прусский, шведский, датский потребовали

того же от Польши. Сейм, увлеченный фанатизмом краковского бискупа Каэтана Солтыка, отверг требования пяти дворов; мало того, — положил еще более стеснить свободу в вере. Это решение произвело всеобщий ропот в Польской Пруссии и в Литовском княжестве. В Торне и Слущке составились конфедерации дворян с протестациею против сейма. Вслед за тем явились союзы в других местах, числом до 200. Георгий издал тогда древние «права и вольности жителей греческого исповедания в Польше и Литве». Императрица издала манифест и велела двинуть войска к Польше».

Лишь угроза насилием подвигла власти Речи Посполитой, что называется, превозмогая скрежет зубовой, формально дать православным и протестантам равные с папистами и униатами права. Это было сделано на сейме в 1768 году после того, как три вождя непримиримой партии были арестованы князем Репниним. В ответ на укоризны папы Климента XIII по поводу решения сейма король Станислав Август ему писал: «Не уступая немногого, потерям всё».

Вот как описывает польскую «веротерпимость» и «рыцарство», якобы присущее шляхте, архиепископ Георгий Конисский:

«Детей били розгами пред глазами матерей, матерей — пред глазами детей. Тут вопли и рыдания, какие слышны были, может быть, только при Ироде... На моих глазах несколько раз секли девицу сперва розгами, потом шиповником, чтобы отрелась от веры нашей, и — не отрелась. Женщину с грудным младенцем полгода держали в тюрьме; младенца она лишилась там же, а муж бит и замучен особо; ей самой жгли пальцы, чтобы отрелась нашей веры, и — не отрелась. Другая в местечке Невле закована была в куницу (в железный тесный ошейник) и удавлена».

Как же повлияли решения сейма на польско-литовское общество? Лишь раздражающим образом. Потому что для людей, привыкших каждый день попираť Божеские и человеческие законы, никакой сейм не указ. Н.Д. Тальберг замечает:

«Польская шляхта и католическое духовенство не пожелало признать постановления сейма. Каменецкий бискуп Красинский ходил в одежде пилигрима по Польше, возбуждая ненависть к диссидентам. Папский нунций и духовенство... проповедовали крестовый поход против православной России. 29 февраля 1768 г. состоялась конференция в подольском городе Баре. Лозунгом ее было «за веру и свободу» — т.е. в защиту умаленных прав католической церкви и против покровительства России, которая получила право

надзора за внутренней жизнью Польши. В борьбе за свои права «Барские конфедераты» не щадили православного народа. Архимандрит Матронинского мон. Мельхиседек был посажен в тюрьму. Начались истязания священников и православного народа. Некий Кожевский был обвернут пенькою и сожжен».

После всего этого организованного папским духовенством и шляхтой зверства запыхало восстание. По этому поводу Станислав Август писал своей старой знакомой мадам Жофрэн (у которой в Париже был знаменитый светский салон):

«Несколько фанатиков стали грозить крестьянам нашей Украины всевозможными бедствиями, если они не перестанут быть греками неуниатами и не обратятся в греков униатов, т.е. не перестанут объяснять Троицу, как объясняют ее в Петербурге, и не начнут объяснять ее по римскому способу. Судите, могут ли несчастные крестьяне тут понимать что-нибудь? Но этого было достаточно, чтоб возмутить их, а восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда взмутятся. Они теперь побивают своих господ с женами и детьми, католических священников и жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечем против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы».

Закончилась история тем, что Станислав Август обратился за помощью в усмирении своих истреблявших друг друга подданных к императрице Екатерине. Гражданская война в Речи Посполитой была закончена русскими войсками, после чего (в 1772 году) произошёл первый раздел Польши. Россия получила контроль над частью многострадальной Белоруссии, после чего здесь наступил религиозный мир.

Тем с большим фанатизмом действовали поляки на оставшейся в их власти Правобережной Украине. Как пишет Тальберг, в одном только 1776 году 800 православных храмов здесь были превращены в униатские, в последующие годы эта цифра всё более возрастала. Рукоположенный во епископа Переяславского для управления православными приходами Речи Посполитой Виктор Садковский, тотчас после принесения присяги на верность этому государству, был арестован. Только второй раздел Польши даровал ему свободу.

Как в 2016 году агонизировавшее Украинское государство решило разрушить на своей территории православие переподчинением его Константинополю, так значительно того

раньше нечто подобное пыталась сделать Речь Посполитая. В 1791 году в Пинске состоялась конгрегация православных, постановившая уйти в юрисдикцию Константинополя, патриарх которого предварительно дал на это своё согласие. Решение конгрегации одобрил сейм Речи Посполитой. Однако осуществлению задуманного помешал в 1793 году второй раздел Польши, по которому к России отошли Минск, Подолия и Волынь.

Недовольные установлением русских порядков поляки подняли восстание. В Великий Четверг 1794 года они коварно умертвили две тысячи русских солдат, расквартированных в Варшаве. Ответом стал штурм Варшавы Суворовым и третий раздел Польши в 1795 году, по которому к России отошли Литва с Курляндией.

Насильственное и при этом поверхностно-формальное принятие унии населением Белоруссии с Правобережной Украиной не успело развратить душ русских людей, поэтому при открывшейся свободе вероисповедания они массово возвращались в православие. Никто не сделал столько для спасения этих, как правило, неволею заблудших овец, сколько Могилёвский архиепископ Георгий Конисский.

Императрица Екатерина, оставаясь верной принципу веротерпимости, узаконила и папскую церковь, и униатскую, никак не притесняя приверженцев этих исповеданий. Тем не менее, к концу её правления количество униатов, возвратившихся в православие, дошло до двух миллионов, и с ними были возвращены 2300 храмов. И это стало лучшим доказательством ранее творимого Речью Посполитой геноцида.

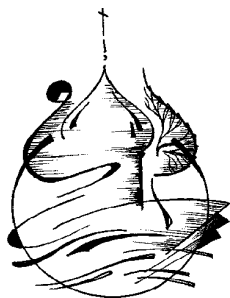
ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Появился Василий на свет в храме Божиим в холодном декабре 1468 года, как бы предвозвещающая будущие свои слова, охватывающие всю его земную жизнь: «Если люта зима, то сладок рай».

По преданию, это произошло в притворе Елоховского храма в честь Владимирской иконы Богородицы, где мать его Анна горячо молилась о благополучных родах. Они с мужем Иаковом были прихожанами этой церкви. (Спустя два с лишним века, 8 июня 1799 года, на третий день после рождения, здесь крестили Пушкина, о чём свидетельствует памятная доска на входе.)

Ныне Елоховский Богоявленский собор — в центре Москвы. Елох название села, где жили родители, по древнерусски «ольха», и речка была под названием Ольховка и ручей Елоховец, в котором купался с ребятней и Василий.

О детстве святого ничего не известно, можно только предположить, что атмосфера семьи была такова, что сердце мальчика было совершенно и с абсолютным

СИМВОЛ ВЕРЫ

доверием открыто Богу, а весь бытовой уклад находил правильное и бесспорное объяснение в непоколебимо точном соотношении небесной и земной жизни, и это, конечно, не было каким-то умственным, рациональным знанием, но глубоко объемлющим всё существо ребенка духовным состоянием.

Вероятно, это была богоизбранность именно на почве благочестивой до святости жизни родителей, а может, и всего рода.

Как бы то ни было, когда Василию шел шестнадцатый год, его отдали учиться сапожному ремеслу. И тут проявилось впервые то, что совершенно изменило его земную жизнь.

В один из дней в сапожной лавке появился заезжий купец, который привез на баржах в Москву хлеб, и заказал пошить ему сапоги, да покрепче, чтоб не один год носить. Когда он сказал об этом, Василий неожиданно засмеялся: «Господин, сошьем тебе такие, что век не износишь!» И засмеялся...

Сапожный мастер, проводив заказчика, взъерился на ученика:

— Ты что позволяешь себе смеяться над почтенным человеком?!

— Не над ним я посмеялся, — сказал Василий. — Долгую жизнь намечает себе господин купец, а не знает, что завтра умрёт.

Подивился сапожник словам Василия, но вот прошло три дня, а заказчик за сапогами не являлся. Тогда мастер сам понес ему сапоги и пришел как раз к погребению — оказалось, два дня назад купец скончался... Вспомнил мастер слова ученика — и встrepенулся, мальчонка-то вон какой непростой.

Вскоре после этого Василий ушел из мастерской, покинул семью и начал тернистый подвиг юродства... Открывшийся дар Божий преобразил совершенно его жизнь. Отныне он и в палящий зной и в лютый холод ходил обнаженный и босой по улицам и посадам Москвы, изнуряя себя, ходил молча, не отвечая на насмешки и вопросы, полностью пребывая в молитве, в беседе с Богом. Тело для него не значило уже ничего, ибо пребывая в брeнном мире телесно, духом он пребывал вне его... Нам, обыкновенным людям, с верой менее горчичного зерна, это почти невозможно постигнуть, только как бы с краешка заглянуть.

Впрочем, вот более близкое и подробное свидетельство: вспомним преподобного Серафима Саровского, как он в молитвенное мгновение предстал перед Мотовиловым в Духе Святом, и лицо его просияло, и сам служка «убогого» Сера-

---

фима почувствовал великую радость и необыкновенную теплоту, объившую его, хотя был конец ноября, стояла зима...

Этой благодатию Божией был согриваем и блаженный Василий — ни стужа, ни зной не угнетали его плоть. В «Степенной книге царского родословия» (ок. 1563 г.), первом систематическом труде по русской истории, составленном по благословению свт. Макария, митрополита Московского, так и говорится о Василии: «Божия бо благодать греяше его».

Ночи блаженный Василий проводил обычно в молитве на церковных папертях, часто уединялся в одной из башен Китай-города, на берегу Москвы-реки, близ Яузы.

Нагой и босой круглый год, он получил прозвище «нагоходец». Однажды некие девицы-красавицы, продававшие на торгу свое рукоделие, посмеялись наготу блаженного, и тотчас ослепли. В ужасе упали они с раскаянием в ноги Василию, и тот, дунув им в глаза, вернул зрение.

Блаженный порой совершал поступки, за которые претерпевал «лютая биения и ударения и досаждения и злословия и поругания... от злых человек», которые с благодарением принимал. Так было, например, когда он опрокинул у торговцев лоток с калачами, а у других пролил кувшин с квасом. Потом обнаружилось, что калачи были испечены из муки с вредной примесью (мел добавляли, прощелыги!), а квас испорченный, которым можно было отравиться.

Народ московский всё более убеждался, что в действиях блаженного открывался особый, поучительный смысл, всё более становилось очевидным, что Василий — обличитель неправды, человек Божий. К его словам стали прислушиваться, разумея, что Василий говорит не просто так.

Потому-то, вняв с доверием его неожиданному совету, поехал аж в Киев один состоятельный купец, у которого никак не ладилось несомненно богоугодное дело — строительство каменного храма на Покровке.

Уже доведенный до свода, храм неожиданно рухнул. Его перестроили — и снова он обрушился. Третий раз подвели под свод — положив многие труды — и опять всё обвалилось. Тогда отчаявшийся купец и обратился к блаженному Василию, на что «нагоходец» ответил:

— Поезжай в Киев, найди там убогого Иоанна, он даст тебе совет, как достроить церковь.

Поехал купец в Киев, нашел там убогого Иоанна в ветхой хижине. Блаженный плел лапти и качал пустую люльку.

— Кого ты качаешь? — спросил с недоумением купец.

— Родимую матушку, плачу неоплатный долг за рождение и воспитание, — ответил убогий Иоанн.

И встрепелось сердце купца, и пронзили его эти слова — уже несколько месяцев, как он, поссорившись, удалил, выгнал из дома родную мать.

Поблагодарил он убогого Иоанна, а с ним и Василия, поспешил в Москву, вернул мать домой, покаялся, пал на колени, испросил у неё прощения. И благополучно после этого достроил храм.

В одну из весенних ночей 1521 года Василий молился перед Успенским Собором в Кремле и неожиданно услышал великий шум в церкви. Двери распахнулись, и Василий узрел, как чудотворный образ Владимирской Богородицы стронулся с места и раздался голос: «Икона со святителями московскими российскими хочет удалиться из града!» Изю всех дверей и окон собора изверглося пламя, затем огонь сделался невидим.

Вскоре Москва подверглась нашествию хана казанского Махмет-Гирея. Устрашенная столица обратилась к Богу и Пречистой с покаянной молитвой о спасении, и она была услышана: татарское войско отступило от Москвы.

Слово истины, как свидетельствует Священное писание и подтверждает история Церкви, приносится и от неверных, и от врагов, и даже от животных.

Как-то из Персии плыл по Каспийскому морю корабль, на котором было много людей. И вот начался на Каспии шторм, всё сильнее и сильнее, волны уже перекатываются через палубу, народ в трюмах стонет, и нет уже, кажется, спасения...

Были вместе с персами на корабле и несколько русских православных христиан, которые в минуты смертельной опасности сказали персам: «Есть у нас на Руси в Москве блаженный Василий, который ходит по водам, и волны его слушают, он имеет великое дерзновение ко Христу, и может избавить от потопления корабль наш и спасти нас».

Только произнесли они молитвенно эти слова, как внезапно все увидели обнаженного человека, стоявшего на воде, который взял корабль за руль и направил через бурные волны.

Вскоре волнение стало затухать, ветер прекратился, и все спаслись от неминуемой, казалось, гибели.

Когда персы вернулись домой, они рассказали о чудесном спасении шаху, который написал в свою очередь об этом царю Иоанну Грозному.

А те из персов, которые доехали по делам купеческим до Москвы, увидели на Великом Торгу и узнали своего спасителя — блаженного Василия. Они повалились ему в ноги с

горячей благодарностью, а москвичам сообщили, что это и есть тот самый муж, который спас их в бушующем море.

Блаженному Василию Господь даровал духовным зрением видеть ангелов и бесов. В этом неоднократно убеждались жители Москвы, наблюдавшие, как Василий, набрав камней, швыряет их в углы жилищ, где обитали благочестивые люди, и напротив — лобызает углы домов, где москвичи пьянствовали, «и прочая мерзкая и скаредная дела творяху».

Казалось бы, наоборот надобно делать, но блаженный объяснял: в жилищах праведных бесы ужиться не могут, они, скрежеща от злобы зубами, собираются по углам дома — их-то и побивает Василий.

Дома же, где творится беззаконие, святые Ангелы со скорбью покидают — и блаженный оказывает им почитание, прося молиться о недостойных жильцах, «да не в конец погибнут, но да в покаяние обратятся». Народ слушал Василия, мотал на ус...

Кстати вспомнить, как ради спасения погибающих Василий не гнушался посещать и набитые пьяницами корчемницы, и входя в общение с самыми опустившимися людьми, старался и умел находить средства исправить их и возвратить к доброй жизни.

Однажды, придя в одно из таких заведений, блаженный увидел пьяницу, «от пропойства всего трясущегося» и умоляющего корчемника «неотступно дати вина на медницу», может быть, последнюю, оттянутую у голодной семьи. Блаженный не стал укорять пьяницу, зная, конечно, что в данное время укоры эти бесполезны.

Когда же кабатчик, рассерженный неотступными просьбами пьяницы, подал, наконец, ему стакан вина, «с сердцем глаголя: прими, пьяница, черт с тобою!», пьяница осенил себя и сосуд с вином крестным знамением.

Тогда блаженный Василий сильно возрадовался, «нача руками плескати и смеятися», а собравшимся в корчемнице объяснил, что когда корчемник сказал пьянице «черт с тобою!» и подал ему стакан, тогда «бес вниде в стакан винный», а когда пьяница знаменал крестным знамением себя и сосуд с вином, бес выскочил из стакана, «палимый крестным знамением аки огнем».

Речь блаженного запала в сердце слышавших его и обрадовала их, показав, что для них еще не потеряна надежда спасения. Если одно только сотворенное пьяницей крестное знамение изгнало беса, то, значит, неистощимое милосердие Божие ищет спасения грешников и готово всегда прийти им на помощь, лишь бы они вспомнили Бога и Его заповеди.

Особая тема — блаженный Василий и царь Иоанн Грозный. 1547-й год, в начале которого венчался на царство государь, оказался очень непростым... Сначала в апреле, а потом в конце июня в Москве полыхали сильные пожары, к которым, предполагают, были причастны и противники семьи Глинских (матерью Иоанна была Елена Глинская, вторая жена великого князя Василия Ивановича).

Как-то в летний полдень Василий пришел в Воздвиженский монастырь и, остановившись перед соборным храмом, стал неутешно плакать и молиться. Недоумение видевших это горожан разрешилось на следующий день: пожар, возникший у Воздвиженского храма в монастыре, стал самым большим за этот период — горели Арбатская улица, Кремль, Китай-город, Большой посад, едва не погиб от дыма и гари молившийся в Успенском соборе митрополит Макарий. Вот о чем плакал блаженный Василий.

Как, наверно, и о грянувшем затем бунте против молодого царя, сразу после пожара. Причиной беспорядков стали активно распространяемые слухи о том, что город спалили колдовством, в котором виноваты Глинские, и начались над ними расправы.

Как видим, сценарий «майданов» и цветных революций во все времена одинаков: надо возбудить народ обвинениями против власти, а потом, оседлав протест, эту самую власть попытаться уничтожить.

Вот в каких условия начиналось царствование Иоанна Грозного. В конце концов главные, именитые заговорщики были арестованы и казнены.

Когда о блаженном Василии стало известно Государю, он пригласил его в царские палаты, первый раз в день своего тезоименитства. Трижды подносили Василию чарку с вином и трижды он выливал его в окно. Видя, что Иоанн готов разгневаться, блаженный объяснил:

— Царь, не сердись, только что я погасил огонь, готовый уничтожить Новгород.

После этого он спешно вышел и исчез.

Посланные специально в Новгород гонцы подтвердили: когда там начался — во время царской трапезы — пожар, горожане увидели нагого человека, заливавшего водоносом огонь, который быстро погас.

Ещё более Царь стал уважать и почитать блаженного после Божественной литургии в Успенском соборе Кремля, где, заняв незаметное место, молился и Василий.

После службы Государь, увидев Василия, спросил, почему не усмотрел его во время литургии. На что блаженный ответил:

— Благоверный царь! Народа в церкви было множество, но на службе только трое: митрополит, царица, да я, грешный, а протчий народ — все житейская умом мечтаю, да и Царь мыслию был на Воробьевых горах, созидае себе полаты. Истинное же моление еже в церкви телесно предстояти, а умом к Богу возводится.

Иоанн, в самом деле думавший о новом загородном дворце на Воробьевых горах, убедившись с изумлением, что блаженный и сердечные помыслы прозревает, «оттоле нача его бояться».

И вот еще один тому пример. Как-то богатый купец, почитавший блаженного, умолил его принять в дар лисью шубу. Конечно, она была Василию не нужна, но как и многое другое, послужила духовному назиданию, для всех полезному.

Несколько воров, увидя Василия в дорогой шубе, решили завладеть ею, для чего один из них пал на землю, притворившись мертвым, а когда блаженный приблизился к ним, подельники стали проливать над «умершим» притворные слезы, а Василию объяснили, что их друг внезапно скончался и даже покрыть его нечем, и на погребение денег нет.

Сняв с себя шубу, Василий спросил, действительно ли их товарищ мертв? На что те клятвенно заверили, что истинно так. Тогда Василий накрыл лежащего шубой со словами: «Будь отныне истинно мертв за лукавство твое, ибо те, которые лукавят, потребятся».

И лежавший притворщик-лихоимец тут же умер.

Проповедуя милосердие, блаженный Василий прежде всего помогал тем, кто стыдился просить милостыню, хотя крайне нуждался в ней. Был случай, когда он отдал богатые царские подарки купцу-иностранцу, который остался без средств к существованию, три дня ничего не ел, но не обращался за помощью.

Василий сурово осуждал тех, кто подавал милостыню с корыстными целями, не из сострадания к бедности и несчастью, а в надежде легким путём привлечь благословение Божие на свои дела и задумки.

Однажды один благочестивый сапожник нёс продавать новые сапоги и, шагая по Москворецкому мосту, нечаянно «от людского затеснения» толкнул проходившего мимо Василия. Тот осерчал, выхватил у мастера сапоги, швырнул их в грязь и затоптал ногами.

Сапожник же, по безгневию и кротости своей, как ни в чем не бывало, нисколько не огорчившись, вытащил сапоги из грязи, спустился к Москве-реке, чтобы вымыть их. И ка-

---

ково же было его изумление, когда он вдруг «обрете сапоги полны злата».

А Василия и след простыл.

Несмотря на лишения и невзгоды, испытанные при жизни, которые, он знал, «в руке Божией», блаженный Василий прожил, достигнув глубокой старости, 88 лет и скончался 2 (15) августа 1557 года. По преданию, незадолго до смерти Василия — на Кулишках, дом боярыни-вдовы Стефаниды Юрловой, которая привечала его, посетило царское семейство. И блаженный пророчески указал не на старшего, а на младшего сына Государя Феодора как будущего царя.

Во время похорон Иоанн Грозный вместе с боярами нёс гроб блаженного, отпевание его совершал митрополит Макарий с собором духовенства, т.е. его погребали, при общем свидетельстве, как великого святого и государственного человека.

Блаженный был похоронен близ алтаря Троицкого храма, что на рву, на месте которого полным ходом шло строительство нового Покровского собора, в память покорения Казани.

Прославлен блаженный Василий Поместным Церковным Собором 2 августа 1588 г. по благословию святителя Иова, вскоре ставшего первым русским Патриархом. В том же году в Покровском соборе был устроен придел во имя святого Василия Блаженного с отдельным входом. Ещё до прославления ему была написана служба соловецким старцем Мисаилом.

Много различных исцелений и чудес происходило у гроба блаженного Василия, они засвидетельствованы современниками. Православные москвичи с особенной духовной теплотой почитали и почитают память Блаженного Василия.

В описании облика святого имеются немудреные подробности: «Наг весь, в руке посошок». Почитание его было столь сильным, что Покровский собор и пристроенный к нему придел и доньне именуется храмом Василия Блаженного. Вериги святого Василия Блаженного хранятся в Московской Духовной Академии.

ВЛАДИМИР ЗАМАНСКИЙ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВРЕМЕНИ

*В феврале 2023 года выдающемуся актёру
исполняется 97 лет*

К Владимиру Заманскому мы ехали снежной зимой 2021 года. Впервые я видела его не по телевизору. И первая мысль: ему ни за что не дашь 95. Такая же добрая улыбка, как в молодости — в кино. Понимающий, сочувствующий взгляд. И синь в глазах. Голос его — спокойный, сразу же вызывающий доверие, памятный многим по фильмам, где он снимался — «Вечный зов» (1970-е), «Единственная» (1975), «Не стреляйте в белых лебедях» (1980), «Завтра была война» (1987)... А в скольких ещё кинолентах герои говорят его голосом!

В древний Муром к Владимиру Петровичу мы ехали совсем не для того, чтобы послушать актёрские байки. Я почувствовала, что он будет говорить что-то более важное, и мы будем вместе думать, что происходит со страной, с нашей культурой, и как нам выходить из чертога теней.

Известный актёр со своей супругой — актрисой Натальей Климовой уже два десятка лет живут в Муроме. Свой уютный домик они выстроили прямо у Никольской церкви на высоком берегу Оки, которая в наш приезд

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

простиралась за великими сугробами сплошным белым безмолвием.

Зайдя в дом, невозможно было не почувствовать, какой скромной и удивительно напряжённой духовной жизнью живут его хозяева. Владимир Петрович заметно переживал, что беседа будет «под запись» и для публикации, но нехотя согласился. Да и самой мне хотелось просто говорить с ним. И мы говорили.

В судьбе Владимира Заманского, как в капле воды, отразилась трагическая история нашей страны XX века. Детство в революционном Кременчуге 1920-х годов. Юность, закалённая войной. А дальше — долгая жизнь в служении искусству великой страны, которым и сейчас мы безвозмездно пользуемся, напитываемся. Нелёгкий путь воцерковления — и не в 1990-е, а в 1970-е годы! И достойный, как говорил А.С. Пушкин, «вечер жизни» — молитва, пребывание в церковной ограде и созерцание красоты старинного русского Мурома.

Владимир Петрович родом с Полтавщины. С ним трудно разговаривать о его детстве, потому что послереволюционный Кременчуг так перемолол судьбы своих жителей, что страшно заглядывать в эту бездну. И всё же Владимир Петрович стал рассказывать...

Отец его Пётр Батрак происходил из русских (малороссийских) крестьян. Увлёкся революционным движением. На сложных этих перипетиях и произошла их встреча с девушкой из еврейской семьи, которая стала его женой. Своему единственному сыну родители — истовые ленинцы — дали имя Владлен. Отца Владимир Петрович так никогда и не увидел: возможно, тот был расстрелян или сгинул в лагере сразу после рождения мальчика. Система, как известно, уничтожала тех, кто её породил.

Мать будущего актёра вскоре была либо арестована, либо скрылась от преследований. Воспитанием Владлена пришлось заниматься его тётке, муж которой был довольно известным в Харькове партийным функционером, редактором главного партиздата. Когда при Сталине начались партийные разборки, он признался, что голосовал за троцкистов и был лишён всех должностей. «Друзья-евреи, — говорит Владимир Заманский, — чудом уберегли его от расправы, и он устроился работать сапожником».

Мальчик увидел мать, когда ему было шесть лет. Тётя поселила их в Харькове в общежитии сельскохозяйственного института, где она преподавала. Однажды ночью мать разбила окно и стала кричать: «Сталин — убийца!» Её отправили на Сабурову дачу, так называлась психбольница в Харькове. Вернулась она примерно через два года.

Всё это время Владлен жил у тёти. В 1938 году мать забрала его, и они вернулись в Кременчуг. Мамин отец был правоверным евреем, посещал синагогу, поэтому мать — интернационалистка и атеистка — не могла жить с ним под одной крышей. «Мы сняли комнату, — продолжает разговор мой собеседник. — Как-то, возвращаясь из школы, я увидел, что нашу маленькую библиотечку рассматривает лейтенант внутренних войск. А у нас там было несколько книжечек украинских поэтов — националистов. Маму забрали. И отправили в дом для умалишённых в Полтаву. Помню свидание с ней в НКВД, чекист сидел за письменным столом, а мы с мамой на диване, разговор не получился». «Она была для меня чужой, я её боялся», — говорит Владимир Петрович. Выпустили её перед самой войной, но было уже не до неё.

Мне всё хотелось понять, что уже тогда влияло на судьбу этого человека, даже не советской, а русской культуры. Оказалось, книги. В Кременчуге у соседей была хорошая библиотека. Там и произошло знакомство будущего актёра с творениями классиков, а главное — с Николаем Васильевичем Гоголем.

А завтра была война...

«Немцы подходят к Днепру, — рассказывает Владимир Петрович. — Кременчуг на восточной стороне, а немцы идут с запада. Сразу форсировать Днепр они не могли, да им это и не нужно было, потому что они шли маршем к Москве. Город был наполовину еврейский, он тут же стал пустеть — все побежали из города. А мы с мамой остались. Кто мог, грабил магазины, потому что власти никакой не было!

Когда немецкий Юнкерс шёл над городом, никакого сопротивления, никакой стрельбы по нему не было. Только через месяц подтянули орудия и поставили в нашем дворе.

Кременчуг был прифронтовой полосой. Сообщения не было. Моя тётка приехала на перекладных за нами, но мать отказалась эвакуироваться. Она столько хлебнула от советской власти, что никакие немцы ей были не страшны. Конечно, она очень быстро погибла. Её могли прикончить и свои ещё до прихода немцев».

Из Харькова Владимир Заманский с тёткой эвакуировались в Ташкент, где он работал в колхозе, на строительстве Каракумского канала. «Мне всё время думалось только о том, что идёт война. Я ведь был коммунист от макушки до пят. Ещё когда шла война в Испании, я, живя в Кременчуге, бегал смотреть газету возле главного партийного здания. Уэска! Теруэль! Гвадалахара! Это для меня было то, за что надо умирать!»

В 1943 году он уговорил тётку, чтобы отпустила его в техникум связи, а в конце 1943-го был призван в армию и уже там закончил школу радистов. «Мне ещё не было 18-ти, но брали уже и 17-летних. Кто-то писал, что уже в 15 лет я был на фронте и многие другие небылцы. В действующей армии я с мая 1944 года», — добавляет Владимир Петрович.

Месяц ехали из Ташкента до Наро-Фоминска Московской области. В Наро-Фоминске шло формирование самоходного полка. Офицеры и экипажи батареи, в которую был назначен Владимир Заманский были люди не воевавшие, никакого опыта не имели. «И вот — я радист тяжёлой самоходки М-10. Эти американские самоходки пришли по Ленд-лизу. На них можно было воевать в Африке, но только не в Белоруссии...»

Под Борисовом на грунтовой дороге батарею расстреляли немцы.

«Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом. // По мёртвому плачущий девичий крик. // Седая старуха в салопчике плюсовом, // Весь в белом, как на смерть, одетый старик...» — цитирую строки Константина Симонова. И Владимир Петрович горько вздыхает. Только Симонов запечатлел отступление 41-го года. А Владимир Заманский участвовал в боях за освобождение Белоруссии. Грандиозная по масштабам и по военной мысли операция, как теперь мы понимаем. Но этот мальчишка был просто рабочим войны.

«А как нас могли не расстрелять? — с тяжёлым вздохом вспоминает убеждённый сединой человек. — Мы упёрлись в реку, а переправы нет. У меня радиостанция. На запрос отвечают: ждите. Сапёров нет, переправу никто навести не может. Досиделись до того момента, когда появилась «рама» — немецкий разведчик. Покрутился, улетел, а через некоторое время на той стороне реки вышли две тяжёлые немецкие машины и расстреляли всю колонну. Мало кто успел выскочить».

Казалось бы, у Владимира Заманского могло тогда возникнуть чувство, как у Виктора Астафьева, что командиры, знавшие только классовую борьбу, не способны воевать с настоящим врагом и просто губят солдат. Мой собеседник отвечает отрицательно: «В Великой Отечественной войне интересы большевиков сошлись с интересами народа. Защищать надо было Россию».

После Белоруссии Заманский воевал на СУ-76 — лёгких самоходных артиллерийских установках, которые делались в Горьком. Поздней осенью 1944 г. в Прибалтике между Палангой и Кретингой был контужен, самоходка сгорела — в живых остались только они с командиром орудия. Война для будущего актёра закончилась в Германии, на подходе к Оде-

---

ру. Был награждён медалью «За отвагу» — не столько за подвиги, сколько за то, что остался жив, — шутит мой герой. После войны служил в северной группе войск в той части Германии, которая отошла Польше. Командовал группой маршал Константин Рокоссовский.

За три месяца до демобилизации за участие в избиении помощника комвзвода Заманский был осуждён военным трибуналом на девять лет исправительно-трудовых лагерей. Отправили строить Москву. Поскольку он был заключённым не по Уголовному Кодексу, участвовал в строительстве здания МГУ. После смерти Сталина освобождён по амнистии Ворошилова—Берии.

Началась огромная веха его жизни — кино. В 1954 году поступил в школу-студию МХАТ, играл в театре «Современник».

И вот — несколько лет съёмок в многосерийном художественном фильме «Вечный зов» по роману Анатолия Иванова. Великие актёры смогли передать с потрясающей достоверностью вражду двух миров. И мы снова говорим не об искусстве, а пытаемся разобраться в мировоззренческих вопросах. Владимир Заманский убеждён, что эта борьба, прежде всего, разделила народ на отцов и детей, но без неё не могла существовать коммунистическая идея. «Моё поколение как поколение большевиков воевало в Великой Отечественной войне не за страх, а за совесть», — свидетельствует Заманский.

Осторожно пытаюсь спросить его о вере, и он сразу замечает, что за пять лет службы в армии он не слышал слова «Бог», «душа» — ни от офицера, ни от солдата. «Это всё было вычеркнуто из нашей жизни, благодаря Ленину-Троцкому-Сталину. Они на это работали».

На мои доводы, что при Сталине вернулось патриаршество, классическое образование, Заманский отвечает, что вождь был прагматиком и просто создавал условия, «чтобы усилить то, за что они воевали». «Не было бы войны, не было бы и патриаршества. Хрущёв ведь грозился показать последнего попа по телевизору. Это был корень идеи коммунизма», — говорит он. И соглашается со мной, что война — это бич Божий для России.

И всё же хотелось говорить и о выдающихся актёрах — его современниках и ровесниках. Любшин, Леонов, Золотухин, Высоцкий, Гурченко, Доронина... Глубокие, красивые, думающие, запоминающиеся. Я не могла не спросить, почему же сегодня нет актёров, на которых хотелось бы смотреть, чьи роли, образы запомнились бы.

Владимир Петрович убеждён, что изменилось лицо общества. «Казалось бы, открыты храмы, везде можно купить Евангелие, — говорит он. — А мне кажется, что общество падает в нравственном смысле. Тем более, ушли великие актёры. Сегодня театр угасает, и это не может не сказаться на кино. Ведь кино черпало актёров из театра. А.С. Пушкин заметил, что публика образовывает актёров. А нравственность современной публики уже не может образовывать актёра. И так, цепляясь одно за другое, мы получаем сегодняшнее кино. Вы называете Любшина, Высоцкого, но до них-то были очень большие актёры».

И Владимир Заманский вспоминает великих актёров старой школы, с которыми ему довелось работать. Олег Жаков и выдающийся фильм, в котором он снялся — «Нашествие». Далее называет вахтанговского знаменитого актёра Николая Гриценко, Ролана Быкова, Анатолия Солоницына. За ними, считает Заманский, наступил невероятный взлёт кинематографа — время Тарковского и Шукшина.

Надо отметить, что Владимир Заманский снялся в дипломной работе Андрея Тарковского «Каток и скрипка». А Тарковский выбирал актёров с потрясающей точностью. Заманский говорит о нём как о сильном режиссёре со своим лицом. И тут же добавляет о том, что Тарковский задыхался в советской России, что «любые его попытки напрямую сказать о Христе мгновенно пресекались».

А я думаю о том, как пронзительно Тарковскому удалось сказать о евангельских истинах — не напрямую, а ещё думаю о том, что лучшие его работы созданы всё же в России.

О картине Василия Шукшина «Калина красная» Заманский говорит: «Это было открытие!»

Спрашиваю Владимира Петровича, как сегодняшнему юному поколению донести то, что заложено в рассказах и фильмах Шукшина. Он убеждён, что если сердце может почувствовать это, оно почувствует. «Как может умереть картина «Калина красная»? — отвечает мне вопросом на вопрос Владимир Заманский. — Время идёт, лицо общества меняется, но главное — то, о чём сказано в этом произведении, — живо, да ещё сказанное таким художником».

Один из моих любимых фильмов с участием Владимира Заманского — «Не стреляйте в белых лебедей». В главной роли Станислав Любшин — такой шукшинский чудик, которого жена ругает за то, что он не может лишнюю копейку заработать. Это 1980 год. Сын героя фильма спрашивает: «Тянь, вот нас в школе учат, что души никакой нет, а есть рефлексы. Когда тебе чего-нибудь хочется, то слюнки текут». И отец отвечает мальчику: «А если не хочется, а велят?.. То слёзы

горькие текут. Изнутри. И жгут». Так советский кинематограф нам, советским детям 1980-х, говорил о душе...

В нашей с Заманским беседе я решила следовать за его мыслью и переживаниями.

Спрашиваю, как Заманский воспринял время распада СССР? «Очень тяжело, — отвечает он. — Трагедия для меня была вот в чём: когда я подошёл к матери одной женщины, которая живёт в Америке, и спросил, как та могла бросить больную мать, Родину, она сказала: «Родина там, где нам хорошо». Расстрел Белого дома был апофеозом этой катастрофы».

Меня волнует мнение человека с украинскими корнями. Возможно ли исцелить Украину от русофобии? И Владимир Заманский отвечает: «Вряд ли. Ведь в 1917 году майдан был неизмеримо больше». Вместе мы приходим к выводу, что именно тогда было начало борьбы с русскостью.

Незаметно наш разговор пошёл о том, когда начался для моего героя поиск Истины. И в связи с этим Владимир Петрович отметил один из самых значимых фильмов, в котором он снялся — «Проверка на дорогах». Но перед этим было ещё одно духовное открытие. Во время учёбы в театральной студии он прочёл «Капитанскую дочку» Пушкина! Русская классика имела для него огромное значение.

Окончательно утвердиться на пути воцерковления помогла выдающемуся актёру его супруга Наталья Климова. Она первая приняла крещение, а за ней и он крестился в 1975 году, в 49 лет.

«Одно дело воевать — тут попроще, — говорит Заманский. — А вот поиск смысла жизни... Это очень сложно. Я по-пластунски полз к Православию».

Беседа наша шла неровно, хотелось сказать многое, как будто мы давно не виделись, а ведь мы никогда не вделись до этой встречи. И теперь все детали этой беседы для меня важны, потому что они — свидетельство о времени. И хорошо, что Владимир Петрович решил не публиковать материал в виде беседы. За эти два года мне удалось спокойно продумать и выстроить повествование.

О своём переезде в Муром Владимир Петрович говорит: «Кто-то из нашей церковной общины храма Большое Вознесение имел связи с Муромом. Началась перестройка, пошли беженцы из Казахстана и не только. И батюшка попросил Наташу отвезти в Муром одну женщину. Наташу поразили Муром и Ока. Она стала спрашивать, не продаётся ли дом. И участок для дома нашёлся. А с годами мы построили дом».

Тот зимний день быстро клонился к вечеру, и я спросила Владимира Заманского, каков будет его посыл к современнику.

«Моё мировоззрение, — ответил он, — если высоко сказать, укладывается в несколько слов: «За веру, царя и Отечество». Эта триада сейчас определяет альфу и омегу моего понимания мира. Мне кажется, что патриотизм, о котором так много сейчас говорят, вне Православия очень уязвим. Одно дело, когда все объединились бы вокруг идеи «Защитить Россию. Умереть за Россию», но сейчас этого нет и умирать не очень нужно».

Полушутя переспрашиваю: действительно ли это он, старый большевик, выступает «за царя»?

И Владимир Петрович отвечает: «Разговор о царе как выразителя христианства начинается с прихода человека к Богу. В одной центральной газете журналистка писала, что последний наш убиенный государь — дезертир, а она патриотка, только без Бога в душе. Но у русского Православия не было большого врага, чем коммунизм. Так уничтожать Церковь, как уничтожали коммунисты, этого не было и в древнем Риме. Как результат этого последовало разрушение семьи, нравственности».

И всё же главный вопрос, с которым я ехала к Владимиру Заманскому: что сегодня происходит с русской культурой?

«По телевизору я сегодня могу посмотреть только детский конкурс «Щелкунчик», — отвечал он. — Или шедевры Антониони. Остальное... Смотришь на лица — чиновничья рать разговаривает с нами: два пишем, три в уме. А ведь это можно делать со зрителем только если он сам внутренне опустошён. Безбожным человеком легче управлять. Будущие поколения столкнутся с ещё большей опустошённостью, если ситуация не изменится».

За ответами на вопрос о будущем России Владимир Заманский направляет меня и наших читателей к Ивану Ильину. Признаётся: «Я его очень люблю. Это единственный мыслитель, который нам поможет в XXI веке, если мы будем к нему прислушиваться. В своих взглядах он безупречен, поскольку совмещал в себе и философа, и политика, и христианина».

...Разумеется, хозяева не отпустили нас без ужина. Час ещё, попивая тёплый сладкий кагор, мы с Владимиром Петровичем говорили об истории страны, о судьбах нынешних литературных журналов, об общих знакомых. И с собой мне был собран узелок всякого вкусного, как обычно родители дают в дорогу детям.

ВСЁ УЖЕ БЫЛО

После Октябрьской революции 1917 года на Украине сразу же начались столкновения националистических отрядов с Красной гвардией. Войска Центральной Рады воспрепятствовали прохождению красногвардейцев по земле Украины, направлявшихся на юг для борьбы с Калединым. Хотя любые небольшевицкие войска преспокойно проходили по «незалэжной».

Центральная Рада строила свою политику на основе украинского сепаратизма. Февральская революция 1917 года открыла возможность осуществлению проекта «Украина», задуманного польскими панами Потоцким и Чацким ещё в XVIII веке. Его главные постулаты: «Украинцы и русские — разные народы. Московиты (москалы) отсталые варвары, препятствующие процветанию Украины». Австрийцы использовали эту идеологию для натравливания малороссов (украинцев) на «клятых москалей». Чему истинные украинские националисты истово предались, получив на это солидное финансовое вливание.

Возглавлял Центральную Раду идеолог украинизации М.С. Грушевский, военное ве-

УРОКИ ИСТОРИИ

домство — масон Симон Петлюра. Была провозглашена независимая Украинская народная республика. Украинский историк В.А. Савченко отмечал, что только 10% населения (интеллигенция и часть крестьян) можно назвать настоящими украинцами, в то время как большинство не поддерживало политику украинизации, и не желало говорить на украинском языке. При этом Рада претендовала на заглавную роль для антибольшевистских окраин. Она требовала раздела финансов империи и участия в переговорах с Германией. Для поддержания новых порядков был создан Украинский фронт, состоявший из военных формирований националистов — «сичевиков» и остатков войск Юго-Западного и Румынского фронтов под командованием генерал-полковника Щербачёва, не признавшего власть большевиков. Одновременно происходило разоружение солдат «русского происхождения», не проживающих на Украине.

Киевские большевики, естественно, поддержали Октябрьскую революцию в Петрограде и объявили об установлении власти Советского правительства. Однако руководство Киевского Военного Округа не подчинилось центральной Петроградской власти и приказало ликвидировать большевистский ревком. Войска окружили Мариинский Дворец, где он располагался, и обстреляли здания Киевской Думы, Исполнительного комитета и Комитета большевиков. Почти все члены Киевского комитета РСДРП(б) и ревкома были арестованы, а власть передана Генеральному секретариату Центральной рады. В Киеве начались уличные бои. Воспользовавшись неразберихой, националистические украинские части взяли под свой контроль государственные учреждения.

13 ноября руководство штаба Киевского военного округа подписало соглашение о прекращении огня с ревкомом и покинуло город. Через три дня на совместном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов Рада была признана в качестве регионального совета на Украине. Ещё через три дня универсал Украинской народной республики провозгласил Украину автономией в составе Российского государства со столицей в Киеве. СНК признал право Украины на самоопределение. Но вскоре Центральная рада резко изменила свою позицию, осудила большевистский переворот и заявила, что «будет решительно бороться против всех попыток поддержать такое восстание на Украине». Генеральный секретариат Украинской народной республики назвал большевиков «врагами Украины». В ответ Совет Народных Комиссаров принял решение «считать Раду в состоянии войны с нами». 5 декабря подпоручик Владимир Александрович

Антонов-Овсенко был назначен главнокомом войск «для борьбы против Центральной Рады и Каледина».

8 декабря в Харьков прибыли красные отряды под командованием представителя старинного графского рода заурядпрапорщика Рудольфа Фердинандовича Сиверса и выходца из высокоинтеллигентной дворянской семьи прапорщика Юрия Владимировича Саблина. Через несколько дней здесь было образовано Украинское советское правительство. Начались выступления сторонников советской власти и в других городах. Произошло успешное восстание в Мариуполе. 18 января после упорного боя со сторонниками Центральной Рады одесский пролетариат, поддержанный несколькими судами черноморской эскадры, взял в свои руки власть в Одессе. Началась подготовка похода на Киев. Поскольку Антонов-Овсенко сосредоточился на борьбе с Калединым, то руководство главным ударом было возложено на начальника штаба фронта подполковника эсера Михаила Артемьевича Муравьёва, ранее руководившего разгромом войск Керенского-Краснова, наступавших на Петроград.

Украинский националистический фронт оказался не готов к столкновению с Красной Армией. Их воинские части разоружались по требованию большевиков или просто разбегались. Вскоре Советская власть была установлена в Полтаве.

Начался поход на Киев, где произошло восстание рабочих киевского «Арсенала» и некоторых воинских частей. Правительству Рады удалось подавить силой это выступление, поскольку Муравьёв запоздал, встретив сопротивление на реке Трубеже. Отозванные с фронта войска под командованием С.Петлюры и полковника В.Петрова взяли «Арсенал» штурмом. После подавления восстания было расстреляно триста его участников. Всего погибло более полутора тысяч человек.

Из двадцатитысячного войска, оборонявшего Киев от Красной Армии, тысяча двести составляли гайдамаки и «вильне казацтво». Войска старой русской армии предпочли сохранять нейтралитет, а Богунский и Шевченковский полки выступали против Рады.

При подходе Красной Армии правительство Украинской республики подало в отставку и вместе с Грушевским покинуло Киев. После нескольких дней ожесточенных боёв удалилось и военное руководство. 9 февраля красноармейцы вошли в Киев.

Началась ответная расправа над теми, кто ещё недавно расправлялся с восставшими.

Рада с остатками войск укрылась в Житомире. Муравьёв, упоённый победой, не спешил организовать преследование, надеясь, что разгромленная самостийная держава распадётся сама собой. Вероятно, так бы и произошло, но самостийники успели договориться с Германией. В Бресте был подписан договор, по которому Центральная Рада обещала поставки продовольствия истощённым войной странам австро-германского блока. В ответ немецкие войска взяли под защиту остатки нэзалежной державы. В реальности это означало оккупацию, но свидомые украинцы всегда готовы поделиться собственной независимостью с любым, кто защитит их от клятых москалей. Германские войска вступили на землю Украины. И тут выяснилось, что Красная Армия, с успехом громившая сичевиков, была не в состоянии противостоять регулярной армии и отступила. 1 марта германо-украинская коалиция вошла в Киев.

В 1918 году на Украине по мере её освобождения от германских войск, началось всеобщее наступление Красной армии, почти не встречавшее сопротивления от стотысячной армии Директории УНР. Власть Директории Украинской народной республики оказалось слабой. Часть населения выступала за самостийную Украину, а другая за «единую и неделимую Россию».

3 января 1919 года Харьков был вновь занят советскими войсками. Сразу же был образован Украинский фронт под командованием Антонова-Овсеенко. В ответ Директория объявила войну советской России. Петлюра готовился сражаться за свободную Украину до последнего украинца. Однако, армия УНР не отличавшаяся дисциплиной, потерпела ряд чувствительных поражений от красноармейцев. После поражения под Броварами и Дарницей, Директория «бросила своё разбитое войско на произвол судьбы». В ночь с 1 на 2 февраля штаб Петлюры и министры выехали из Киева в Винницу.

Советским войскам удалось предотвратить готовившийся петлюровцами взрыв мостов через Днепр. В то же время кавалеристы Богунского полка, совершив переход по льду у Чернобыля, направились в обход петлюровских позиций с северо-запада.

5 февраля 1919 года советские войска вторично вступили в Киев. При этом «население горячо приветствовало своих освободителей». Отличились в Киевской операции Таращанский полк фельдфебеля Василия Боженко и Богунский полк подпоручика Николая Щорса. Богунскому и Таращанскому полкам «за геройские и доблестные действия против врагов рабочих и крестьян» были вручены Красные знамена.

Щорса и Боженко «за умелое руководство и поддержание революционной дисциплины в вверенных им частях» наградили почетным золотым оружием.

Петлюровцы оставили красным солидные трофеи: 18 тысяч винтовок, свыше 100 исправных орудий, более 3 тысяч пулеметов, 500 автомобилей.

Николай Николаевич Щорс был назначен комендантом Киева.

Как писал Михаил Булгаков, «по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушных мемуаристов насчитали 12; я точно могу сообщить, что их было 14; причем 10 из них я лично пережил». И далее уточнял: «В Киеве не было только греков», зато были «немцы в тазах на головах», а самыми последними, под занавес, «приехали зачем-то польские паны с французскими дальнобойными пушками».

Свидетель и участник этих событий Михаил Александрович Булгаков оставил их описание в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбинных».

«Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли», — иронизировал Булгаков. Но если оставить иронию, то нужно признать, что «петлюровщина» стала национальной идеей украинских свидомых. Их антирусские лозунги-установки стали со временем «бандеровщиной».

Красное командование на свою беду опять проявило нерешительность в окончательном разгроме украинского националистического движения. Как же, братья славяне, да ещё и революционеры. В результате в феврале 1919 года на станции Бирзула состоялись переговоры, на которых Директория предложила Франции признать суверенитет Украины, передать Черноморский флот под управление УНР, допустить автономию армии УНР в составе международных сил, но без участия белогвардейских инструкторов. Власть опять оказалась в руках Петлюры, который первым делом направил странам Антанты ноту о вступлении Украинской республики в общую борьбу против большевизма до победы. 17 февраля Петлюра направил декларацию французскому командованию в Одессу, в которой просил помощи у Антанты «для освобождения нашей украинской нации и восстановления украинского государства». (Через сто лет подобные призывы повторяют власти «независимой» Украины по отношению к НАТО и США.)

Спустя одиннадцать дней французский командующий д'Ансельм заявил о готовности предоставить помощь УНР

при условии отставки из Директории Петлюры и принятия следующих требований: контроль Франции над финансами и железными дорогами Украины, подчинение украинских войск общему командованию Антанты.

К этому времени франко-греческий десант уже занял Херсон и Николаев. Впрочем, партизанские отряды атамана Григорьева вскоре отбили Херсон, нанеся крупный урон оборонявшим его греческим войскам. 14 марта французы поспешили очистить Николаев.

Через две недели греко-французские войска добровольно оставили Одессу, опасаясь революционных выступлений распропагандированных большевиками солдат и матросов. 6 апреля Красные вернулись в Одессу. Ещё через десять дней вернули и Севастополь.

После разгрома Добровольческой армии Деникина в Донбассе и под Новочеркасском части Южного фронта (Егоров, член РВС Сталин) были переведены на запад. Отбросив противника от Киева и Екатеринослава, красноармейцы в конце января 1920 года подошли к Одессе. Главные силы 41 дивизии и бригада Котовского начали наступление на город.

6 февраля одесситы узнали из расклеенных по всему городу афиш, что вся власть в городе и его окрестностях перешла к галицийскому штабу во главе с «отаманом Зегожем», который будет управлять Одессой от имени Директории УНР.

В ночь на 7 февраля командующий белогвардейскими войсками Новороссии генерал Шиллинг со своим штабом покинул город, перейдя на пароход «Анатолий Молчанов».

Рано утром части 41 стрелковой дивизии вошли в северо-восточные рабочие пригороды Одессы Пересыпь и Куяльник. Посланная в обход кавалерийская бригада Котовского заняла железнодорожную станцию Одесса-Товарная. Пока в центре города белые вели бой с красными частями и местными партизанами, капитаны пароходов, в том числе английских, в спешном порядке начали выходить на рейд. Вот как последующие события описаны в книге «Котовский» В.Г. Шмерплинга: «Котовский первым влетел в Одессу со стороны Пересыпи. Котовцы миновали Пересыпский мост и понеслись по Московской улице, по Нарышкинскому спуску, Преображенской и Тираспольской... Начался бой, длившийся несколько часов. ...Деникинцы, застигнутые врасплох, выкатывали орудия и в упор стреляли по красным частям, вступавшим в город. Некоторые офицеры засели в офицерском собрании, откуда их пришлось выбивать из каждой комнаты. ...7 февраля 1920 года Одесса снова стала советской. Взятие Одессы Красной Армией было сильным ударом для

Антанты. Советская республика получила ещё один выход к морю...» За сдачу Одессы генерала Шиллинга приговорили к расстрелу, но приговор был отменён.

Командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров вместо лобовых атак, которые приносили успех в схватках с деникинской кавалерией и пехотой на равнинах юга России, применил искусное маневрирование. Полковник Клеберг писал потом: «6-я дивизия Конной армии выказала в этот день не только храбрость, которая делает ей честь, но и совершенно исключительное искусство маневрирования. Все движения выполнялись с превосходным применением к местности, в блестящем порядке, и атаки на польские батареи и пулеметы велись с решимостью и хладнокровием, заслуживающими особого внимания» (Португальский Р. М. Маршал С. К. Тимошенко. — М.: Издательство МОФ «Победа—1945 год», 1994).

В свою очередь, отдавая должное неприятелю, Будённый писал о тех боях: «Его войска были великолепно обучены, отлично вооружены и дрались с отчаянным упорством. Причём стойкость их во многом объяснялась шовинистическим угаром, навешанным лживой буржуазной пропагандой. Правительство Пилсудского бесстыдно клеветало на Красную Армию, называя её армией-захватчицей, ничем якобы не отличавшейся от старой царской армии. Армейскую массу пугали тем, что, мол, наши бойцы свирепо расправляются с поляками: отрезают носы и уши, отрубают руки, выкалывают глаза, что они жгут польские города и сёла, разрушают костёлы, грабят имущество, насилуют женщин. И солдаты, в основном патриотически настроенная молодежь, первоначально поддались этому чудовищному обману. Они считали, что защищают Польшу от «варваров», сражались ожесточённо и отказывались сдаваться в плен даже в безнадёжном положении».

Первое фронтальное наступление на Киев окончилось неудачей. Двенадцатая армия под командованием капитана С. А. Меженинова из-за недостатка сил не смогла прорвать оборону противника. Последовала серьёзная подготовительная работа. Был предпринят широкий обходной манёвр, в результате которого были захвачены Житомир и Бердичев. Польский фронт был разрезан на глубину в сто двадцать километров. Возникли благоприятные условия для удара в тыл киевской группы. Коренное изменение обстановки вынуждало поляков оставить Киев и отходить.

В это время маршал Пилсудский признавал: «Сильнее всего, однако, сказывались эти события не на самом фронте, а

вне его, на тылах. Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила всё глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов; в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс... Новое оружие борьбы, каким оказалась для наших не подготовленных к этому войск, конница Будённого, становилось какой-то легендарной, непобедимой силой» (Пилсудский К.З. 1920-й год. М.: Изд-во «Военный вестник», 1926, с. 49—50).

Ему вторит комкор Иван Тюленев: «Она прорвала польскую оборону в районе местечка Сквиры и вынудила армию Пилсудского не только оставить Киев, но и откатиться до Львова и Варшавы. ...Важнейшие операции Первой Конной армии на польском фронте: житомирский прорыв, взятие Ровно, действия на подступах к Львову и под Замостьем — представляют собой классические примеры боевой деятельности конницы в гражданской войне.

В ночь на 11 июня поляки оставили Киев и стали готовить переправы на реке Ирпень. На следующий день Красная Армия вновь вошла в Киев. В 1918 году она изгнала немцев вместе с петлюровцами. На этот раз — поляков вместе теми же петлюровцами.

На южном фланге 14-я армия Уборевича разбила украинских националистов и заняла Жмеринку, Гайсин, Вапнярку, Тульчин и Немиров. 6-я польская армия отступила на запад. К 17 июня операция была завершена. Фронт стабилизировался на линии Коростень — Бердичев — Казатин — Винница. Южнее этой линии, в междуречье Южного Буга и Днестра, на запад отходили петлюровцы. Правительство УНР и Петлюра перенесли свою ставку из Винницы в Проскуров, затем в Каменец-Подольский.

Таким образом, польская армия потерпела крупное поражение, советские войска освободили значительную территорию Малой Руси. Однако Красной Армии не удалось завершить окружение и полностью уничтожить польскую киевскую группировку.

Пришлось разворачивать основные силы на Варшаву, на помощь наступающим войскам Западного фронта под командованием Тухачевского.

В то время польская армия представляла серьёзную силу. Большинство генералов, офицеров и солдат служили раньше в русской, австрийской или германской армиях и имели богатый боевой опыт Первой мировой войны. К тому же жандармерия получила приказ расстреливать на месте всякого

бегущего с фронта. Польское правительство провело дополнительную мобилизацию. Появление Красной армии под Варшавой не на шутку встревожило европейцев, опасавшихся «красных варваров». Для вооружения новых формирований в Польшу прибыли транспорты с оружием и боеприпасами.

Подталкивая Польшу к продолжению войны, Антанта в то же время готовила к наступлению армию Врангеля. Французские и английские корабли спешно перебрасывали в Крым танки, броневики, оружие и снаряжение.

В первых числах июня Врангель сосредоточил против Красной армии четыре корпуса. Наступление войск Врангеля имело некоторый территориальный успех, но прорваться в тыл Юго-Западного фронта ему не удалось.

12 июля 1920 года Советскому правительству был предъявлен ультиматум в ноте английского министра иностранных дел лорда Керзона, который требовал прекратить военные действия и заключить перемирие. Антанта пыталась выиграть время для перегруппировки польских войск. В результате на варшавском направлении противник получил превосходство по численности в два раза. Наши тыловые части отстали на 300 километров. Далеко позади на разбитых железных дорогах застряли резервы.

Первая конная армия в это время была втянута в бои за Львов.

Отметим одно важное указание для красноармейцев в письме командованию Первой Конармии, направленное Сталиным: «Относитесь бережно к военнопленным украинцам из Галиции (русины), не только к крестьянам, но и к интеллигентам, внушите им, что если угнетаемые Польшей галицийские украинцы поддержат нас, мы пойдём на Львов для того, чтобы освободить его и отдать галицийским украинцам, выгнать оттуда поляков и помочь угнетённым украинцам-галицийцам создать своё независимое государство, пусть даже не советское, но благоприятное (благожелательное, дружественное) к РСФСР».

Однако, Красная армия, которой пришлось воевать на два фронта, потерпела серьёзное поражение и была вынуждена отступить. Произошло так называемое «чудо на Висле». На подступах к польской столице войска под командованием М.Н. Тухачевского были разбиты. Расчёт на стремительный порыв революционной Красной армии не был подкреплён продуманными военными действиями и привёл к полному разгрому. Истощённые пятисоткилометровым переходом, понёсшие в непрерывных сражениях боль-

---

шие потери, советские войска были встречены превосходящими силами польской армии, опиравшейся на техническую мощь Антанты.

Отрезанная от соседей и обессиленная Четвертая армия при отступлении смогла уйти только в сторону Восточной Пруссии. После перехода границы она была интернирована. Несколько десятков тысяч красноармейцев попало в плен.

Красной армии удалось закрепиться на линии рек Неман—Щара—Свислочь. Истощенная войной Польша была вынуждена пойти на заключение мира. По предварительным условиям, подписанным в октябре 1920 года в Риге, граница между Польшей и РСФСР проходила в ста километрах западнее той, которую Советское правительство предлагало весной, до начала белополяками военных действий. То есть территориально поляки даже проиграли. Таким образом неудачной можно считать не всю войну с Польшей, а только наступление на Варшаву, проведённое Тухачевским.

18 марта 1921 года там же в Риге между Польшей, Советской Россией (которая представляла также Белоруссию) и Украиной, был подписан мирный договор. Западная Украина и западная Белоруссия вошли в состав Польши. Восточные части Украины и Белоруссии, в которых установилась советская власть, получили самостоятельность. Виленский край был разделён между Польшей и Литвой. Сам Вильно (Вильнюс) уже после договора был захвачен поляками. РСФСР признала независимость бывшей провинции Российской Империи. Но это не была та Великая Польша «от моря до моря», о которой мечтали польские паны.

В 1939 году все западнорусские земли были возвращены.

Польская армия, считавшаяся одной из сильнейших в Европе, была разгромлена немцами. Однако согласно договору Советского Союза и Германии, наступление немецких войск было остановлено. Директива о вступлении Красной армии на территорию Польши за подписью наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова была отправлена в войска 14 сентября 1939 года.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер писал в своём дневнике о том, что в эти дни в Берлине прорабатывали план создания «независимой Западной Украины», во главе которой должны были встать находившиеся под контролем немецкой разведки украинские национал-шовинисты. Марионеточная «Западная Украина», выдвигающая от своего имени притязания на территории Украинской ССР, становилась бы отличным плацдармом для последующего «Дранг нах Остен».

---

17 сентября 1939 года заместитель наркома иностранных дел СССР Потемкин зачитал ноту послу Польши в СССР Гржибовскому: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».

17 сентября советские войска начали выдвижение на западную часть Польши, чтобы взять под защиту братские народы.

Начальник генерального штаба Войска Польского Вацлав Стахевич записал в эти дни: «Войска дезориентированы поведением большевиков, потому что те в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они пришли на помощь Польше против немцев. Советские солдаты в массе своей не стреляют, к нашим относятся с демонстративной симпатией, делятся папиросами и т.д., всюду повторяют, что идут на помощь Польше».

Польская армия, к тому времени уже разгромленная немцами, организованного сопротивления не оказывала. Советские войска вступали в бои только там, где поляки сами их навязывали. С началом наступления советских войск, непольское население (русские, украинцы и белорусы) создавали партизанские отряды и самостоятельно освобождали

свои села и даже города от польской оккупации. В Западной Беларуси в результате Скидельского восстания крупная группировка польских войск при подходе красноармейцев сдавалась без боя.

Уже на третий день советского наступления начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с представителями германского командования о порядке отвода германских войск и продвижения советских на установленную демаркационную линию.

На следующий день был подписан советско-германский протокол, по которому части германской армии отводились на западный берег рек Вислы, Нарев, Сан. При этом движение войск было организовано с расчётом, чтобы дистанция между передовыми частями колонн Красной армии и хвостом колонн Германской армии составляла двадцать пять километров.

Под контроль Советских войск был передан Брест.

Состоялась беседа Наркома Обороны Ворошилова и Начальника Генерального штаба Шапошникова с представителями германского военного командования. И вскоре в Москве был подписан протокол о согласовании границы от реки Игорка до Ужокского перевала.

Тогда западные державы ничего крамольного в произошедшем не увидели. Черчилль заявил: «То, что русские армии должны были встать на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против нацистской угрозы. Как бы то ни было, эта линия существует, и создан Восточный фронт, который нацистская Германия не осмелится атаковать».

Кстати, именно тогда Виленский край и нынешняя столица Вильнюс (Вильно) были переданы Литве.

28 сентября 1939 года Советский Союз и Германия подписали договор о границе. На подписании с советской стороны присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов и Б.М. Шапошников. В состав СССР вернулись земли западной Украины и западной Белоруссии, утраченные в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции, с населением в тринадцать миллионов человек.

КТО СТОЯЛ ЗА ДЕКАБРИСТАМИ

Восстание декабристов принято представлять как сугубо внутреннее событие, выступление оппозиционных офицеров, увлекшихся идеями европейских реформ. Хотя в начале XIX в. технологии экспорта революций были уже отработаны. Использовала их в первую очередь Англия. Она была мировым финансовым центром и одновременно центром мирового масонства, а структуры «вольных каменщиков» стали очень и очень удобным инструментом для подрывных операций. Бороться за сферы влияния такими методами получалось гораздо эффективнее и дешевле, чем вести войны.

Например, в 1800 г. англичане захватили стратегическую базу в Средиземном море, Мальту, уже юридически принадлежавшую России. В ответ Павел I арестовал в русских портах более 300 британских судов. Наложил эмбарго на торговлю с британцами, на поставки им хлеба, на активы в нашей стране. Назревала война. Но в ночь на 12 марта 1801 г. царя убили. Причем стоит отметить: непосредственные исполнители ничего не выиграли! Наоборот, сломали себе карьеру, по сути, доживали в ссылках по поместьям. Но заговором фактически руко-

УРОКИ ИСТОРИИ

водил посол Англии Чарльз Уитворт. Участники переворота собирались на квартире его любовницы Ольги Жеребцовой. А взошедший на престол Александр I сразу же подписал дружественную конвенцию с Англией, отказавшись от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию своим импортом.

Еще с XVI в. соперницей Англии была Испания, крупнейшая мировая держава — ей принадлежали большая часть Америки, ряд других владений. Между прочим, ее американские провинции жили даже лучше и богаче, чем метрополия. Национальной дискриминации вообще не было, в отличие от британских колоний. Крещеные индейцы считались равноправными подданными Испании. Богатые креолы (потомки испанских переселенцев) и метисы владели плантациями, торговали, занимали важные должности в администрации. Посылали детей учиться в Европу. А там они вступали в масонские ложи и проникались «борьбой за свободу». Поддерживала такие идеи Англия, она рвалась торговать с Латинской Америкой через голову Мадрида, но ей не позволяли.

В 1810 г., когда Испанию подмял Наполеон, по Америке полыхнула цепная реакция революций. Правда, после побед над французами испанцы послали туда войска и легко подавили все мятежи. Но в 1816—1817 гг. их заокеанские владения вдруг снова взорвались. И вдобавок в 1820 г. разразилась революция в самой Испании. Поэтому усмирить восстания в Америке она уже не смогла. В результате — скатилась на уровень второсортного государства. А ее американские провинции, еще недавно процветающие, разделились, передрались за территории и в соперничестве лидеров. Потеряли в этих войнах 1,5 млн. погибших, были совершенно разорены. Превратились в «банановые республики», попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Важнейшей сферой влияния в Лондоне считали и Средиземноморье, дороги на Ближний Восток. И в Италии на основе масонских структур возникли боевые отряды карбонариев. В 1820 г. одна революция началась в королевстве Обеих Сицилий, другая в Пьемонте. С ними удалось справиться, часть войск сохранила верность монархам, на помощь им прислала свои контингенты Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала покровительницей итальянских «свобод», центры революционеров обосновались на ее территории.

В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но операция была продумана очень хитро. Масон-

---

ская организация «Филики Этерия» базировалась в Одессе. Собирала греческих офицеров, состоявших на русской службе, во главе с генералом Ипсиланти. В 1821 г. он с отрядом перешел границу и бросил призыв к восстанию. До Греции этерийцы не добрались, почти все погибли. Но турки принялись мстить всем православным, в Константинополе повесили патриарха и троих митрополитов.

Россия возмутилась, прервала дипломатические отношения с Портой. Однако европейская пресса подняла скандал — дескать, восстание разожгли русские, хотят захватить Константинополь. После расправы над иерархами церкви оно и впрямь широко разлилось по Греции. Александр I намеревался помочь ей. Но Англия и Франция ткнули его носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, были революционерами. При таком раскладе царь отказался от вмешательства.

И финансировать восстание стала Англия — под видом жертвований британских греческих общин. Вместе с французами она раздувала симпатии к повстанцам. Собирали деньги, посылали оружие, туда ехали добровольцы вплоть до рекламной фигуры Байрона. Попутно грекам внушали: царь отказался от вас, предал на расправу султану. Подсказывали и сербам, болгарам, валахам — каково надеяться на русских. А «друзьями» выступали Англия и Франция, подрывая на Балканах российское влияние и внедряя свое.

Изменил положение только Николай I. Греция, Сербия, Валахия и Молдавия освободились и получили автономию благодаря русским победам в войне с турками, по Адрианопольскому договору. Но греческую верхушку и интеллигенцию уже успели переориентировать на Запад. Те же тенденции проявились в Болгарии, Валахии.

А во Франции к власти пришел Карл X, пытался укреплять монархическое начало в противовес либеральному, взял курс на сближение с Россией. В 1828—1829 гг. царские войска громили турок, наступали на Балканы — и переполошилась Австрия. Угрожала выступить на стороне султана. Но Карл X предупредил Вену — в случае вмешательства он объявит австрийцам войну. Стоит ли удивляться, что через год, в 1830 г., его свергли?

В Нидерландах после наполеоновских войн было создано единое королевство — Голландия, Бельгия, Люксембург. На юге и севере существовали языковые и религиозные различия. Хотя это никому не мешало, межэтнических и межконфессиональных столкновений не зафиксировано ни одного. По меркам того времени страна жила припеваючи. Но для Англии объединенные Нидерланды с развитой промышлен-

---

ностью стали сильным конкурентом. В 1830 г. без всяких причин и даже поводов бельгийцы восстали. Причем революция был явно подготовлена: началась почти одновременно по разным городам, заранее запасли флаги, оружие.

Отделение от Нидерландов обвалило экономику Бельгии. Производительность ее фабрик упала в 3-4 раза. Торговля через ее порты совсем рухнула. Масса людей осталась без работы. У тех, кто сохранил ее, заработная плата снизилась на 70%. Зато были подорваны позиции британских конкурентов, и вдобавок Англия стала гарантом бельгийской независимости. Покровительницей новоиспеченного государства!

Ну а Россия после победы над Наполеоном рассматривалась в Лондоне как главная соперница на международной арене. Было бы просто удивительно, если бы против нее не использовали революционные технологии. Впрочем, рассматривать в отдельности только декабристов было бы вообще некорректно. Они стали составной частью целого букета заговоров. Так, кроме самых известных, «Северного» и «Южного» обществ, существовало еще «Тайное общество грузинских дворян» с отделениями в Тифлисе, Москве, Санкт-Петербурге. Оно вовлекало в свои ряды грузинских офицеров, чиновников, студентов. Строило планы отделиться от России, возродить Грузинское царство и возвести на престол царевича Александра. Он жил в Персии, формировал отряды из эмигрантов и наемников. В двух войнах России с этой страной сражался на вражеской стороне, вторгался через границу, пытаясь поднять мятежи. А Грузию мечтал передать под покровительство шаха. Хотя это выглядело парадоксально — ведь Россия приняла грузин по их собственным отчаянным мольбам, спасая их от истребления именно персами!

Грузинские заговорщики были связаны с декабристами, вхожими на их собрания. Особенно был близок к ним идеолог сепаратистов, редактор газеты «Тифлисские ведомости» Соломон Додашвили. Но эта тайная организация была всё же слабовата. Куда более мощным было «Патриотическое общество» в Польше. Ведь Александр I благородно даровал ей конституцию, полную автономию, у нее было свое правительство, парламент, своя армия. Вот в этой армии и орудовало «Патриотическое общество», готовило восстание. Оно координировало и целый ряд более мелких польских и литовских организаций: «друзей», «променистов», «тамплиеров» и др.

Польские «патриоты» вели революционную агитацию даже среди русских офицеров, при их прямом участии было создано «Общество соединенных славян», выступавшее за некую «демократическую федерацию» всех славянских наро-

---

дов. Позже оно объединилось с «Южным обществом». Между прочим, мы привыкли рассуждать о целях и взглядах декабристов, опираясь на их программные документы, «конституцию Муравьева», «Русскую правду» Пестеля. Но факты показывают, что это были всего лишь декларации, очень серьезно расхоdivшиеся с реальностью. Впрочем, точно так же, как у всех революционеров, для которых главным было одно — захватить власть.

Тот же Пестель в «Русской правде» рекламировал «неделимую» республику. Но это не мешало декабристам дружить с грузинскими сепаратистами. А переговоры с представителем «Патриотического общества» князем Яблоновским Пестель вел лично. Полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, Подолии, Вольны и даже Малороссии! Не только Правобережной, но и Левобережной Украины, отошедшей к России при Богдане Хмельницком! В итоге договорились действовать вместе, восстание намечалось на 12 марта 1826 г., в 25-ю годовщину восшествия Александра I на престол.

И ведь план-то был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады, смотры с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования Александра, а еще и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Может быть, для оккультистов-масонов дата обладала какими-то особыми свойствами (в 1917 году в этот же день Англия, Франция и Италия официально признают Временное правительство). Но брался в расчет и психологический фактор!

Александр I никогда не забывал, как он занял престол через труп отца. Как он покрыл убийство, объявив: «Батюшка скончался апоплексическим ударом» — и тем самым стал соучастником. Это мучило царя, он кидался в мистицизм. В катастрофе Аустерлица, нашествии Наполеона, пожаре Москвы, наводнении в столице, в собственной бездетности видел Божьи кары за страшный грех. И после первых донесений о заговоре в офицерской среде он не предпринимал ничего! Потому что и сам знал за собой ту же вину. В юбилей, принимая поздравления, он должен был вспоминать особенно остро 12 марта 1801 г. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падет духом. Воспримет, как закономерное воздаяние...

Но случилось иначе. По одной версии, вмешался Сам Господь, и царя не стало. По другой, как раз новые сведения о заговорщиках вкупе с гибелью фельдъегеря Маскова подтолкнули Александра I исчезнуть, уйти на покаяние в обличье старца Федора Кузьмича (эту версию подтверждал святой провидец старец Николай (Гурьянов)). Выигрышный план рассыпался, начались аресты. В итоге «Северное общество»

в путанице с наследниками выбрало для восстания день «переприсяги» 14 декабря. В «Южном», уже обезглавленном, всплеснул погромом лишь бунт Черниговского полка.

Связи декабристов с «Патриотическим обществом» были полностью доказаны на следствии. В Польше тоже прокатились аресты. Но... из-за ее автономии расследование было передано польскому правительству. После двухмесячных разбирательств оно постановило... освободить всех обвиняемых. Потому что суд польского Сейма отказался признать деятельность «Патриотического общества» государственной изменой. Революционеры начали готовиться к новому восстанию, которое и грянуло в 1830—1831 гг.

Делопроизводитель Следственного комитета А.Д. Боровков записал, что как раз через поляков декабристы осуществляли связи с масонскими структурами Англии, Франции, Испании, Венгрии. Для Великобритании представляли интерес и грузинские сепаратисты. В Лондоне вообще считали первоочередной задачей вытеснить Россию с Кавказа. Осуществлялись поставки оружия немирным горским племенам, Персии, там действовали английские военные советники. А грузинского царевича Александра в вылазках на российскую территорию сопровождал британский офицер Уильям Монтейт, оставивший записки об этих походах.

Но имеются ли свидетельства о прямых контактах самих декабристов с англичанами? Оказывается — да. Сергей Муравьев-Апостол рассказал на допросе, как делегат от «Южного общества» Княжевич ездил в Варшаву, встречался там с британским послом Стрэтфордом Каннингом, возвращавшимся через Польшу из Петербурга в Лондон. И вот на эту фигуру стоит обратить особое внимание. Чарльз Стрэтфорд Каннинг был совсем не рядовым и не случайным дипломатом. Он приходился двоюродным братом премьер-министру Джорджу Каннингу, был членом королевского Тайного совета, а в международных делах всегда оказывался правой рукой лорда Палмерстона. Одного из главных режиссеров британской политики «поддержки за границей либеральных течений». Читай — экспорта революций. Пальмерстон был и главным русофобом в английской верхушке.

А Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 г. его направили в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке — между Российско-американской компанией, осваивавшей Аляску, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединенными Штатами. Причем США с русскими очень быстро достигли соглашения и подписали договор. Но с британцами перего-

---

воры почему-то затянулись, и Каннинг задержался в нашей стране до 1825 г.

Хотя здесь необходимо очень важное уточнение. Российско-американская компания (РАК) была «полугосударственной». Её акционерами были сам царь, члены императорской семьи, высокопоставленные вельможи. В компанию откомандировывались офицеры, нижние чины, военные корабли. Однако юридически это была частная организация. В ту эпоху подобное положение было обычным. Индию официально завоевывала не Англия, а Ост-индская компания. И Канада точно так же осваивалась компанией Гудзонова залива.

Однако это значит, что и переговоры велись как бы не между государствами. Не в Министерстве иностранных дел, а в управлении РАК, на набережной Мойки, 72. Но... как раз это управление было гнездом «Северного общества»! Правителем канцелярии Российско-американской компании был Рылеев! Заговорщики нередко собирались у него. А фактическим руководителем компании был адмирал Мордвинов, ярый англофил и покровитель Рылеева. После свержения царя декабристы намечали поставить Мордвинова во главе временного правительства.

Именно здесь в 1824—1825 гг. обретался Стрэтфорд Каннинг, задержавшийся в России. С Рылеевым, возглавлявшим делопроизводство РАК, он общался постоянно. Очевидно, и с его товарищами. О чем они говорили, для нас остается сокрытым. В феврале 1825 г. договор наконец-то был подписан. Но Каннинг вовсе не поспешил сесть на ближайший корабль и отчалить на родину. Нет, он почему-то отправился в Лондон совсем не быстрым путем. И совсем не удобным, учитывая тогдашнее состояние дорог. Шоссе с твердым покрытием ещё не существовало, их построит только Николай I. А посол поехал из Петербурга через Варшаву по зиме и весенней распутице с непролазными морями грязи. И понятно зачем, если в Польше к нему прибыл посовещаться делегат ещё и от «Южного общества». Да и с польскими заговорщиками там можно было вдосталь пообщаться.

Правда, показания Муравьева-Апостола о совещании с Каннингом самоуверенно отверг польский главнокомандующий, великий князь Константин Павлович. Объявил — это ложь. Дескать, у него в Варшаве контроль образцовый, неужели от него могло бы что-то утаиться? Не верить великому князю было нельзя. Вопрос о связях с англичанами был вроде бы закрыт. Хотя факты показывают, что Константин в Варшаве был глух и слеп, абсолютно не подозревал, что творится у него под носом. О восстании 1830 г. он узнал только тогда, когда поляки вломились в его дворец, — еле удрал.

Впрочем, в деле декабристов вообще многое оказалось замято. Следствие как-то деликатно обошло стороной масонские корни тайных обществ, финансирование (а оно было — очевидцы вспоминали, что среди мятежных солдат многие были пьяны, как и толпы примкнувшей черни. Кто это оплатил?) Высокопоставленные вельможи, по многим признакам причастные к заговору, адмирал Мордвинов, член Государственного совета Сперанский, сенатор Сумароков и др. остались «чистенькими», как бы не нашлось достаточных доказательств. Что же касается пятерых казненных, то Каховский был пешкой, проигрался вдрызг, жил на содержании сообщников, за что и расплатился ролью киллера, убив Милорадовича и полковника Стюрлера. Четверо остальных были непосредственными руководителями революционеров, но у них было еще кое-что общее. Они слишком много знали. В том числе о связях с иностранцами (взаимодействие с поляками курировал Бестужев-Рюмин). Могила сокрыла их тайны.

И все-таки можно утверждать, что Николай I знал о британском участии в заговоре. В 1832 г., уже после подавления польского восстания (и захвата польских архивов), министр иностранных дел Англии Палмерстон направил свою «правую руку» Каннинга на один из самых престижных и ответственных постов. Послом в Россию! Теперь не для временной миссии, а постоянным. И вдруг царь... отказался допустить Каннинга в нашу страну.

Это вызвало страшный дипломатический скандал. Посла назначил британский кабинет, верительные грамоты уже подписал король. А царь его не принимает! Палмерстон кипятился, угрожал. Заявлял, что другого посла в России не будет. Велел советнику посольства исполнять обязанности посла до вступления в должность Каннинга. Но и Николай уперся. В ответ понизил ранг российской миссии в Лондоне, назначил поверенным в делах второстепенного чиновника. А на требования Пальмерстона подтверждал отказ.

Но ведь с назначенным послом надо было что-то делать. Пальмерстон нашел лишь курьезный выход, Каннинга в ранге «посла в Российской империи» отправили... в Испанию. А перед царем Пальмерстон сбавил тон, просил разрулить ситуацию по-хорошему. Пускай Каннинг только приедет в Петербург, представится императору и сразу уедет. Ответ Николая был характерным: что он согласен дать послу любой из российских орденов, только приезд для него запрещен.

О причинах, которые царь так и не назвал, до сих пор гадают историки. Потому что Каннинг в каких-либо антироссийских акциях как будто не светился. Публичных выска-

---

званий против нашей страны не делал. А после своего визита в 1824—1825 гг. в России не бывал. Отсюда как раз и видно, царь располагал информацией о тайной деятельности Каннинга во время этого визита. И информация была настолько весомой, что он пошел на международный скандал. Причем Николай знал — причина его отказа хорошо известна и Палмерстону, и Каннингу. Пояснять ее не требовалось. (И англичане таких разъяснений даже не запрашивали! Они действительно знали причину!)

Палмерстон додумался лишь до провокации. Раз царь не принял Каннинга, направил к нему послом лорда Дургамы. Вот он-то проявил себя оголтелым русофобом в парламентских выступлениях, в пропагандистских кампаниях. Но... его Николай I принял! На рейде Кронштадта, куда посол прибыл на британском корабле, царь как раз объезжал русский флот. Пригласил Дургаму к себе на пароход «Ижора». Запросто, без церемоний, беседовал с ним. И посол, ехавший в Россию ее врагом, был совершенно очарован императором! Стал его другом и почитателем! А мы еще раз видим подтверждение — то, что натворил в нашей стране Каннинг, было гораздо серьезнее, чем даже открытая пропагандистская русофобия.

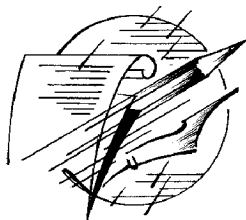
Более подробно и доказательно, со строгими ссылками на источники, я раскрыл эти факты в своих новых книгах «Кто стоял за декабристами» и «Николай Грозный. Блеск и величие дворянской России». Но к сказанному стоит добавить: тот же самый Стрэтфорд Каннинг с 1842 г. обосновался послом в Османской империи. Стал главным советником султана Абдул-Меджида, самым влиятельным лицом в Константинополе! (Кстати, «по совпадению», великим визирем в это же время стал Решид-паша, «отец» турецких масонских лож и основатель либеральной партии «Молодая Турция»). Именно Каннинг с подачи Палмерстона шаг за шагом режиссировал действия султана, провокациями втянув Россию в Восточную войну — когда на нее обрушилась чуть ли не вся Европа. Показал высочайший уровень в мастерстве закулисных интриг. Вот только с революцией декабристов у него и его начальства получился «прокол». Довершать дело пришлось другим британским дипломатам и разведчикам в 1905 и 1917 гг.

«ЭКСПЕРИМЕНТ» ИЛИ ДИВЕРСИЯ?

«Причина всей аварии — в программе испытаний. Уже через много лет после аварии, где-то в 2000 году, я наложил программу испытаний на очевидную версию причин аварии и увидел, что если выполнять программу испытаний буквально, от первого до последнего пункта, то аварии избежать невозможно...» (Юрий Андреев, президент Союза «Чернобыль Украины»)

Постоянные атаки Киева на территорию Запорожской АЭС показывают, что безумие западной цивилизации таково, что даже ядерная катастрофа может быть использована ими для политических целей. Главный вывод из этого: что может быть сделано сейчас, могло быть сделано и в прошлом.

Когда 26 апреля в 1 ч. 24 мин. взорвался реактор 4 блока, то в его недрах отверзлись врата ада. И не только в физическом, но, как потом оказалось, — и в духовном смысле. Температура в момент взрыва в зоне достигала несколько тысяч градусов. Около сотни тонн раскаленного топлива было выброшено во внешнюю среду. Сколько бесконечных мук, страданий и горя принес-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ла эта авария нашей стране, которая фактически перенесла ограниченную ядерную атаку!

Представим, каково это было — встретить этот ад людям, работавшим на 4 блоке, а затем и пожарным, которые приехали тушить то, что потушить было никак нельзя. Все они — и те, кто встретил аварию и те, кто пытался залить эту бездну водой, совершил беспримерный, ничем не измеримый подвиг. Ряд сотрудников, которые столкнулись с этой бездной лицом к лицу, а также в основном пожарные, получив страшные радиационные ожоги, умерли в ближайшее после аварии время в страшнейших нечеловеческих муках. И многие из них, безусловно, понимали, на что шли.

Вот как описывала страдания своего мужа Василия Игнатенко, получившего во время тушения пожара дозу около 1600 рентген, его жена Людмила: «Он так страдал, любое движение причиняло ему боль. Ему нужно было перестилать простыню, потому что каждая складочка становилась причиной мучений. Когда я переворачивала Васю, его кожа оставалась у меня на руках. Он кричал от боли. Одежду на него уже одеть было невозможно: он весь распух, кожа стала синей, раны трескались, кровь сочилась. В последние дни это было очень трудно: у него была рвота, наружу выходили куски легких, печени...»

И всё это происходило на фоне мелкого ничтожного страха начальников разного уровня, а затем и руководства страны, которые пытались скрыть истинный масштаб бедны, что неизбежно роковым образом еще более многократно умножало горе, муки и страдания людей. Посёлок Припять надо было эвакуировать незамедлительно, а тревогу в посёлке надо было объявить сразу после взрыва! Сколько было получено болезней и, конечно, смертей в результате свободного перемещения людей, в том числе детей, до эвакуации, которые гуляли по улицам, пытались понять, что происходит на станции, когда в воздухе летали горячие частицы из зоны, которые, попадая людям в легкие, вызывали тяжелые, в том числе онкологические заболевания?

Смерть, горе и страдания жертв аварии вопиют к Правде и к Высшему суду: зачем мы продолжаем врать друг другу об аварийной защите, которая якобы взорвала реактор, о его недостатках, которые были, но никогда бы не стали истинной причиной этой трагедии?

Что на самом деле знают наши люди об этой аварии, кроме сведений, полученных из англо-американского сериала «Чернобыль», в котором правда поровну смешана с уродливой ложью?

Авария произошла в результате сомнительного эксперимента «выбега». Идея была в том, что если в результате аварии будет отключено питание главных циркуляционных насосов (ГЦН) (обеспечивающих охлаждение реактора за счёт прокачки воды через его контур), то по аварийному сигналу будут включаться резервные автономные дизель-генераторы (РДЭС), но не сразу, а через 30–60 сек. Для обеспечения электропитания насосов на время разгона дизель-генератора рассматривалась возможность использования энергии инерции вала огромной турбины АЭС, продолжающей генерировать ток после перекрытия подачи пара. Но величина такого тока будет падать вместе с падением оборотов турбины, она остановится, и тока не будет. Вместе с нею отключатся насосы, запитанные от турбины, и охлаждение реактора существенно ухудшится. В этом и заключался главный риск эксперимента.

Большинство СМИ «под копирку» пиарят «официальную», полностью не доказанную, сомнительную версию о начале аварии после сброса (нажатия кнопки А35) стержней аварийной защиты (СУЗ — системы управления и защиты), которые якобы из-за конструкции стержней (так называемый «концевой эффект») не заглушили, а, наоборот, разогнали реактор. По этой версии ключевое событие — нажатие кнопки аварийной защиты после начала разгона реактора, вызванного выводом основной массы стержней защиты из каналов реактора.

Официальная версия хочет, чтобы мы не задавали себе главного вопроса о том, какие же конкретные действия персонала вызвали катастрофу, за исключением факта нахождения основной массы стержней в верхнем положении. Если основной фактор — дефект стержней, какая разница что было перед этим?

Но в последнее время появились новые альтернативные исследования причин аварии и которые восстанавливают истинную картину аварии и которые противоречат официальной версии, в том числе в работах Г.Медведева, О.Новосельского, Н.Карпана, Б.Горбачева, А.Тарапона, В.Федуленко, В.Дмитриева, Н.Кравчука и пр. К этому же выводу пришли и авторы доклада Легасова. Авария произошла из-за запаривания активной зоны, и вызвал ее не конструктив реактора, а действия персонала. Разговоры о недостатках реактора стремятся отвлечь нас от истинной причины аварии.

Согласно этим исследованиям, кнопка А35 была нажата при появлении первых признаков аварии — сильного скач-

---

ка мощности и даже взрыва. Поэтому причина нажатия кнопки АЗ5 является ключевым вопросом. И если доказано прямопротивоположное, почему не раскрыть материалы уголовного дела, хранящегося в Москве, и не создать новую комиссию по ее исследованию, тем более что еще живы люди, которые знают о ней всё?

Ответ крайне прост — анализ действий персонала и, главное, сопутствующих им обстоятельств вскрывает жуткую картину тщательно замаскированного преступного замысла, который, собственно, и был причиной аварии.

Ядерный реактор является высоконадежным объектом, и основная возможность, которая может вызвать аварию, — это отказ системы охлаждения. Но управление реактором — очень сложно регламентированный процесс, бездумное нарушение которого также может иметь тяжелые последствия. Очень многие люди, понимающие физику, в комментариях к статьям об этой аварии часто пишут, что действия персонала — это пособие для взрыва реактора. Как сказал один специалист («Битва после смерти»): «Сам по себе реактор был надёжен, просто на нём надо было работать, а не ставить эксперименты».

Как недавно заявил генерал-майор ФСБ России в отставке Анатолий Ткачук, в первое время после аварии версия диверсии в качестве причины катастрофы на Чернобыльской АЭС рассматривалась всерьёз.

Предположим, что некая иностранная разведка планировала диверсию, чтобы развалить СССР. Провести ее нужно было так, чтобы никто из участников процесса не понимал, в чём он участвует, и не оставить практически никаких следов. Те странные факты, которые давно вызывают вопросы у исследователей аварии, выстраиваются в следующую цепочку.

Шаг первый. Необходимо было найти повод, чтобы реактор был выведен из состояния нормальной эксплуатации. Безусловно, взорвать реактор в нормальных условиях эксплуатации практически невозможно. Он спроектирован таким образом, что огромное количество автоматики, которая еще дублирует друг друга, обязательно найдёт любой аварийный процесс и заглушит реактор. Проектанты учитывали любые значимые риски развития аварии. Все эти системы были и на реакторе РБМК. Так во время аварии на Ленинградской АЭС в 1975 г., которая проходила, кстати, по очень похожему сценарию, именно все те защиты, которые не сработали (или были выведены) на ЧАЭС, на ЛАЭС отлично сработали, реактор был заглушен и масштабы аварии были не столь критичными. И повод был найден — в проведении аб-

---

солютно ненужного и абсурдного эксперимента выбега. Где это видано, чтобы на промышленном реакторе разрешили эксперименты? Для этого есть исследовательские реакторы. Однако, несмотря на абсурдность этого эксперимента, во многих материалах, в том числе в интервью с А. Дятловым, доказывается, что этот эксперимент был якобы крайне важен и нужен.

Давайте посчитаем, сколько к тому времени станций было оборудовано реакторами РБМК помимо ЧАЭС: Курская, Смоленская, Игналинская, Ленинградская, на которых, помимо ЧАЭС, работало около 12 блоков. И все они благополучно работали, но никто и никогда (!) не требовал вводить систему выбега в действие и тем более проводить какие-либо эксперименты. Только ЧАЭС решила почему-то всех удивить, что и привело к аварии. Аналогов этой системы не было нигде в мире.

Идея выбега была предложена Главным конструктором реактора («О режиме выбега», письмо НИКИЭТ, исх. № 040-9253 от 24.11.76 г.). Режим выбега ТГ на атомных электростанциях успел даже войти в очередное издание учебника для электротехнических вузов по курсу «Электрическая часть электростанций» (под ред. С.В. Усова. 1977). Однако от идеи до практики разница очень большая. Но именно Минэнерго, куда перевели ЧАЭС, стало проявлять особый и непонятный интерес к выбегу.

По мнению заместителя главного инженера ЧАЭС по науке Н.Карпана, который проводил испытания выбега до 1986 года, «идея использовать выбег ТГ как дополнительную систему безопасности абсурдна» (Карпан Н. «Чернобыль: в поисках правды»).

Как сказано в национальном докладе Украины (20 лет Чернобыльской катастрофы, взгляд в будущее. Национальный доклад Украины. Киев, Атика, 2006): «Выполнение указанных испытаний, с сегодняшних позиций, неправомерно».

По мнению В. Легасова, данный эксперимент надо было проводить не на станции, а «...на специальном стенде, сооруженном у конструктора турбины».

Шаг второй. Нужно было найти повод, чтобы заблокировать хотя бы часть аварийных защит. Повод был найден — в необходимости повторения эксперимента.

Согласно Докладу №1 («Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ») реактор имел все необходимые защиты для спасения реактора: «Конструкция реакторной установки предусматривала защиту от подобного типа аварий с учетом

физических особенностей реактора, включая положительный паровой коэффициент реактивности». Но с целью предотвращения останова реактора для продолжения (повторения) эксперимента в случае неудачи персоналом часть важнейших защит была заблокирована!

Согласно Г. Медведеву, хорошо знавшему ЧАЭС (он участвовал в строительстве ЧАЭС в должности заместителя главного инженера станции), персонал отключил следующие защиты: «...заблокировали защиты реактора по сигналу останова аппарата при отключении двух турбин; заблокировали защиты по уровню воды и давлению пара в барабанах-сепараторах, стремясь провести испытания, несмотря на неустойчивую работу реактора. Защита по тепловым параметрам была отключена; отключили системы защиты от максимальной проектной аварии, стремясь избежать ложного срабатывания САОР во время проведения испытаний, тем самым потеряв возможность снизить масштабы вероятной аварии».

Как метко на этот счет сказал академик А. Александров: «А там не было только защиты от дурака, задумавшего отключить защиту ради своего эксперимента». Дурака ли? Или очень умных людей, которые хотели вывести станцию из строя? Регламент запрещал любые блокировки защит.

Основные претензии, которые реально можно предъявить к конструкторам реактора — это то, что возможность внешнего отключения, в том числе по крайне важным защитам, существовала!!!

Но это еще не всё! Организаторы эксперимента не хотели дать исполнителям ни малейшего, даже ничтожного шанса на спасение реактора! Была отключена и даже заблокирована ручную (!!!) аварийная система, обеспечивающая охлаждение реактора, что привело к потере возможности снижения масштаба аварии.

Шаг третий. Во время испытаний необходимо было вынудить персонал провести эксперимент на работающем реакторе. Очень важно, что ранее такие же испытания проводились только на ЧАЭС в 1982, 1984 и в 1985 годах, и каждый раз эксперимент заканчивался неудачей из-за неполадок в системе генерации тока, но без всяких аварий и даже происшествий. Все предыдущие испытания были, по сути, электротехническими, так как в них реактор предварительно глушился защитой и в испытаниях не участвовал, тогда как эксперимент 1986 года проводился на работающем реакторе (!) с рядом отключенных защит, что было грубейшим нарушением регламента.

По мнению Ю.А. Потёмкина, бывшего зам. начальника управления ГВП (Главной военной прокуратуры) СССР («Четвертый блок. Версия следователей»): «...отключили обе турбины при действующем реакторе. Это уже безумие, прямо скажем. Это привело к взрыву».

Шаг четвертый. После аварии необходимо было создать мнение в профессиональных кругах, а затем и в обществе, что авария произошла не в результате ошибок (или преступных действий) персонала, а в результате ошибок конструкторов реактора, его ненадежности и, наконец, придумать абсолютный абсурд — что к аварии привела якобы сама защита реактора.

Основной сторонник данной позиции — заместитель главного инженера Анатолий Дятлов, который как раз руководил всем этим экспериментом. Так в одном из своих интервью он заявил следующее: «Если бы я себя чувствовал виновным в такой катастрофе, то прямо скажу я бы уже не жил. Я не принимал рискованных решений по реактору, считал это совершенно недопустимым. Не было этого раньше, не было этого 26-го. Сам эксперимент... не имел никакого отношения к аварии. В таком состоянии реактор мог бы оказаться при выполнении абсолютно любой работы». И в своём более позднем интервью он твердил: «Провести эксперимент было необходимо, это делается всегда, поскольку это была проектная система... Эксперимент этот никакого отношения к аварии не имел. ...И программа составлена в общем-то грамотно, осмысленно, мы ее обсуждали несколько раз... И сейчас практически все специалисты сходятся на том, что реактор взорвала именно аварийная защита». Чистой воды абсурд! В технических институтах учат, что когда в реакторе нет стержней — жди беды. Но они, экспериментаторы, якобы думали, что проскочат. Это отговорки для обывателя.

Шаг пятый. Полностью ослабить административный и технический контроль на предполагаемом объекте диверсии. По каким-то странным причинам ЧАЭС передали из профессионального министерства Минсредмаш, освободив ее от мелочной опеки профессионалов, в Минэнерго, которое начало активно заниматься экспериментом. По мнению Г. Медведева («Чернобыльская тетрадь». М.: Известия, 1989) центральный аппарат Минэнерго СССР не имел достаточного опыта в атомной специфике.

Шаг шестой. Ослабить на предполагаемом объекте руководящие кадры, которые не препятствовали бы проведению эксперимента либо сознательно или бессознательно допус-

---

тили бы там необходимые нарушения. По свидетельству Г. Медведева: «...Фомин, электрик по опыту работы и образованию, был выдвинут на Чернобыльскую атомную станцию с Запорожской ГРЭС (тепловая станция), до которой работал в Полтавских энергосетях... Минэнерго СССР не поддерживало кандидатуру Фомина. На эту должность предлагали В.К. Бронникова, опытного реакторщика. Но Бронникова не утвердили в Киеве... «Фомин — жёсткий, требовательный руководитель. Хотим его». И Москва уступила. Кандидатуру Фомина согласовали с отделом ЦК КПСС, и дело было решено. Цена этой уступки известна. ... Брюханов был совсем молодой — тридцати шести лет от роду. По профессии и опыту работы он турбинист... Выдвинулся на Славянской ГРЭС (угольной станции), где хорошо проявил себя на пуске блока... Инженер он хороший... но вот беда — не атомщик. А это, как показал Чернобыль, самое главное. На атомной станции надо быть прежде всего профессионалом-атомщиком... Курирующий Славянскую ГРЭС замминистра из Минэнерго Украины заметил Брюханова и выдвинул его кандидатуру на Чернобыль...»

Ни Брюханов, ни Фомин, ни Дятлов не должны были работать на ЧАЭС. И если бы там были другие люди, возможно, аварии бы не произошло. Вот что сам Фомин говорил об этом в заключительном слове на суде: «Почему я не обеспечил безопасности АЭС? Я по образованию электрик и 17 лет этим занимался. Согласившись занять должность главного инженера атомной станции, я был на краткосрочных курсах, потом самостоятельно изучал новое производство. Но из-за недостатка времени, я не смог полностью изучить все тонкости физики... Перед аварией я более четырех месяцев после автоаварии пролежал в неподвижном состоянии. Организм сильно ослаб».

Кто-нибудь подскажет, как электрику стать главным (!!!) инженером атомной станции?

Как пишет Б.И. Горбачев («Главная причина Чернобыльской аварии»): «Чернобыльская АЭС была единственной АЭС, на которой ни директор, ни главный инженер вообще не были специалистами-атомщиками... Естественно, такое руководство и сотрудников подбирало под себя... На ЧАЭС в те времена процветала семейственность, и зажим всякой критики административными методами».

Затем «умнейшие» организаторы этой акции не назначают, а буквально пропихивают на станцию А. Дятлова, который также не был эксплуатационным инженером и, кроме того, уже попадал в радиационную аварию.

Григорий Медведев в 1973 году проводил собеседование с А. Дятловым и был против его приёма на работу в реакторный цех, но того спасла непонятная протекция директора ЧАЭС В. Брюханова: «По анкете значилось, что работал он заведующим физлабораторией на одном из предприятий Дальнего Востока, где... занимался небольшими корабельными атомными установками... На АЭС никогда не работал. Тепловых схем станции и уран-графитовых реакторов не знает... Слушать его было нелегко, характер в нем ощущался тяжелый. Я доложил Брюханову, что принимать Дятлова на должность начальника реакторного цеха нельзя... Брюханов... сказал, что подумает. Через день вышел приказ о назначении Дятлова заместителем начальника реакторного цеха... Прогноз относительно Дятлова подтвердился: неповоротлив, тугодум, тяжел и конфликтен с людьми... После моего отъезда Брюханов стал двигать Дятлова, он стал начальником реакторного цеха, а затем и заместителем главного инженера по эксплуатации второй очереди атомной станции».

И еще один интересный комментарий от начальника смены четвертого блока Смагина Виктора Григорьевича: «Дятлов человек тяжелый, замедленный... Костяк физиков-управленцев Дятлов собрал с Дальнего Востока, где сам работал начальником физлаборатории. Орлов, Ситников (оба погибли) тоже оттуда. И многие другие — друзья-товарищи по прежней работе...»

Шаг седьмой. Поставить перед непрофессиональным руководством станции задачу, которая ими априори не могла быть выполнена. И задача была поставлена — выбег.

Шаг восьмой. Поручить составление программы в руки (опять же!) непрофессионалов. Разработку программы зачем-то поручают Донтехэнерго, которая не занималась АЭС (!). Такое сложно представить. И там составляют бездарную и опаснейшую программу. Приведем определение суда в отношении программы испытаний: «...Программа испытаний была составлена бригадным инженером Донтехэнерго Метленко Г.П., не имевшем необходимых знаний и опыта эксплуатации атомных реакторов. Брюхановым, Фоминым, Дятловым и Коваленко эта программа надлежащим образом проработана не была, хотя содержала существенные отступления от технологического регламента. Несмотря на это, Фомин, Дятлов и Коваленко ее подписали. В соответствии с этой программой в дальнейшем персонал проводил испытания, закончившиеся аварией 26 апреля 1986 г. ...Программу испытаний надлежало согласовать с научным руководителем,

---

главным конструктором, главным проектантом, Госатомэнергонадзором и с заместителем главного инженера станции по науке, но и этого не было сделано» («Чернобыльский суд»).

Шаг девятый. Провести эксперимент без согласования программы. Прекрасно понимая, что они не смогут согласовать программу, но чтобы во что бы то ни стало обеспечить ее реализацию — она не согласуется ни с кем из вышестоящих организаций.

Кто-нибудь может представить подобное в условиях жесточайшей строгости любых регламентов в СССР, особенно в части секретной ядерной энергетики?

Стоит обратить внимание на одну любопытную деталь: с одной стороны, руководитель НИКИЭТ академик Доллежал ничего не знал о готовящемся эксперименте, с другой стороны, некое высокое должностное лицо (оставшееся неизвестным!) из НИКИЭТ (проектанта реактора) через своих представителей пыталось пролоббировать проведение этого эксперимента еще и на Курской АЭС (!!!). Что не менее удивительно, про эксперимент также ничего не знал Научный руководитель проекта ЧАЭС академик Анатолий Петрович Александров, директор ИАЭ им. И.В. Курчатова. Но именно на этих двух великих специалистов свалили всю вину за «плохой реактор».

Шаг десятый. Убрать всех профессионалов, которые могли бы помешать и провести эксперимент без аварии. Неожиданно профессионального физика, заместителя главного инженера по науке Н.В. Карпана, который проводил эти испытания с 1982 года, заменяют на А.Дятлова, который никогда (!) не занимался этой программой и скорее всего до конца не понимал всей опасности проблемы. Предыдущие испытания 1985 года на энергоблоке №3 ЧАЭС были якобы (!) успешны, но зарегистрировать результаты испытаний не удалось. Из материалов суда следовало, что программу испытаний нужно было согласовать и с Н. Карпаном, но и этого сделано не было.

А вот еще одна странность: имелся приказ директора ЧАЭС о том, что при таких испытаниях должен был присутствовать представитель отдела ядерной безопасности (ОЯБ). И он, может быть, не позволил бы так издеваться над ядерным реактором. На вопрос прокурора «Почему ОЯБ не дежурил 26 апреля?», Н. Карпан, заместитель главного инженера, ответил следующее: «...25 апреля должен был дежурить Анатолий Чернышёв (в прошлом опытный старший инженер управления реактором)... Но остановку блока перенесли на 26 апреля, а позвонившему на работу днем 25 апреля Чернышёву

сказали, что испытания закончены и он свободен». Интересно, кто же ему позвонил?

Шаг одиннадцатый. Отдать проведение эксперимента в руки наиболее слабой, неопытной смены, которая не могла бы изначально противиться противозаконным приказам руководителя испытаний.

Как считает Г. Медведев, атомщик-профессионал, который участвовал в строительстве ЧАЭС в должности заместителя главного инженера станции, смена Юрия Трегуба, которая 25.04.1986 сдала смену Александру Акимову, была более опытной и вряд ли допустила бы аварию. Начальник смены блока Александр Акимов никогда (!) не работал СИУРом (старшим инженером управления реактором), а СИУР Топтунов Л.Ф., 26 лет, имел стаж работы СИУРом 8 месяцев. По свидетельству главного инженера ЧАЭС Фомина, «СИУР Топтунов был не очень опытен, не имел навыков работы в переходных режимах», и Акимов «был неопытным, молодым специалистом». При переносе испытаний смену надо было усилить, но парадоксальным образом и это сделано не было. Только опытный физик Ю. Трегуб (начальник смены блока, работавший в предыдущую смену), которому не понравилась программа, о чем он прямо сказал А. Дятлову, решил остаться и посмотреть эксперимент. И он же дал самые четкие показания, правдиво показывая картину аварии, что большинство сотрудников ЧАЭС не сделало.

Шаг двенадцатый. Чтобы повысить вероятность неблагоприятного исхода этих испытаний, всех участников программы ставят в экстремальные условия: оказывают давление на руководителя Дятлова, проводят эксперимент в спешке, ставят эксперимент в самую неопытную смену, заранее не знакомят персонал с программой эксперимента, совмещает несовместимые испытания выбега и виброиспытания неисправной турбины, накладывая одну программу на другую, и получают то, что требовалось, — аварию.

Самое интересное, что персонал знакомился с программой не заранее, а в ходе своей смены. Руководство не понимало опасности этого эксперимента. Как свидетельствует Юрий Трегуб, начальник смены блока №4 (Щербак Ю.Н. «Чернобыль»): «25 апреля 1986 года я заступил на смену... Я поначалу не был готов к испытаниям... Только через два часа, когда вник в суть программы... только после того, как я внимательно ознакомился с программой... у меня появилась куча вопросов... Программа мне не понравилась своей неконкретностью. Видно было, что ее составлял электрик...из Донтехэнерго...»

Согласно докладу Легасова для МАГАТЭ: «Основным мотивом поведения персонала было стремление быстрее закончить испытания. Нарушение установленного порядка при подготовке и проведении испытаний, нарушение самой программы испытаний, небрежность в управлении реакторной установкой свидетельствуют о недостаточном понимании персоналом особенностей протекания технологических процессов в ядерном реакторе и о потере им чувства опасности... Таким образом, первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока».

Шаг тринадцатый. Подключение дополнительного числа насосов к выбегающей турбине. Другое важнейшее отличие эксперимента заключалось в том, что если ранее в эксперименте участвовало только 2 ГЦН, то в 1986 г. их число решили увеличить до 4, а также подключить насос питательной воды (ПЭН), что еще более увеличивало риски ухудшения охлаждения реактора. При этом общее число работающих насосов составило не 6, а 8.

Шаг четырнадцатый. Работа реактора с опасно низким числом стержней в активной зоне. Всем специалистам известно, что реактор управляется и глушится стержнями-поглотителями. Чем больше стержней, тем более управляем реактор. Когда число стержней становится ниже допустимого, реактор может начать неконтролируемый разгон, приводящий к аварии. Как пишет В.М. Федуленко (Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова): была обнаружена «...запись оперативного запаса реактивности перед взрывом: всего 2 стержня. Это катастрофическое, грубейшее нарушение технологического регламента: при снижении запаса реактивности до 15 стержней реактор должен немедленно быть заглушен. А перед взрывом он работал при 2-х стержнях». И опять поводом для изъятия стержней из зоны были указания А. Дятлова после самозаглушения реактора на вывод реактора на мощность, хотя он находился в «йодной яме» и его необходимо было глушить. Персонал выступил против, но руководитель пригрозил им увольнением.

Шаг пятнадцатый. Действия персонала конкретно вели реактор к взрыву, причём эти действия были даже продублированы, несмотря на необходимость заглушения реактора в ходе исполнения программы. Работа на 50% мощности и ксеноновое отравление реактора из-за звонка Киевэнерго, непонятное и преступное проведение эксперимента при самой неопытной смене ЧАЭС, спешка, давление на персонал, необходимость заглушения реактора после работы на 50% мощ-

---

ности из-за наличия запаса по стержням в 16 шт., что менее допустимого, но не сделанного персоналом, посчитавшим что программа Призма, определяющая это число, работает неверно (!). Дальнейшее самозаглушение реактора при отдаче Дятловым совершенно непонятного и загадочного указания на снижение мощности до 200 МВт, хотя до руководства ЧАЭС была донесена информация о плохой управляемости реактора в этом диапазоне, последующее совершенно непонятное и также загадочное неудержание мощности по причине ошибки персонала, либо неисправности оборудования, либо ксенонового отравления; непонятное и явно преступное отключение защиты по блокировке обеих ТГ (по закрытию СРК обеих турбин) якобы из-за необходимости повторить эксперимент, которое привело к абсолютно безумному действию — проведению эксперимента на работающем реакторе и создало все условия для взрыва реактора. Подключение большего числа насосов к выбегающей турбине — 4 вместо 2, что увеличило риск ухудшения снабжения реактора. Оставалось только убрать основную массу стержней из зоны, и дело было сделано. Чёткая цепочка на взрыв блока. При этом повтор эксперимента — это отмазка, ничего повторить было нельзя.

Чтобы усугубить ситуацию, резко снизили (до нуля) подачу в реактор питательной воды и совместили выбег и виброиспытания. Куда шли, то и получили.

Один из исследователей версии «диверсия» В.Г. Смирнов считает: «Рассмотрим теперь вторую версию: мы сознательно хотели бы устроить аварию на атомной станции и планировали совместить её по времени с началом перестройки. Как это сделать? Для этого нужна мощная инженерная и научная поддержка специалистов-ядерщиков... Такая группа специалистов-ядерщиков должна быть где-то при западном закрытом исследовательском центре в США или Европе и почти наверное под эгидой спецслужб. Наше дело было обеспечить эту группу свежей информацией и внедрять — так либо иначе — их рекомендации... У меня нет сомнения, что такое взаимодействие было налажено... По мере получения результатов исследований из СССР и собственных проработок постепенно прояснились условия для проведения акции. Очень ценными оказались результаты аварии на Ленинградской АЭС, но потребовались определенные усилия, чтобы спустить всё дело на тормозах... Эксперимент с выбегом был в этом смысле очень удобным инструментом, позволявшим снять нужные показатели. Все контрольные данные были

получены во время эксперимента с выбегом в 1985-м» (Смирнов В.Г. «Несколько замечаний о возможных причинах чернобыльской аварии»).

Какой-то непонятный интерес к этому эксперименту, по вышеуказанному авторитетнейшему свидетельству Владимира Ивановича Комарова (академика РАЕН, кандидата технических наук, бывшего замдиректора по науке Смоленской АЭС и бывшего главного инженера «Комбината»), проявлял сектор ЦК КПСС (!): «В начале 80-х годов при ЦК КПСС был создан сектор по надзору за АЭС, который занимался не безопасностью, а исключительно управлением АЭС. В сектор входили В. Марьин и Г. Копчинский, подчинявшиеся секретарю ЦК КПСС В. Долгих. Чиновники стали активно вмешиваться в управление АЭС, что и привело к катастрофе...» («Чернобыль: свидетельство Комарова»). Самое интересное, что при всем абсурде кадровой политики все основные кадры утверждались в том же загадочном отделе ЦК КПСС (Горбачев Б.И. Чернобыльская авария и версия «Диверсия»).

Как пишет Б.И. Горбачев: «...позднее загадочный номенклатурный работник ЦК КПСС, расследовавший причины аварии на ЧАЭС, поделился с нами такими своими сведениями: «...Председатель ГАЭН СССР Малышев сумел доказать М.С. Горбачеву, что приказ выводить четвертый реактор на мощность прошел из ведомства, подчиненного ему — генсеку ЦК КПСС».

Русская народная линия

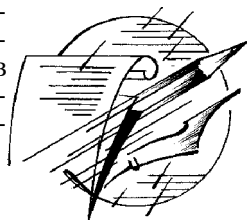
ШЕСТАЯ КОЛОННА

Герои извращенных телеканалов

Агентство «Царьград» констатирует: «Поистине беспрецедентный случай. Одна из ключевых фигур RT Антон Красовский выдал в эфире своей YouTube-программы «Антонимы» совершенно нацистское по духу и сути заявление: украинских детей, заявляющих, что «Украина оккупирована москалями», надо, мол, топить и жечь заживо. Бред, конечно. Но бред этот стал настоящим информационным подарком всем нашим врагам».

Нетрадиционная любовь» приводит ко всем остальным извращениям... Или наоборот? Во всяком случае безумие в одном приводит к безумию во всём остальном. И эти отщепенцы пытаются себя и себе подобных представить в виде нормальных и «прогрессивных», а нормальных людей перевести в разряд ненормальности, отсталости и маргинальности.

Как вообще такое становится возможным, что в российском официальном пространстве звучат человеконенавистнические призывы? Не оттого ли, что в СМИ и в среде креативной «элиты» находятся всякого рода извращенцы: и в ду-

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

ховном, и в физическом смысле этого слова? А как они туда, в медиа-пространство, вообще попадают? Что они до сих пор там делают?

Главный редактор RT Маргарита Симоньян сообщила, что остановила сотрудничество с журналистом Антоном Красовским из-за его высказывания о детях. «Высказывание Антона Красовского дико и омерзительно... Сложно поверить, чтобы Красовский искренне считал, что нужно топить детей. На данный момент я останавливаю наше сотрудничество, поскольку ни я, ни остальной коллектив RT не можем позволить, чтобы мелькнула даже мысль о том, что кто-то из нас способен разделять подобную дичь», — написала она в Телеграмм.

Правда, сложно понять, что означает «остановила сотрудничество» и «сложно поверить, чтобы Красовский искренне считал, что нужно топить детей»? Он же об этом заявил более чем искренне, исходя из своей уродливой природы.

У меня нет никакого сомнения, что «голубое лобби» вытащит своего поделщика Красовского, он продолжит свою работу в RT или окажется на каких-либо иных ключевых позициях в российских СМИ.

«Пятая колонна» в России пытается лепить ряженых «патриотов» из извращенцев. А настоящих патриотов — прихлопнуть, не пускать, перекрыть им все пути. И ничего не меняется даже в связи с проведением СВО, точнее — даже ухудшается.

Извращенцы-геи и другие представители ЛГБТ на «их» Украине находятся во власти, в СМИ, густо представлены даже в ВСУ, целые батальоны там из «ихних» педерастов. И вся эта масса негодяев ещё и нацисты. Ничего удивительного, явления сопряжённые и взаимодополняющие. Вот и ЛГБТ-шники в России, как видим на примере Красовского, ничем не отличаются от «великих укров». А в целом они и на т.н. Украине, и в России, играют одну игру по разложению, геноциду и дискредитации русского народа. Те оттуда в вышиванках и со свастикой кричат об уничтожении «русни», а эти отсюда, намеренно натянув на себя косоворотки, призывают уничтожать детей. В нужном месте они стыкуются, источают друг другу все прелести «нетрадиционной любви».

Сейчас много рассуждений об огромной пропасти между глубинным русским народом и т.н. «элитой общества», которая настырно продолжает развращать молодежь, проводить свои духовные диверсии против основ государства и русского духа, много разговоров о том, что нужно менять все подходы во внутренней политике, в первую очередь в вопросах

нравственности и культуры. Постоянно сейчас провозглашают, что высоким целям освободительного похода Русской армии в Малороссию должны соответствовать и высокие моральные установления современной России. Но воз и ныне там!

В какую только тему, связанную с рисками для страны, ни начнёшь углубляться — обязательно возникает связь этого негативного явления с адептами и поборниками «прав» ЛГБТ-сообщества. Не раз писал о т.н. «новой культуре» пестуемых в этом духе «агентах перемен», в частности, роли в этом Марата Гельмана и Вячеслава Суркова. Но в стране с властного уровня продолжается возвращение непонятных молодых управленцев под стать «агентам перемен», которыми движут либеральные представления об общественных интересах, цинизм, беспринципность, равнодушие и корысть. По большому счёту, такие управленцы и составляют значительную часть «пятой колонны» внутри страны. Достаточно напомнить еще раз о всей нетрадиционной семейке «пугачёвых» — как о самой «примадонне» в связи с её последним оскорбительным для граждан России заявлением из Израиля, так и о постоянно обливающим оттуда же помоями Россию Максиме Галкине, а также о главном пропагандисте ЛГБТ на российской эстраде Филиппе Киркорове. Главный редактор RT Маргарита Симоньян открыто в официальном пространстве назвала вещи своими именами. Она прямо назвала Галкина геем, который для обогащения, а также для продвижения по карьерной лестнице взял в жены «пожилую женщину» и убеждает свою аудиторию в том, что у них любовь. Также стоит отметить, что сама Алла издавна питает, о чем публично заявляла, несказанную симпатию ко всем представителям «нетрадиционной любви».

Алла с Максимом в Израиле, и уже, вероятно, в Россию не вернутся. Зачем нам их извращенное «творчество»? Однако «пятая колонна» их «наследие» забывать не позволяет. Так, 28 октября прошлого года на всю страну демонстрировалась очередная передача «Ну-ка, все вместе!» на «Россия-1». В качестве приглашённой была Кристина Орбакайте, которая спела песенки своей мамы.

Чей олигарх Абрамович?

Константин Малофеев, размышляя о поведении Зеленского во время и сразу после ракетных ударов по инфраструктуре т.н. Украины 10 октября, сказал: «...У нас (в России) есть информатор на достаточно высоком уровне, или не один, или целое крысиное царство, которое информирует противника...

Конечно, все они носят материально-политический характер. У кого-то что-то заморозили, обещали разморозить, если он будет вести себя правильно. У кого-то бизнес на Украине остался. Масса вариантов. Но эти люди, безусловно, помогают противнику видеть просто в режиме онлайн картину того, что происходит у нас в высших эшелонах власти...»

Глава т.н. украинской делегации «переговорщиков» Давид Арахамия в июне этого года заявил, что он определённо доверил бы Абрамовичу «защищать украинские интересы». Зеленский в марте этого года просил президента США Байдена воздержаться от введения американских санкций против Абрамовича, «поскольку он может оказаться полезным посредником в усилиях по ведению мирных переговоров». И Абрамовича вывели из санкций, он действительно оказался для нациков «очень полезным».

Российский (или израильский, английский, португальский?) олигарх активнейшим образом в сентябре этого года участвовал в странном обмене военнопленными между Россией и Украиной: 215 кровавых насильников и террористов на 55 наших воинов. Десять освобожденных Россией иностранных наёмников были доставлены в Эр-Рияд на частном самолете, и с ними вместе летел «славный» мультимиллиардер. Абрамович лично приветствовал освобождённых британцев на борту самолета, следовавшего из России в Саудовскую Аравию, мило беседовал с ними о футболе, угощал стейками, канапе и тирамису. Мало того — подарил освобожденным наемникам, убивавшим русских, смартфоны. Кровавые молодчики в ответ назвали его «легендой».

При участии Абрамовича проводились и «мирные переговоры» в Стамбуле в конце марта в Турции... Роман Аркадьевич в июне был также в первых рядах на церемонии подписания соглашения в той же Турции о вывозе «украинского» зерна. Того самого, о котором В.В. Путин позже сказал: «Американские компании — собственники этого зерна. Земли на Украине давно проданы американским компаниям, это их зерно, они своё зерно и вывозят». (Так зачем же вы, г-н президент, позволили им это сделать?... — Ред.)

Роман Абрамович пожертвовал израильскому агентству «Сохнут» 5 млн. долларов. Израильские СМИ называли это самым большим взносом Еврейскому агентству от одного донора. А за год до этого, федерация еврейских общин России (ФЕОР) по поводу своего 20-летнего юбилея, присуждая мультимиллиардеру награду за его вклад в жизнь еврейской общины, отмечала в интервью газете The Jerusalem Post, что за 20 лет на нужды еврейского сообщества по всему миру Абрамович потратил около 500 млн. долларов.

Про «Сохнут» в России — отдельный разговор. Данное агентство в нашей стране чуть-чуть прижали в связи с открывшимися фактами организации им плановой утечки мозгов из России в Израиль, наличия в структуре агентства действующих сотрудников Моссада и другими нетерпимыми при проведении СВО причинами, о которых, впрочем, публично не говорится.

Какие щедрые подарки делает Абрамович и еврейским организациям, и британским наёмникам, у которых руки по локоть в русской крови! Но отчего-то у него не хватает средств на поддержку Русской армии при её освободительном походе на т.н. Украину. Впрочем, в ряду большинства российских олигархов он в этом отношении не оригинален.

Так чей же олигарх Абрамович? Российский или антироссийский? Если бы был российским, то легко предоставил бы на нужды мобилизации и Русской армии полмиллиардика. Для него это мелочь! По помощи еврейским организациям по всему миру мы это видим. Как и по расходам на нужды английского футбола...

Не пора ли его богатства, нажитые непосильным трудом, чуть-чуть «национализировать»? А то он и подобные ему олигархи успешно продолжают грабить страну, вывозя свои активы из России, да ещё публично при этом отказываются от российского гражданства. Одним из последних в этом ряду олигархов, отказавшихся от России, стал некий Юрий Мильнер (15-е место в российском списке Forbes). А их — сотни, которым, по словам Малофеева, «что-то обещали разморозить на Западе, если они будут вести себя правильно. У кого-то из них бизнес на Украине».

Да, есть другие, но их единицы. Например, Константин Малофеев и Евгений Пригожин. «Ожиревшими котами» назвал Пригожин российских олигархов, не желающих оторвать от дивана свои розовые задницы».

Почему на тему национализации или хотя бы частичного возвращения (всего уже не вернуть) государству и народу награбленного кучкой дельцов и нуворишей нет чётких и однозначных планов правительства России? К этому всё равно придётся приходить, вопрос лишь в том, сколько можно будет вернуть? Чем позже — тем меньше. А то и вообще возвращать будет нечего: всё выведут, продадут, передадут на нужды врагов и «золотого миллиарда».

Побежали...

Как пишут «РИА Новости», «бегство Собчак — символ окончательного краха либеральной элиты». Ксюша позорно

сбежала из России накануне обысков в ее доме. Её коммерческого директора некоего Суханова задержали 24 октября по делу о вымогательстве (требование денег за nepyбликацию компромата). Потом прошли обыски и в доме Ксении. Собчак «благоразумно» предпочла покинуть страну — бежала раненько утором 26 октября через Белоруссию в Литву.

«Царьград» отмечает, что если раньше откровенной представительнице пятой колонны позволяли открыто оправдывать содомитов, критиковать спецоперацию на Украине и заниматься прочим «баловством», то сейчас в Кремле, в котором прекрасно осведомлены о талантах Ксении Анатольевны, от неё просто устали. Особенно после того, как открыли ещё один талант Собчак — вымогательницы.

Правда, здесь вопрос: почему её выпустили из страны? Ведь она была под статусом подозреваемой. Она и её перемещения были под контролем. Дали уйти? Как до этого дали спокойно покинуть страну Чубайсу. То есть теперь она, как и Толик, не сможет рассказать много интересного, что интересует следствие и всю российскую общественность.

А до этого, до «дела о вымогательстве», Ксения Собчак побывала в качестве свидетеля на беседе в Следственном комитете, куда её пригласили после того, как МВД попросило ведомство возбудить в отношении Собчак дело за распространение фейков о государственной власти. Оставалось только бежать. И бежать подальше.

Но как же её, скандальную и распущенную особу, двигали и поддерживали т.н. «талантливые политтехнологи» и «эффективные менеджеры»!

Очень многие в нашей стране задавались вопросами: что она делает на центральном телевидении? кто и каким образом додумался выставить её на центральное, по сути, государственное телевидение вместо привлечения к уголовной ответственности? Ещё в октябре 2017 года она заявляла: «С точки зрения международного права Крым — украинский. Точка». Разве это не посягательство на территориальную целостность государства и более того — разве это не экстремизм? Однако до сих в России за экстремизм по какой-то причине привлекаются в основном те, кто выступает за целостность России и сильную государственную власть.

В сентябре 2019 года в Киеве «Ксюша» приняла участие в программе «Личный код» радиостанции «Новое время». Ведущий программы — Евгений Киселёв, который, находясь в России, конкурировал по степени распущенности и русофобии с той же Собчак, а затем, сбежав на Украину, стал одним из официальных штатных украинских русофобов. Соратник

по борьбе спросил её: «Чей Крым?» «...Я уже не раз говорила во время своей предвыборной кампании и продолжаю считать, что Россия нарушила международные договоренности, и территория должна быть возвращена», — ответила «Ксюша».

Чего стоил только один её фильм «Дело Собчака», якобы о её отце, который демонстрировался на всю страну по Первому каналу в 2020 году! Под сурдинку размышлений об Анатолии Собчаке в этом фильме была явлена вся либералистическая мерзость. Чубайс — одно из центральных лиц фильма. Кроме него — Кудрин, Юмашев, Греф, Невзоров, Сергей Станкевич, Гавриил Попов, Глеб Павловский, конечно — Людмила Нарусова и некоторые иные подобные. Фильм был явно сделан не столько с целью памяти об Анатолии Собчаке, сколько с целью раскрутки вышеуказанных лиц по мотивам политической биографии Собчака и с бесцеремонной спекуляцией на имени В.В. Путина.

Можно долго анализировать тлетворную суть «деятельности» Ксении Собчак. Но это будет банально и скучно. Потому напомню лишь небольшой эпизод. Бывший ведущий Первого канала Иван Ургант в марте прошлого года из Израиля пропагандировал русофобские клипы в поддержку ВСУ. Разместил он у себя в телеграм-канале клип укропского «музыканта» Сергея Бабкина, в котором тот призывает «рвать рот русским солдатам». А скопировал Ваня «творение» этого нацика из аккаунта всё той же К.Собчак. Кстати, и Ксюша тогда находилась в Израиле — видимо, оформляя израильское гражданство. Так что сбежала она на давно подготовленную почву, то есть на «землю обетованную».

Как известно, «Ксюша», помимо всего прочего, как и положено всем из креативной либералистической публики, ещё и ревностный защитник геев и всех ЛГБТ-шников. Алла и Максим пугачевы-галкины тоже в Израиле. Там, а также в некоторых европейских странах ныне много таких же «бедных беженцев», «страдальцев за свои убеждения». Теплая собралась компашка. И она будет только разрастаться... Еще далеко не все креативные *ксюши* и *ванечки* туда сбежали... Скатертью дорога.

ПОБЕДА ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Всматриваюсь через свой перископчик в текущие события, но ничего отрадного не вижу. Правда, узнаю много нового и интересного от высшего руководства страны. Вот главнокомандующий и президент страны Владимир Путин сообщает, что мы с украинцами — единый народ. Отсюда, по логике, следует, что мы воюем сами с собой и стреляем сами в себя. Ладно, бывает. Вот министр обороны Сергей Шойгу объявляет, что наша цель — сбережение людей. Отсюда, по логике, следует, что начинать войну не надо было, потому что цель войны — Победа, а вовсе не сбережение людей. Именно так, кстати, воюет Украина, вообще не считаясь с жертвами, — и достигает неплохих результатов, надо сказать. Да и мы всегда пели, что-де Победа нужна «одна на всех, мы за ценой не постоим». А тут получается, что важна именно цена... Нерусский подход, если честно. Вот зампред ГД РФ Петр Толстой признается, что мы не разрушаем инфраструктуру Украины (прежде всего железнодорожные пути, туннели, мосты), потому что потом-де, после Победы, самим придется ее восстанавливать. Глубокий эконом! Да ты победи сначала, а потом решим, кто, что и за чей счет будет восстанавливать. А то ведь может получиться, что восстанавливать-то действительно придется нам — только в порядке репараций как побежденной стороне. Побежденной в войне, которую не выиграть, если не пресечь поставки западного вооружения противнику. Вспоминается Булгаков, писавший про «разруху в головах». Если это всё не она — то что?

Впрочем, о войне больше писать почему-то не хочется. Критиковать руководство — тут

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

большого ума не надо, да и дело это не слишком продуктивное, а хвалить особо пока не за что.

Кстати, о репарациях. В ноябре прошлого года произошло очень важное, на мой взгляд, событие — резолюция Генассамблеи ООН о выплате Россией репараций Украине. За документ проголосовали 94 страны, 14 — высказались против, 73 — воздержались. Рекомендовано создание международного реестра ущерба и механизма для возмещения убытков.

Понятно, что такая мера может быть приведена в исполнение только после военного разгрома и капитуляции России, чего пока трудно ожидать. Хотя, как заметил постпред России при ООН Василий Небензя, западные страны давно хотят разморозить попавшие под санкции российские активы, чтобы профинансировать поставки вооружений Киеву.

Но в любом варианте данное решение ООН ясно показывает нам, что нас ждет в случае поражения. В свете этого понятно, что какую бы цену пришлось нам платить за победу — экономическими ресурсами или человеческими жизнями, поражение обойдется нам дороже.

Однако главное, на мой взгляд, событие последнего времени — съезд КПК, прошедший для Си Цзиньпина триумфально. Это значит, что внутри компартии Китая одержала победу партия войны, настроенная на дальнейшую конфронтацию с США (а следовательно — на рабочую спайку с Россией) и на взятие Тайваня. И эта победа китайских ястребов — надолго, по крайней мере, пока жив товарищ Си.

Для нас это, во-первых, гарантия прочных союзнических отношений и поддержки со стороны Китая на международном уровне на обозримую перспективу. Русский с китайцем братья навек, как пели при Сталине, Россия с Китаем в одной лодке, наши судьбы взаимосвязаны, и это хорошо. Потому что Китай — восходящая сила, в то время как Запад — нисходящая. Нам пора это осознать в полную силу и совершить кульбит, обратный тому, что совершил когда-то Петр Великий, отвернувшийся от нисходящего Востока в сторону восходящего Запада. Это момент стратегический, важнейший.

Во-вторых, если, как я надеюсь, в течение хотя бы полугода Китай предпримет попытку вооруженного воссоединения с Тайванем, нам это очень сильно пособит в войне с Украиной. Потому что Запад (в первую очередь США) окажется перед необходимостью вести войну на два фронта, а это дело гиблое. Конечно, неслыханно обогатится западный ВПК, денно и нощно будет он ковать оружие уже не только для украинцев, но и для тайваньцев да и для са-

---

мих себя — ведь Америка вряд ли на этот раз останется в стороне от конфликта. Но в целом на западные страны ляжет бремя, возможно, непосильное. Так что все равно можно надеяться, что поток вооружений на Украину со стороны Запада уменьшится, и внимание к ней — тоже. Потому что для Запада Китай — угроза куда более страшная, чем Россия.

Удивительно, но Америка однозначно показала, что не собирается сама лезть в войну, вмешиваться в конфликт сколько-нибудь полноценно, что интересы Украины для нее на деле безразличны. Впрочем, НАТО также дистанцировалось от проблемы и не пожелало непосредственно втягиваться в конфликт. Пусть-де русские воюют с украинцами на уничтожение, но — без нас, а мы поможем затянуть войну, поставляя деньги и оружие Украине как слабейшей стороне. Странно только, что на фоне этой демонстрации Европа так бесится и выпрыгивает из собственных штанов, желая отомстить России за дерзкое и успешное вторжение на Украину и ярко проявленное (поначалу) военное превосходство. Русофобия Англии, Франции, Германии, Италии, Польши и др. очевидна, она бросается в глаза.

Я долго размышлял, в чем причина такой нутряной экзистенциальной европейской ненависти к нам, русским. На первый взгляд немотивированной. И почему европейцы не за страх, а за совесть переживают за украинцев и хотят им победы, хотя украинец европейцу — не брат, не сват и вообще никто и звать никак, и Украина никогда не входила в понятие «Европа» — разве только Галичина под поляками и австрийцами. Чем украинцы в глазах Европы лучше русских? Почему их готовы подержать, а нас нет?

Глаза мои начал открывать Олаф Шольц, внук эсесовца, потому что я понял, что для него украинцы — это те, кто встречал Гитлера цветами, кто воевал в составе батальона СС «Нахтигаль» и дивизии СС «Галичина», чьими руками немцы зачищали Украину и Белоруссию от евреев, проводили карательные экспедиции, били по тылам Красной армии, по партизанам Ковпака. Словом, для эсесовского последыша Шольца украинцы — старые, добрые и верные союзники третьего рейха, друзья, одним словом. Как же им не помочь?! А мысль о геноциде русских вызывает у Шольца смех.

Уловив эту связь, я продолжил думать в этом направлении и быстро понял главное. Западная Европа ненавидит нас, русских, именно за то, что мы разгромили Гитлера и тем самым лишили европейцев светлого будущего. Вот где собака зарыта!

Мы как-то все время забываем о том, что это для нас, русских и вообще славян, победа Гитлера обернулась бы геноцидом, этноцидом и схождением в небытие с мировой исторической сцены. Но совсем по-другому сложилась бы судьба Европы (за исключением Польши, которую Гитлер ненавидел не менее, чем Россию).

Разве Гитлер допустил бы там засилие еврейского капитала?! Ни за что! Недаром его финансировал такой борец с мировым еврейством, как Генри Форд. Холокост? А кого в Европе это всерьез волновало, кроме еврейских же ставленников вроде Черчилля?

Разве при Гитлере могло бы произойти нашествие на Европу цветных мигрантов?! Да никогда в жизни! При Гитлере в Европе был бы поставлен прочный заслон мультирасовой американской масс-культуре, а то искусство, которое он не без оснований считал «дегенеративным», никогда не поднялось бы на нынешний Олимп.

При Гитлере европейцы продолжали бы бурно плодиться, развиваться и благоденствовать вместо того, чтобы, как сейчас, вымирать и вырождаться. Они бы, как пиявки, сосали соки из побежденных славян, делили бы их земли и богатства, торговали бы их краденными сокровищами — природными и культурными. Словом, жили бы отлично и благодарили за это фюрера, искренне преданного идеалам белой расы и европейской идее. Недаром за Гитлера отчаянно сражались бельгийцы и датчане, голландцы и норвежцы, венгры и румыны, а французов в рядах вермахта было в разы больше, чем в рядах Сопротивления. Недаром Гитлера открыто поддерживали такие светочи европейской культуры, как писатель Кнут Гамсун, философ Хайдеггер, дирижер Фуртвенглер и множество других деятелей культуры и науки. Все они отлично понимали, что Гитлер несет Европе процветание и светлое будущее.

Всего этого лишили европейцев мы, русские. Раздав гитлеровскую Германию, мы заодно раздавили их мечты и надежды. И этого они, всё, наконец, понявшие, нам уже никогда не простят. Именно отсюда, из этого понимания, проистекает их неизбывная к нам ненависть. Именно поэтому они с такой любовью поддерживают откровенно фашистский киевский режим, нацистскую диктатуру на Украине. Для всей Европы, потерпевшей историческое поражение вместе с Гитлером, здесь кроется возможность реванша, отмщения русским за свою загубленную будущность.

Вот почему весь Запад воюет против нас на Украине. И вот почему для нас война на Украине есть продолжение Отечественной войны.

Спрашивается, что надо сделать, чтобы попытаться перевербовать хотя бы какую-то часть европейцев на нашу сторону? Чтобы заручиться поддержкой влиятельных сил на Западе, как это было во времена коммунистического СССР, когда огромные контингенты «левых» сил по идейным соображениям давили на свои правительства и добывали для нас секретную информацию.

Сегодня для этого нам следовало бы, напротив, сделать ставку на европейских «правых» — не могущих терпеть зримую гибель европейской традиции под ударами сторонников мультикультурализма, вавилонского всесмешения, диктатуры меньшинств и новых «европейских ценностей», включающих в себя идеалы ЛГБТ, феминизма, негритюда и многих иных прелестей. Открыто или тайно Россия должна протянуть руку тем, кто не хочет, чтобы Европа выворачивалась наизнанку, как перчатка, предавая себя, свою историю и культуру. Только так мы можем заполучить на Западе миллионы сторонников среди «правых», оказывающих нам, в свою очередь, явную и тайную поддержку, как оказывали ее когда-то «леваки».

В свое время Деникин и Врангель могли бы получить в широчайших народных массах огромную поддержку, поставив на карту антисемитизма. Ведь всем была видна роль евреев в революционных событиях и захвате власти большевиками, и лютая ненависть к евреям — разрушителям России — была свойственна всем участникам Гражданской войны: белым, красным, зеленым. Страшные погромы творили все они, Первая конная армия Буденного в том числе. Но белогвардейские вожди были в этом отношении связаны по рукам: в случае антисемитского разворота Франция и Англия немедленно прекратили бы поставки оружия, обмундирования и продовольствия. Превратить социальную битву в национальную не удалось, и белые проиграли.

Сегодня у российской власти есть шанс превратить едва ли не большинство белой Европы в своих союзников — в той необъявленной, но зримой расовой войне, в которой белая раса терпит ужасное поражение. Между прочим, Украина именно этим уже и отличилась на идейно-политическом поприще — и в этом одна из причин ее поддержки Европой...

По правде говоря, я сомневаюсь, что наша верхушка созрела для такого нетривиального политического разворота. А жаль. Потому что в противном случае мы с Западом враги навсегда. Или во всяком случае до нашей Победы. А значит, мы просто обязаны победить.

ПО ЧЬЕМУ ПЛАНУ ВСЁ ПОЙДЁТ?

С начала СВО нас убеждали в том, что всё происходящее — результат заранее разработанного плана. Многие сомневались в этом, а зря — всё действительно идёт по плану. Жалко, что не по-нашему.

И дело не в наших успехах или ошибках. Вся нашу деятельность можно охарактеризовать как всё более активную оборону, все действия — реакция на вызовы, провокации или откровенно враждебные действия. Обороняться можно достаточно долго, но победить, находясь в обороне, невозможно. Для победы нужно перехватывать инициативу и навязывать выполнение собственных планов. Планы наших врагов обозначены достаточно чётко, чего не скажешь о нашей стороне, наш колхоз пугающе напоминает знаменитый «партизанский отряд с предателем».

С момента распада СССР в отношении России осуществляется долгосрочная стратегия, направленная на нанесение невосполнимых потерь населению в расчёте на то, что со временем мы просто физически не сможем контролировать собственную территорию, что приведёт к распаду страны. Если процесс распада начнётся, на нас бросятся со всех сторон, причём не только враги, но и нынешние друзья.

Конечную цель стратегии в отношении России в своё время сформулировала М. Тэтчер — целесообразно население России около 15 млн. человек. Причём не факт, что коренного. Можно и завезти. Это значит, что 9 из 10 окружающих вас — родных, близких, детей подлежат уничтожению. Глобалисты не особо скрывали свои планы, особенно в 90-е. В те годы даже в России всевозможные «чубайсята» озвучивали и реализовывали подобные идеи. Фактически со времён гитлеровского плана «Ост» глобалистский Запад работает над его осуществлением. И события на Украине прекрасно вписываются в этот план, даже в случае нашей военной победы.

Основная цель войны на Украине — нанесение максимально возможных человеческих потерь, причём с обеих сторон. Не секрет, что большинство из тех, кто сейчас сражается на

передовой, — молодёжь из глубинки, которая и так испытывает критический недостаток населения. Это самая сильная духом и наиболее жизнеспособная часть населения, способная к продолжению рода. Именно они несут наибольшие потери. В случае распада России городское население, в массе своей безвольное, повернутое на самодостаточность, с атрофированными инстинктами самосохранения и продолжения рода, легко будет запечатать в «человечниках», превратив «индустриальные кластеры» в лагеря смерти. Механизм подобных действий успешно опробован во время пандемии.

Можем ли мы разрушить эти планы, для нас не слишком перспективные? А нам деваться некуда, мы **должны** это сделать.

Для того, чтобы разрушить планы врага и победить, нужно как можно более активно действовать в двух направлениях. Первое — в расчёте на длительную перспективу, второе может дать результаты уже сейчас и в случае успешной реализации разрушит всю стратегию уничтожения России и Русского мира.

К первому направлению, относится, естественно, повышение рождаемости и кардинальное изменение подхода к системе воспитания, которая у нас уничтожена, причём во многом благодаря равнодушию общества.

Причина низкой рождаемости отнюдь не материальная. Главная причина — малодушие. Чтобы найти себе вторую половину на всю жизнь, родить и воспитать детей, нужна смелость и сила духа, которой обладает всё меньшее количество русских людей. Нужно строить совсем другую систему ценностей и приоритетов для нашей молодежи, чем та, которая навязана нам за годы торжества либерального колониализма. Но, к сожалению, приоритеты сейчас отдаются другим, насущным делам, хотя система воспитания определяет в том числе и эффективность мобилизационного резерва.

Второе направление достаточно сложное, но в случае успеха может полностью смешать планы противника. Нам необходимо организовать переселение в Россию оставшейся вменяемой части европейской цивилизации, близкой нам по духу и разделяющей наши ценности.

Сейчас это может звучать достаточно странно, но с учётом развивающегося экономического кризиса это становится всё более реальным при условии, что мы сумеем создать возможности для желающих переехать и обеспечить мощную информационную поддержку. Расплата за те «ценности», которые сейчас насаждаются на Западе, неизбежна, и Россия может и должна стать спасительным островом среди надвигающегося хаоса. Срок жизни общества педерастов — одно

поколение. По биологическим причинам. Конечно, далеко не все на Западе склонны к этому. Но думаю, что в Содоме и Гоморре тоже не все этим занимались, многие просто ему по-такали и считали это нормой. Сгорели все. Тем, кто на Западе думает о невозможности жить по их «правилам», нужно помочь переселиться в Россию.

Если удастся, может получиться неплохой обмен — нам мужчин и женщин, желающих иметь семью, заводить детей, ждать внуков. Им — позитивных, радужных, самодостаточных организмов с бесконечным гендерным разнообразием.

А уж кто окажется прав в своём выборе, время покажет. Срок оглашения результатов экспериментальной работы по изучению неотвратимости Божьих законов стремительно приближается.

Многие мои сверстники становились многодетными в достаточно зрелом возрасте, когда осознавали, что на наше место уже приходят другие. Молодёжь сейчас рожать просто не хочет. Поколение пустоцветов, которое мы воспитали, обеспечит нам светлое будущее в рабстве у новых хозяев. Конечно, с модной приставкой «нео».

К сожалению, действия в обоих направлениях невозможны без чётко сформулированной идеологии Русского мира и кардинального пересмотра информационной политики, очистки российских СМИ от людей, работающих на врага и определенных усилий власти и общества. Пока мы не определимся, кто мы есть, — не сможем отделить своих от врагов.

Можно оставить решение этих проблем на потом, когда закончится война. А когда она закончится? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала ответить на другой — а эта война вообще когда-нибудь заканчивалась? Когда мы были сильны и готовы, как после 45-го, война переходила в тлеющее состояние. Когда они считали нас слабыми, начиналась горячая фаза. В 90-е мы решили прекратить войну и пошли навстречу, широко распахнув объятия. И получили пинок сапога как проигравшие в холодной войне и достойные лишь удела рабов, обслуживающих «цветущий сад».

Сейчас они опять считают нас слабыми, и для этого у них есть основания. И нам придётся показать, что мы сильные. Очень хочется прекратить или хотя бы приостановить военные действия, но остается вопрос: на чьих условиях. Наши условия известны — денацификация и нейтральный статус. Их условия — из более-менее внятных — отойти к границам до 2014 и только потом разговаривать. Это значит — вновь подвергнуть геноциду русских людей на исторически русских территориях, и только после этого нас проинформиру-

---

ют об условиях, которые устроят «вельможных панов» со свастиками. В Киеве принят закон об уголовной ответственности за участие в референдумах на территориях бывшей УССР. Но если референдумы якобы проводились «под дулами автоматов», и население мечтает обратно на задний двор ЕвроСодома, то зачем уголовная ответственность за участие в них? Мы не имеем права бросать этих людей, они более русские, чем мы, потому что доказали это собственной кровью.

К сожалению, даже у нас не все понимают, что единственный шанс Украине сохраниться — быть в составе Русского мира. Нацизм просто так не рассосётся, он пожирает народы и государства, которые его пригрели. Да и на Западе народ практичный, всегда с процентами возвращает вложенные средства, а средства вложены немалые, так что даже вариант Евромексика бывшей самой развитой республике Союза не светит.

И ещё о планах. Если всё будет продолжаться так, как сейчас, Россия сможет закончить конфликт на условиях, которые нас более-менее устроят. А за этим неизбежно последуют достаточно серьёзные изменения в нашем обществе и государстве. Англосаксы этого допустить не могут. Значит, будут пакости, причём очень серьёзные. Это их главное оружие, и владеют они им в совершенстве. Подрыв газопроводов говорит о том, что ставки крайне высоки, и в жертву может быть принесена не только Украина, но и Европа. И самая большая пакость в их арсенале — инцидент с ядерным оружием или ядерными материалами. По примеру инсценировок применения химического оружия сирийским правительством, когда это было абсолютно не нужно и крайне невыгодно сирийцам. Информационная раскрутка уже пошла, наша же реакция как обычно крайне вялая. Не хочется верить в подобный сценарий, но быть готовым к нему и предпринимать активные действия для его недопущения необходимо.

Похоже, что наступают времена, когда наихудшие варианты оказываются наиболее вероятными.

Почему у всяких байденов, фон дер ляйен и прочих боррелей такие наглые и самодовольные физиономии? Они уверены, что мы никуда не денемся и что всё идёт по их плану. Невозможно сражаться с империей Золотого Тельца, когда у нас торгашество лежит в основе практически всех государственных и общественных отношений. Отсюда и многие «странности» этой войны. Но теперь, чтобы России сохраниться, выжить и победить, нужно резко измениться основной части т.н. «креативного класса» — окол властной «элите» и самой власти.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Мы сейчас переживаем трудные времена. И дело куда серьёзнее, чем тяжесть нынешней войны. Россия уже 30 лет изнывает под навязанным нам Западом социально-экономическим строем — капитализмом.

Капитализм — это апофеоз страшного общественного греха — мамонизма, который уже давно подмял под себя всё человечество. Мамонизм выражается в стремлении к деньгам, к обогащению, в подвластности мамоне. Об этом совершенно однозначно сказал Спаситель: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6:24). Однако в лице капитализма этот враг Христа разрушает нашу Россию. Он принёс нам две чудовищные мерзости.

Первая: капитализм несет с собой антихристианство. Нет, он не запрещает христианство — но он уничтожает его ценности, нагло подменяя их откровенной прибылью. Не нужен Христос, не нужна нравственность — взамен предлагается целый веер грехов: сребролюбие, эгоизм, нажива, обман. Причём, как рекомендуют тренеры бизнеса, жажду денег надо разогреть до кипения — только тогда вас ждёт успех. Капитализм собирается буквально всё купить, включая любовь, веру и надежду, прямо по Пушкину — «Все куплю, сказало злато».

И вторая мерзость: капитализм убивает русского человека. Убивает физически. Разгром на чисто материально-экономическом уровне ужасен. Страна покрыта развалинами заводов, фабрик, колхозов, совхозов, брошенных с советских времен. Масса необходимых нам производств ликвидирована начисто. Большинство населения просто выживает, получая нищенскую пенсию или зарплату. Разрушены не только производительный сектор, но и наука, и медицина, и образование.

Правда, тяжело далеко не всем — процентов 10 населения России живёт нормально, покупает квартирки, строит дачки, ездит на тачках. А еще полпроцента живёт, вообще не зная никаких ограничений, — это продавшиеся западным

завоевателям компрадоры. Справедливость — одна из важнейших архетипичных черт русских — попорана полностью.

А сколько русских людей, не вписавшихся в рынок, лежит на кладбищах после перестройки?! А нынешние хозяева мира вообще считают, что человечеству не выжить без сокращения населения шарика до 1 млрд. И ясно, что русские — первые в «чёрном списке». Еще совсем недавно нас убивали ковидом и вакциной — избыточная смертность у нас за 2021 год — около миллиона человек. Капитализм убивает наш народ не только физически, но и эстетически, предлагая чудовищно низкопробную, уродующую душу человека культуру.

Как бороться против этого кошмара? Думается, что есть только один способ — православный социализм. Этот термин ввёл еще в 1905 году наш выдающийся мыслитель, протоиерей Сергей Николаевич Булгаков, и я им постоянно пользуюсь.

Православный социализм — это социальный строй, который характеризуется двумя главными чертами. Его идеология — православная, т.е. принципы жизни государства основываются на Евангелии и христианских заповедях, освящающих братские отношения между людьми. А экономика — социалистическая (типа сталинской), с общественной ответственностью на средства производства, плановым способом управления хозяйством и монополией на внешнюю торговлю. Такие предприятия составляют костяк экономики православного социализма. Но, кроме того, православный социализм подразумевает создание сети трудовых христианских братств, где современные технологии сочетаются с христианской верой и общинной жизнью.

В чем логика православного социализма? Вряд ли кто будет спорить, что Православие является духовной основой русской цивилизации. Православие связывает Россию с царством Небесным, со Святой Троицей.

А почему именно социализм? Потому что грех мамонизма настолько разросся, что никакой паллиатив уже не поможет. Только такое радикальное лекарство, как общественная ответственность, может поставить заслон мамоне. Только социализм способен победить омерзительный капитализм. Это показал нам советский социализм. Но настоящий социализм должен основываться не на материализме, не на марксизме — это была тяжелая ошибка, которая привела к краху Советского проекта, а на совершенно противоположном: на православной вере, на православной нравственности.

И мы должны понять, что Сам Христос показал нам этот путь. Еще две тысячи лет назад в Иерусалиме через Своих

апостолов Он реализовал из верующих христиан отнюдь не рыночное закрытое акционерное общество, а евхаристическую общину, где был введён строгий коммунизм, что обеспечивало единство как на духовном, так и социальном уровнях. Таким образом, православный социализм становится наследником Иерусалимской общины, распространяя ее идеи на всё общество.

И отсюда ясно, что христианская нравственность в идеологии православного социализма должна быть дополнена державными принципами: справедливостью, государствообразующей ролью русского народа, принципом «прежде думай о Родине, а потом о себе».

Если мы хотим видеть в образе России Святую Русь, то православный социализм является искомым благодатным путём к достижению этой цели. Это и есть краткая формулировка русской идеи. И иначе никак — олигархический строй и поддерживающая его либеральная идеология должны быть демонтированы, мирным путём, разумеется. Без этого наши мечты о Святой Руси останутся только разговорами. Боюсь, что без этого мы даже не выиграем нынешнюю войну с Западом, ибо, несмотря на некоторые исключения, клан олигархов возглавляет пятую колонну и работает на наших противников.

В заключение стоит заметить, что Россия в своей истории искала этот путь православного социализма — сначала через православную империю, а затем — через советский социализм. К несчастью, соединить эти попытки в нечто единое целое пока не удалось. Но, как говорится, еще не вечер, история не закончилась. И если мы захотим идти по этому пути, то Господь поможет, и несмотря на все трудности, мы этой цели достигнем.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год

(Октябрь — ноябрь)

Алла Пугачева лишь на несколько дней прилетела из Израиля в Москву, выставила на продажу свой умопомрачительный особняк за 1 млрд. рублей в деревне «Грязь» и вновь укатила в Израиль к своему голубому «иноагенту» Галкину. Но при этом она успела кое-что наговорить в ответ на естественную реакцию наших людей после ее заграничного оскорбления России и русских. Без этого ей, конечно, обойтись было никак нельзя. Не утерпела она, чтобы напоследок не выразить своего презрительного отношения к стране и народу, с которыми, как мы теперь понимаем, по несчастью, связала ее судьба и которых она вынуждена была терпеть всю свою «несчастную» жизнь:

«Какое счастье, что меня ненавидят те люди, которых я всегда терпеть не могла. Если бы я им нравилась, это значило бы, что я пела и жила зря», — написала она в Instagram. «Причина ясна. Пусть скрежешут зубами. Были холопами, стали рабами!» — подвела она окончательный итог наших с ней 70-летних отношений.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Я бы и не стал реагировать на это ее вполне естественное саморазоблачение, в котором никогда и не сомневался, если бы не один интересный факт. 34 года назад, в 1988 году, когда Алла Пугачёва была на пике своей славы в нашей стране, я написал статью «Улетай, туча!» — в качестве реакции на фильм «Пришла и говорю», посвященный именно ей, как тогда писали и говорили центральные газеты и экраны ТВ, «нашей всенародной любимице» и «великой певице». В советское время я не смог опубликовать эту статью, но потом, годы спустя, она вошла в четвертый том моего шеститомника.

Удивительно, но в той статье всё было предсказано — и бесславное будущее самой Пугачевой, и ее «улёт» от нас согласно пророческим словам песни, которую она сама же и исполняла: «Улетай, туча, улетай, туча, улетай, туча, у-у-у-ле-е-та-ай...»

Вот она наконец-то и улетела на свою «историческую родину».

* * *

Столько дней военкоры нас уверяли в подходе к Красному Лиману новых резервов и новой техники, а отставные генералы в телешоу на ТВ кормили нас скорыми масштабными контрударами, но кончилось всё тем, что Красный Лиман мы тоже сдали. Как сказано в скромном сообщении ТАСС, «отступили на более выгодные позиции».

2 октября после очередного обстрела Донецка из американских установок погибли семь человек. Они наверняка тоже с воодушевлением слушали 30 сентября патриотическую речь Путина и верили его словам: «Мы защитим наши территории». А защитить «наши территории» можно только единственным способом: нанести ракетный удар по властным структурам в Киеве. Без этого на «наших территориях» каждый день будут гибнуть десятки людей. Но в Кремле вот уже восьмой месяц почему-то предпочитают произносить красивые патриотические речи вместо того, чтобы отдать приказ о нанесении этих ударов. И почему-то даже теперь после варварских обстрелов «наших территорий» Украине не объявляется война. А не делается это, по всей видимости, потому, что в этом случае «Газпром» не сможет оплачивать Киеву транзит газа... И так не хочется лишаться последней крупной артерии, связывающей нас с враждебной Европой...

Но самое удивительное заключается даже не в этом, а в том, что во время переподготовки срочно мобилизованных запасников-резервистов происходит демобилизация из армии уже выученных солдат-срочников. То есть реальная ар-

---

мия, содержащаяся на наши налоги, в боевых действиях участия не принимает. А воевать должны великовозрастные запасники-резервисты, оторванные от семьи и производства... Это не просто какой-то бред, это вообще нечто новенькое в мировой военной истории...

* * *

Что изменилось после того, как Кремль провёл референдумы и включил в состав России четыре новых федеральных субъекта? Ничего. Обстрелы этих территорий только усилились, в том числе и Запорожской АЭС. Причем безнаказанно для **главарей** киевской жидоохлятской банды. В сентябре были подорваны наши газопроводы на дне Балтийского моря. А в ответ мы слышали бесконечные, многословные комментарии велеречивых телеэкспертов и вопрос г-на Небензи американскому представителю на заседании Совбеза ООН: «Отвечьте честно, это вы сделали, американцы?..» «Не... Это не мы...» — с ухмылкой ответил тот. И «расследование» этого акта международного терроризма шло без нашего участия...

В результате мы получили давно назревавший итог: 8 октября, на следующий день после 70-летия В.В. Путина, был подорван Крымский мост.

На фронтах — топтались на месте, окапывались, ждали подхода наших резервистов и наступления вооруженных до зубов нацистов.

А всезнающий и говорливый экономист М.Хазин в своих блогах рассказывал о том, что Путин ведет тайные переговоры с западными лидерами... Ну а жидобандеровский президент произносил речи и заявления, в том числе с требованием нанесения «превентивных ядерных ударов по России».

Все разумные люди понимали, что наши затянувшиеся игры в гуманизм и «жесты доброй воли» только и могли привести к еще большей наглости укронацистских нелюдей. Атака на Крымский мост, собственно, и подвела черту под этим всеобщим пониманием и открытым, прямым требованием в СМИ известных политиков и общественных деятелей нанесения ракетных ударов по нацистским властным структурам и критическим инфраструктурам жизнедеятельности Украины.

В день диверсии на Крымском мосту, 8 октября, командующим Объединённой группировкой войск в зоне СВО был назначен генерал армии С.В. Суворовкин, среди военных имеющий прозвище Суровый, а у западных политических наблюдателей — Армагеддон. 10 октября был нанесен двойной массированный ракетный удар (утром и вечером) по воен-

---

ным и жизнеобеспечивающим объектам Киева и других крупных городов «незалежной», в том числе по многочисленным ТЭЦ. Половина Киева, а также Львов, Тернополь, Днепропетровск и Харьков остались без света и воды. В последующие дни воздушные атаки на украинские города продолжались. То есть произошло наконец то, чего мы все ждали восемь месяцев после 24 февраля 2022 года. Как я неоднократно писал, если бы эти удары наносились без перерыва с самого начала СВО, война бы уже закончилась. И никакая мобилизация была бы не нужна.

Однако при всём при этом в сознании наших отдельных серьезных аналитиков оставалось одно неразрешимое недоумение: почему остаются нетронутыми офис президента в Киеве, телевизионные центры, а также банковская структура Украины?.. Кое-кто, например, Сергей Михеев, высказывал это недоумение по центральному телевидению. Но пока ответа на этот вопрос мы не имеем. Хотя некоторые догадываются...

Нет, не просто так всезнающий экономист М.Хазин говорил в своих блогах о тайных переговорах нашего президента с западными лидерами по энергичной инициативе Эрдогана... А воздушные удары по украинским объектам жизнеобеспечения — это сигнал Западу, чтобы был посговорчивее...

* * *

Еще одно следствие национальной политики Кремля. 15 октября, по сообщению Министерства обороны РФ, *«на полигоне Западного военного округа в Белгородской области двумя гражданами одной из стран СНГ совершён террористический акт. В ходе проведения занятия по огневой подготовке с лицами, добровольно изъявившими желание участвовать в специальной военной операции, террористы открыли огонь из стрелкового оружия по личному составу подразделения. В результате стрельбы 11 человек получили смертельные ранения. Ещё 15 человек с ранениями различной степени тяжести доставлены в медицинское учреждение».*

Наше такое смелое Министерство обороны не осмелилось даже страну назвать, откуда прибыли террористы: мол, двое граждан «одной из стран СНГ»... И только из других источников СМИ стало известно, что это были выходцы из Таджикистана. Завезя в страну многомиллионную армию среднеазиатских мигрантов, центральная власть решила привлечь этих новых россиян к участию в СВО. И мы увидели, что из этого вышло. Никому не известно, сколько среди них завербованных иностранными спецслужбами террористов.

Да и миллионы азиатских мигрантов, получивших российское гражданство, воевать за Россию никакого желания не имеют. А всё же привлеченные в армию — легко могут обернуть оружие против русских солдат.

Настолько это трагическое событие было неприятно для центральной власти, что после сообщения о нём 15 октября к нему в последующие дни никакие наши информационные агентства не возвращались ни разу и вообще не упоминали о нём наши велеречивые «эксперты» на телевизионных политических шоу. Сигнал сверху, как можно понять, запретил рассуждать на эту тему. И все эксперты и ведущие телепрограмм этому сигналу подчинились. Ну как же, не дай бог, русское население вдруг задумается о межнациональных отношениях... И политика непрерывного и всё более масштабного привлечения азиатской «рабочей силы» может затормозиться... А заодно и рост преступности в стране...

***

Еще один абсурд нашего времени. В стране 5 миллионов силовиков и более миллиона военнослужащих регулярной армии. А воевать некому. Приходится проводить мобилизацию резервистов.

***

Для чего Кремль бережёт Зеленского? Хотя тот готовится взорвать грязный ядерный заряд и угрожает ракетным ударом по Москве.

***

Кому — война, а кому..

Крупнейшие активы российских олигархов на Украине: — «Альфа Банк», среди владельцев которого значатся Михаил Фридман (32,8%), Андрей Косоков (40,9%), на которого не так давно (чтобы избежать санкций) переписали свои акции Герман Хан и Пётр Авен, и, наконец, сам Пётр Авен, у которого формально осталась доля в 12,4%;

— мобильные операторы «Киевстар» и Helsi принадлежат телекоммуникационной группе VEON, которой на 48% владеет фонд LetterOne Михаила Фридмана и Петра Авена;

— производитель минеральных вод «Моршинская», «Миргородская» и «Аляска» — владелец IDS Group Ukraine Фридмана, Хана и Авена;

— Херсон, Черновцы-, Житомир-, Ровно- и Кировоград-облэнерго, составляющие «ВС Энерджи Интернейшнл Украина», которая входит в российскую группу VS Energy экс-

---

президента ФК ЦСКА Евгения Гинера, заместителя председателя Госдумы РФ, справедливороса Александра Бабакова и Михаила Воеводина. Кроме того, группе VS Energy принадлежат: гостиницы «Премьер Палас», «Лыбидь», «Днестр» и «Русь», а также электрометаллургический завод «Днепро-спецсталь» и банк «Pinbank».

— Николаевский глинозёмный завод, Глуховский карьер кварцитов — оба в собственности группы РУСАЛ Олега Дерипаски;

— сеть парфюмерии Brocard и её дистрибьютор «Эгзагон» — принадлежат российской сети «л'Этуаль» Татьяны Володиной;

— производитель литья для АЭС — «Энергомашспецсталь» находится в собственности «Атомэнергомаша», входящего в состав корпорации «Росатом»;

— ООО «ВСМПО Титан Украина», производящий титановые трубы и ООО «Демуриновский горно-обоганительный комбинат», разрабатывающий запасы титано-циркониевых песков в Днепропетровской области, оба относятся к российской корпорации ВСМПО Ависма, производящей титан для предприятий ВПК России.

Помимо этого, на Украине до сих пор работают отделения дочерних компаний Сбербанка, Проминвестбанка, Форвард Банка (владелец Рустам Тарико — холдинг «Русский стандарт»).

— Сумское машиностроительное научно-производственное объединение, Сумской завод насосного и энергетического машиностроения «Насосэнергомаш» — владелец россиянин Владимир Лукьяненко;

— производитель подсолнечного масла группа ViOil — в собственности гражданина РФ Виктора Пономарчука;

— торговый центр Ocean Plaza (Киев), 67% которого принадлежит структурам Аркадия Ротенберга (да-да, того самого);

— один из крупнейших производителей полуфабрикатов на Украине — «Ермолино» (Ермак Голд). Владелец российский предприниматель Илья Александров;

— ресторанный холдинг Bulldozer Group (Queen Country Club на Обуховском шоссе в Козине. Рестораны Queen, Virgin Izakaya, «Рыба пила», Eshak) — владелец российский ресторатор Александр Орлов;

— производитель и дистрибьютор кофе и чая ООО «Орми Украина» (ТМ Greenfield, Tess, «Принцесса Нури», Jardin и «Жокей») — записан на россиянку Веронику Касьяненко;

— ТЦ «Мармелад» в Киеве, который находится в совместном владении главы «Газпрома» Алексея Миллера, основно-

---

го акционера банка «Россия» Юрия Ковальчука и члена Госдумы Единой России Александра Фокина;

— сеть отелей Reikartz — владелец Юрий Васин, акционер российского ЕАТП Банка (Астрахань);

— Житомирский мясокомбинат и Андрушевский масло-сырзавод (ТМ «Мясная Гильдия», ТМ «Ранчо», ТМ «Gremio de la Carne») — хозяин российский предприниматель Армен Меликян;

— популярный туроператор TUI (ООО ТТВК), принадлежащий сыну российского олигарха Алексея Мордашова — Никите.

Ну и много-много-много других, помельче.

Впечатляет? А мы восемь месяцев удивлялись, отчего это наш «специально-операционный» генералитет упорно не трогал украинскую инфраструктуру.. Многие представители правительства и окол властной «элиты» являются привилегированными акционерами этих компаний, получающими повышенные дивиденды от их доходов.

* * *

Накануне путинской речи на Форуме международного Валдайского клуба в конце октября Г.А. Зюганов при обсуждении в Госдуме бюджета 2023 года «открыл» депутатам глаза: после конфискации западными банками наших золотовалютных средств на сумму 300 миллиардов долларов Центробанк запланировал отправить туда же еще 265 миллиардов долларов. «За это надо отправлять на Магадан!» — отчаянно воскликнул лидер компартии. Прекраснодушную речь нашего президента и его последующую пресс-конференцию показали и несколько раз повторили все центральные каналы ТВ, но выступление Зюганова в Думе ящик, естественно, не показал и даже ни разу не процитировал.

Все эксперты политических телешоу 27 октября восторгались речью Путина, по многу раз цитировали его хлесткие высказывания, но зюгановское «открытие» не упомянул никто. Никому не хотелось смазывать впечатление от еще одной эпохальной, духоподъемной и такой «правдивой» речи нашего президента. Правда, вечером того же дня ящик в конце одной из новостных программ обратился к населению с призывом оказать финансовую помощь на дорогостоящее лечение тяжелобольной девочки по имени Кира. Для убедительности ее даже показали телезрителям. Видимо, из готовящихся Центробанком к отправке на Запад 265 млрд. баксов изъятие средств на лечение тяжелобольных детей не предусмотрено. Да и не может быть предусмотрено, т.к. Центробанк под-

---

чиняется только МВФ и больше никому. Даже во время войны. Вернее, — спецоперации...

* * *

В своей валдайской речи наш президент спрогнозировал на ближайшие десять лет «сложные времена». И тем не менее при всех разоблачениях и обвинениях Запада в наращивании конфронтации с нами в итоге своего выступления Путин выразил надежду на улучшение отношений со всем западным миром. Как надо понимать, по его же прежним словам, — с «империей лжи», с «сатанинской идеологией», с теми, кто желает нас «расчлениить и уничтожить»...

И опять, в который уже раз — повторил: «Мы готовы к переговорам». По всей видимости, только ради одной этой фразы и была задумана вся его валдайская речь. За последние два осенних месяца ни одно из его выступлений не обходилось без этой фразы.

* * *

И Керенский, и Горбачёв любили произносить патриотические речи... Чем их «духоподъёмные» выступления закончились и к чему привели — все хорошо помнят.

* * *

На Первом телеканале в левом верхнем углу экрана время от времени появляется многозначная аватарка — глаз в треугольнике или, по масонской терминологии, «всевидящее око». Многие этот «глаз» просто не видят, а если и видят, то не понимают и не придают ему значения. Но появляется он, конечно, не случайно и не ради пустой заставки или некой экзотичной рекламы.

Какое-то время назад все новостные программы Первого канала шли на фоне большой шестиконечной звезды. Многие зрители тоже ее не видели или не обращали на нее внимания. Потом она исчезла. И вот теперь — осенью этого года — появился глаз в треугольнике... Выставляется он, естественно, для *своих*, всё понимающих людей. С помощью этого знака им как бы хотят сказать: не бойтесь, у нас всё под контролем, всё идет по нашему плану...

Наглость и демонстративная откровенность Генерального директора Первого канала г-на Эрнста тоже говорят о многом. Он уже ничего не боится, действует вызывающе и издевательски по отношению к российскому телевизиорному «быдлу». И *своим* тоже хочет сказать: ничего не бойтесь!

И у них действительно всё под контролем. Израильтянка «Ксюша» Собчак из подозреваемых переведена в «свидете-

---

ли» уголовного дела, по которому она проходит по статье «За вымогательство». А дочь «Аллы Борисовны» К. Орбакайте 28 октября в музыкальной программе «А ну-ка все вместе!» пела песенки своей израильской мамаше под бурные аплодисменты других радостных исполнителей... И миллионом телезрителей это показательное, **демонстративное** хамство опять же, как всегда, было невдомёк.

* * *

История России имеет немало великих полководцев, которые побеждали сильнейшие армии мира: Невский, Донской, Пожарский, Суворов, Кутузов, Скобелев, Брусилов, Рокоссовский, Конев, Жуков... И вдруг — генерал Шойгу, руководящий, как считается, 2-й (после США) армией мира, которая уже девять месяцев не в силах взять находящуюся под Донецком Авдеевку... Генералы «странной войны»...

* * *

Ночью 5 ноября (вслед за праздником «Народного единства») в Костроме сгорел ночной клуб «Полигон». Погибли 13 человек. Возможно, в этом ночном «Полигоне» веселились те, кто откосил от мобилизации. От войны не спрячешься нигде. Она достанет каждого на их «полигоне».

И мне вспоминается другой молодежный «полигон», превратившийся в пылающий крематорий. В ночь на 5 декабря 2009 года в Перми сгорел ночной клуб «Хромая лошадь». Погибли 155 человек. Но ничему та трагедия, как видим, наши власти не научила, и не стала она никому уроком.

Тогда, в декабре 2009-го, я написал в «Протуберанцах»: «Нормальные люди в нынешней уничтожаемой и оскорбляемой России никогда не будут ошиваться в ночных клубах. ...Задумаемся на минуту: что происходит в этих клубах и чем там занимаются? Нужно ли кому-то объяснять, что там демонстрируется и культивируется РАЗВРАТ.

Где молодежь сажают на наркотики? Там, в ночных клубах. Где склоняют девушек к проституции? Там, в ночных клубах. Где поощряют и навязывают педерастию? Там, в ночных клубах. Где не отвергается матерщина? Там, в ночных клубах — инкубаторах мерзости и разложения. Это должно было произойти. Огонь в Перми поглотил только малую часть беспредельного, повального разврата, захватившего всю Россию. Но могло это произойти и в Москве, и где угодно. В ночные клубы погружены все наши города. (Потому они и «ночные», что служат князю тьмы.) И что же, мы думали, что так будет продолжаться бесконечно и безнаказанно?»

За последние 10 лет популярный среди костромской молодежи «Полигон» ни разу (!) не был удостоен внимания пожарной инспекции. Его хозяином является местный депутат, член региональной азербайджанской национально-культурной автономии Ихтияр Мирзоев.

Давно уже до центральных властей должна была дойти элементарная мысль: ночные клубы необходимо срочно закрыть. И уж тем более во время всё разгорающейся нашей войны с Западом.

* * *

В начале ноября уже было ясно, что Херсон готовят к сдаче. В центральных СМИ всячески нагнеталась «тревожная обстановка на правом берегу Днепра» и навязывалось ожидание крупного укронацистского наступления. То есть общественное мнение в России готовилось к очередному отступлению наших войск: мол, ничего не поделаешь, мы вынуждены были оставить правый берег, чтобы сберечь жизни «наших парней»... И морально, в общем-то, все в первой половине ноября уже были готовы к этому. Руководство города перебралось на левый берег. Эвакуация жителей Херсона была закончена. А 300 тысяч резервистов всё еще находились где-то в пути...

* * *

9 ноября генерал Суrowsикин в прямом эфире ТВ доложил министру обороны Шойгу о решении сдать Херсон и переправить наши войска с правого берега Днепра на левый. Надо понимать, что решение это было принято задолго до 9 ноября и не Суrowsикиным. А ведь это территория России, за которую население Херсонской области проголосовало на референдуме!

За несколько дней до этого сообщалось о конфиденциальных беседах главного советника президента США Байдена по национальной безопасности Салливана с главным советником президента Путина по внешней политике Ушаковым и секретарём Совета безопасности РФ Патрушевым, а также о телефонных переговорах министров обороны России, США и Англии.

Как сказал Суrowsикин в своем телевизионном докладе министру обороны, потери ВСУ на херсонском направлении составили девять с половиной тысяч солдат и офицеров. По его же словам, сравнение наших и украинских потерь под Херсоном составляет один к семи. Это означает, что мы потеряли в битве за Херсон более 1300 военнослужащих. За что они погибли? За проведение «конфиденциальных» переговоров?

Нет, совсем не случайно свою валдайскую речь в октябре этого года Путин закончил словами: «Мы готовы к переговорам».

Те, кто в скабеевских и соловьевских телепрограммах громче всех кричал о невозможности сдачи Херсона, в тот же день, 9 ноября, стали оправдывать «трудное решение Суrowикина»... Даже Кутузова притянули за уши для убедительности, который более двухсот лет назад сдал Москву...

***

Если бы 24 февраля кто-то сказал, что через девять месяцев армия Путина и Шойгу будет топтаться возле Авдеевки, в это не поверил бы никто, даже наши недруги.

***

11 ноября наши войска ушли из Херсона. В тот же день в него вошли украинские нацисты и подняли над русским городом свой жидобандеровский флаг — над городом, где совсем недавно был проведен референдум о вхождении в Россию и в школы которого уже были завезены русские учебники...

Перебравшись на левый берег, наши военные взорвали автомобильный и железнодорожные мосты через Днепр. То есть российское командование опасалось, что украинская армия форсирует Днепр и будет наступать дальше... Это значит, что на правый берег мы если когда-нибудь и вернемся, то очень нескоро.

На нашу землю вернулись фашисты. И чтобы их победить, нужно всей стране снова жить по законам войны. Но страна находится в каком-то полусонном, пофигистском, расслабленном состоянии. 11 ноября, в день ухода из Херсона, в день всероссийской печали, на телеканале «Россия-1» весь вечер либерально-попсовая и наполовину ЛГБТ-шная тусовка во главе с Киркоровым вновь впаривала нам свое весёлое праздничное горласто-танцевальное шоу...

Все девять месяцев т.н. «СВО» против России воевала вся Украинская армия вместе с натовским вооружением и иностранными наемниками. Но против Украины воевали российские контрактники, лишь в конце дополненные мобилизованными резервистами. Регулярная российская полутора-миллионная армия, которую мы содержим на свои налоги, в этих военных действиях участия не принимала. И мы хотели таким способом победить? Какой великий стратег до этого додумался — нам неизвестно. Похоже, генерал армии Суrowикин был назначен командующим СВО именно для того, чтобы взять на себя ответственность за уход с правого берега

Днепра... Чтобы именно он доложил о необходимости этого ухода нашим великим московским стратегам...

В тот же день замглавы МИДа Рябков сделал официальное заявление — «Россия открыта к диалогу с Украиной без предварительных условий». А вслед за ним подал голос Д. Песков: «Целей СВО можно достичь мирными переговорами». Уход из Херсона дал им надежду...

* * *

Агрессором в настоящее время является именно Украина. Ведь война идет на территории России — в четырех ее регионах: в Донецкой, Луганской, Херсонской и Запорожской областях. Не говоря уже об обстрелах Белгородской, Курской и Ростовской областей с множеством жертв и пострадавших. То есть российские войска в прямом смысле этого слова **освобождают** собственную территорию. И украинская армия, усиленная и вооруженная всей Европой, так же в прямом смысле этого слова **армия-агрессор**. И потому эта война для нас Отечественной. И потому эта война является для нас Отечественной.

2022 год стал для нас 1941 годом. Россия, как и в 1941 году, воюет за освобождение собственной земли от нацистско-фашистских захватчиков. Те же захватчики, те же кровожадные «демократы», что и восемьдесят лет назад, пришли на нашу землю, чтобы покорить и задушить русских. Те же самые, которых мы победили в 1945-м, вновь пришли за нашими скальпами и за кровью наших детей — немцы, французы, поляки, итальянцы, румыны, чехи, словаки, болгары, испанцы, бельгийцы, хорваты, голландцы, норвежцы, финны, литовцы, латыши в одной компании с жидобандеровцами. Теперь к ним присоединились американцы и англичане, бывшие тогда, в сороковые, нашими союзниками. То есть **весь** кровожадный демократический Запад.

Они расстреливают и пытаются наших пленных солдат. При оставлении нами Херсона они сразу расстреляли около ста мирных жителей города, «сочувствовавших России». Как и подобает фашистам и европейским оккупантам всех предыдущих времен.

И что же нам остаётся? Продолжать устраивать «жесты доброй воли»? Идти с ними на «зерновые сделки» и «переговоры»? В то самое время, когда война идет на **нашей** территории, когда армия освобождает **нашу** землю. Разве Сталин хоть раз заикался о каких-либо переговорах с германскими нацистами после 22 июня 1941 года? И разве мы вели переговоры с Германией 8 мая 1945 года?

С оккупантами и агрессорами до полной победы и освобождения всей нашей земли никаких переговоров быть не

может. Пусть это зарубят себе на носу все абрамовиче-песковско-мединские «переговорщики». И те, кто дёргает их за ниточки.

* * *

После сдачи Херсона туда срочно приехал отморозок Зеленский вместе со своей жидобандеровской бандой. То есть он приехал на **нашу** территорию и своими грязными копытами топтал землю, которая согласно российской Конституции принадлежит России! Но почему в это время на левом берегу Днепра молчали гаубицы российской армии? Почему не взлетели наши боевые беспилотники «Герани» и не нанесли удар по жидобандеровской банде? Что, кому-то в Москве очень нужен живой ублюдок Зеленский? Интересно бы знать — кому?

Публичной реакции Путина и Лаврова на визит Зеленского в Херсон не последовало. Видимо, прежние патриотические и духоподъемные слова поиссякли.

* * *

Народ отдает в пекло войны своих сыновей. Войны, которая не объявлена. И народ вправе спросить нашу власть: что она собирается делать дальше? — воевать как положено или всё так же проявлять гуманизм по отношению к киевской нацистско-фашистской банде и рассказывать миру о своей «открытости к переговорам?» В чём теперь заключаются «планы» военной спецоперации? Может, теперь у нее какие-то другие — тайные — планы? Почему мы до сих пор не наносим ракетного удара по киевской жидобандеровской хунте? Почему в течение девяти месяцев «спецоперации» не были уничтожены мосты и туннели, связывающие Украину с Европой? И сколько лет будет длиться СВО? Вопросов множество. И ответа на них мы так и не услышали.

Сталин умел признавать ошибки и неудачи первых лет войны и открыто о них говорил. А у нынешних властей, что, духу не хватает? Откуда берутся разговоры о «договорняке» с врагом? Оттуда и берутся — от властной скрытости своих намерений. От неумения и нежелания прямо и честно говорить с народом.

* * *

18 ноября 2022 года в Стерлитамакском районе Башкирии сгорела еще одна многолетняя семья — двое родителей и пятеро детей. В пять часов утра загорелся кирпичный дом. Пламя мгновенно охватило все комнаты. Само собой, версия трагедии обнаружилась без каких-либо проблем. По стандарт-

---

ной официальной версии, точнее, по привычной, давно отработанной практике, причиной пожара было объявлено короткое замыкание проводки. Ну кто бы в этом сомневался!.. От «замыкания проводки» среди ночи вдруг загорелся весь кирпичный дом!.. А какие еще могли быть другие причины? Следствию и московским СМИ сразу всё стало ясно, и они сразу об этом сообщили.

Давно осточертевшее вранье новостных попугаев, зачитывающих кем-то сочинённый дебильный текст, уже не просто смехотворно, но крайне отвратительно по своей ехидной лживости. Любой электрик, да и просто мало-мальски грамотный человек знает, что от короткого замыкания пожара в современных домах быть не может. От короткого замыкания перегорят пробки или сработает реле, и в доме (или в квартире) просто отключится электричество. Но чтобы от замыкания проводки (которое тоже самопроизвольно не происходит) пламя мгновенно охватило нескольких комнат кирпичного дома, — это не просто из области несбыточной фантастики, это из области циничного, махрового вранья, рассчитанного на полных идиотов, лохов и недоумков. К огромному сожалению, большая часть населения этому махровому вранью верит.

Для чего на это заведомое вранье легко ведутся следственные органы — тоже понятно. Чтобы не искать поджигателей. А зачем, когда на всю страну уже объявлено: пожар от короткого замыкания? В протоколе так и записали, и дело закрыли. Зачем, к чему суетиться, когда и местную власть и собственное начальство это «заключение» вполне устраивает. При всех случаях пожаров в домах с многодетными семьями, которых за последние двадцать лет — десятки, если не сотни (естественно, от «короткого замыкания»), поджигателей не наши ни разу. Впрочем, их и не искали.

* * *

На следующий день, 19 ноября, в поселке Тымовское на Сахалине после сильнейшего взрыва обрушился угловой подъезд пятиэтажного жилого дома. Погибли девять человек, среди которых пятеро детей. Сначала в центральных утренних новостях сообщили о взрыве бытового газа. Затем, когда выяснилось, что дом не газифицирован, мгновенно придумали версию о взрыве в одной из квартир «неисправного» газового баллона, хотя реально никто этот баллон в глаза не видел. При разборе завалов он так и не был найден. И никому, естественно, в голову не приходил вопрос: зачем нужен газовый баллон в доме, где плита работает от электричества? Но не дай бог у кого-то появится версия теракта!.. И весь день 19 ноября СМИ галдели о взрыве газового баллона...

И опять приходится повторять элементарные, понятные любому мало-мальски грамотному человеку: от взрыва бытового газового баллона весь подъезд пятиэтажного дома обрушиться не может! Эта еще одна дебильная версия новостных попугаев точно так же, как и в случае с пожаром от «короткого замыкания», не просто смехотворна, но и до отвращения лжива. Но опять же эта удобная, привычная для властей и следственных органов версия сразу вбрасывается в сознание населения, чтобы быстренько закрыть уголовное дело и не искать террористов. А зачем, если версия «взрыва бытового газового баллона» всех устроила?.. (Лишний раз уточню: версия, а не сама трагедия.) И дальше можно не париться и не искать исполнителей теракта.

Страна воюет со всем Западом. Нам объявили джихад фашистская Украина и террористический ИГИЛ (запрещенный в России). А местным властям гораздо легче все диверсии списывать на пресловутые, штампованные, бездумно проходящие по протоколам: «короткое замыкание», «непотушенный окурок» (который, естественно, никто никогда не видел), ну и, конечно же, «взрыв бытового газа»...

В тот же день, 19-го, под Санкт-Петербургом **сам собой** взорвался магистральный газопровод. Никаких других причин по ящику названо не было. А зачем? Сказали вам «сам» — значит **сам**. И нечего наводить тень на плетень... Начальству и телевизорным оракулам знать лучше... А 20 ноября на площади Трех вокзалов в Москве **сам собой** загорелся вещевой склад. Огонь охватил 19 тысяч кв. метров. Погибли семь человек. Отчего загорелся склад — на этот раз ящик не сообщил, фантазии, видать, не хватило. Значит, надо думать, опять от непотушенного окурка...

* * *

Мировой либерализм (как и российский) абсолютно естественно выродился в мировой (как и российский) педерализм. Основным рупором российского педерализма в настоящее время является радиостанция «Маяк», на которой ведущие круглосуточно ржут как резаные, а в эфир днем и ночью бесконечно гонится американская попса. Не отстают от него и Первый канал. На попсовых шоу там уже поют не люди, а некие искусственные монстры, виртуолы, бесполые виртуальные существа. Кстати сказать, передранные с американского телевидения.

* * *

То, о чём я неоднократно писал в «Протуберанцах», наконец признал и сам Путин. 25 ноября на встрече с матерями

воинов, участвующих в СВО, он сказал, что нужно было присоединять Донбасс 8 лет назад — в 2014 году. То есть публично признал свою ошибку, признал, что т.н. «минские соглашения» на деле оказались пустым и никчемным мыльным пузырьком. «Может быть, и не было бы столько потерь среди мирных граждан, не было бы столько погибших детей», — признался он, словно прозревший через 8 лет убийства Донбасса.

Кто же теперь ответит за столь дорогую цену той «ошибки»? Кто те кремлевские «эксперты» и советники, которые своими предательскими советами подвели его к этой многожизненной «ошибке»? И где теперь те сервильные, «перепуганные» «патриоты», которые все прошедшие восемь кровавых лет оправдывали предательство русских людей в Донбассе и уверяли страну с экранов ТВ в том, что она, страна, не готова к тому, чтобы ввести войска в Донецк, Луганск, Харьков и Мариуполь, когда жители этих городов умоляли Россию сделать это и когда вся жидобандеровская мразь со страху сбежала из Харькова и со **всего** Донбасса? Как теперь себя чувствуют эти лизоблюдствующие, пресмыкающиеся перед любыми действиями властей Куликовы, Киселевы, Поповы и другие «телепатриоты»? Или ради должности в тележурналистике можно и придушить остатки совести?

Думается, недалеко и то время, когда во всеуслышание будет сказано о том, что был большой ошибкой отвод наших войск из-под Киева и Одессы. Что было не меньшей ошибкой начало какого-то скоропалительного процесса «переговоров» с преступной жидонацистской киевской бандой в Беловежье и в Стамбуле. Пока об этом наши главные власти помалкивают. Но со временем на какой-нибудь очередной встрече с некой общественностью или пресс-конференции мы вдруг услышим и это признание... Хотя все месяцы СВО русская патриотическая пресса открыто и прямо высказывала возмущение и недоумение этими абсолютно никчемными, бессмысленными, высосанными из пальца «переговорами». Глядишь, как-нибудь и сам президент вновь подтвердит нашу правоту...

Но есть «ошибки», которые совершаются прямо сейчас, на наших глазах. Мы до сих пор зачем-то гоним газ в Европу через Украину и платим ей за транзит. И нашими деньгами (миллиардами долларов, между прочим) фашистская Украина расплачивается с Европой за оружие, которое убивает наших солдат. А также мы для чего-то всё ещё бережём жидонацистскую хунту и её погрязшего в крови ублюдочного главаря... Не слишком ли дорогая цена всех этих «ошибок»?